

ЕЦА
ИНСТИТУТА.

Ф 221

Р-332

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

**ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ
НАУКЪ,**

Конспектъ Лекцій, читанныхъ Профес-
соромъ **РЪДКИНЫМЪ.**

КУРСЪ ПЕРВЫЙ.

ЛИТОГРАФИЯ А. СТЕПАНОВА.

(Больш. Мясн. д. № 14, кв. № 11.)

юридический и политический науки.

Конспект лекций и так называемый профессорский
Ряджины

Введение.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

1. Знаение предстоящих лекций

1. Различие в прежнее и нынешнее название науки, состав-
ляющих предмет нашей кафедры.

По прежнему уставу преподавалась Энциклопедия Законо-
вдения; по новому уставу Энциклопедия права состоит из Энцикло-
педии юридической и политической науки и из Истории фило-
софии права.

2. Различие в отношении состава нашей кафедры.

Прежний уставом не определялся состав Энциклопедии Законо-
вдения; по новому уставу Энциклопедия права состоит из Эн-
циклопедии юридической и политической науки и из истории
философии права.

3. Причина первого различия и его следствие.

Слову законность применял законодательство за единственный источник,
не считая из прочих источников права, т. е. ни из обычного пра-
ва, ни из так называемого права юристов / или практики и тео-
рии /; отсюда в прежнее уставе всегда почти говорится о зако-
нах, законодательстве, законовдении, а в новом - о праве, правовом
ведении; а потому и наша наука в прежнее уставе называлась
энциклопедией законовдения, а в новом энциклопедией права. Отсю-
да следует, что теперь в Энциклопедии права должны разсматри-
вать не одно законодательство, а вообще право.

4. Причина второго различия и следствие его.

Прежний уставом не было определено состав нашей кафедры, по-
тому, что еще подразделяемая из напечатанной с Высочайша-
го утверждения программы, в которой, между прочим, определены
состав и нашей кафедры. По этой программе в Энциклопедии за-
коновдения выходили, кроме энциклопедии юридической науки, со-
ставляющей ее основу или доминантною часть, еще Историю фило-
софии законодательства и историческое обозрение законодатель-
ств Русского и Императорского подвещивания
особенной или исторической ее части. По новому уставу, Энцикло-
педия наша есть энциклопедия только юридическая, но в то же время и

политический науки, и от нее отделилась история философии права, история русского права и права иностранных государств. Судя по существу, что эти науки должны преподавать отдельно, и что в энциклопедии необходимо обращать внимание не на одни юридические но и на политические науки. Но так как государство есть один из видов общественных связей, а право осуществляется во всех общественных связях, то наша энциклопедия теперь должна быть энциклопедией общественных наук в обширном смысле слова. Энциклопедия наук юридических, общественных в тесном смысле и политических государственных, чтобы могли ее изучать студенты вообще разряда, на которые разданы зрелый юридический факультет: разряда юридического и разряда административного. С одной стороны, отсюда следует, что сам новый устав принял во внимание в обязанности рассматривать право не с одной положительной, как с философской стороны, но и с другой право, но и государство и вообще общественные связи.

Б. Заключение.

И так согласно с духом и духом нового устава, в предстоящей редакции должна быть издана энциклопедия юридических и политических, вообще общественных наук, или же энциклопедия права, общества и государства, и притом быть как с положительной, так и с философской стороны, с философской / в современном соотнесении / и с исторической / в историческом развитии / как одна и та же наука.

II Содержание или предмет энциклопедии юридических и политических наук.

1. Общее ее содержание.

Направление ее одинаковое с направлениями прочих наук: реальное и практическое. Отличие современного научного реализма от античного, средневекового и прошедшего столетий. Современный реализм требует фактов, но отщепеный критикой и скепсисом, и при том фактов не одной жизни, но и бытийных, таких фактов, которые развиваются наукой. Этот реализм есть естественная реакция против шедствовавшего доселе в науку идеализма с одной стороны, и произвока с другой и возмущений с другой. Наконец этот реализм требует проверки всего доселе добытого наукой познаний. Поэтому и содержание нашей науки должно быть в этом смысле объективным, неразрывно соединяя в себя исторические и философские воззрения на право, общество и государство, и связь постоянно показывая взаимное влияние и воздействие друг на друга бытийных о прав, общества и государства и положительной или действительности. Отличие современного практического направления в науку от предшлого, односторонне-теоретического. Но из современной

практичности науки не смущать: чтобы всякая истина, даваемая наукою, оказывала тотчас свое прямое, непосредственное действие на жизнь; чтобы она была немедленно везде и везде применима к жизни; чтобы никакая была и впредь посвящать всю жизнь свою науке; чтобы наука, для толпы и основательно ее изучения, не требовала продолжительности и подготовки; чтобы преподавание науки было соединяемо с природою науки тенденциями и привычками; но смущает, чтобы, в применении к нашей науке, она не возмещалась накоплением памяти суждений, а влияла бы на нас воззрением на право, общество и государство и на самую жизнь; чтобы наука показывала, как осуществлялись во жизни добродетель наукою истины, касающаяся права, общества и государства; и как это на самом деле уже осуществилось; чтобы и посвящаящий себя специально изучению науки юридических и политических не забывал бы жизни, но вносил бы ее в нее светом науки; чтобы изложение нашей науки, хотя и не юридическое бы силой науки, однакоже, тем не менее, было доступным для всех сведущих и готовым возвыситься к науке, и чтобы сообщаемые наукою истины претекли во жизнь и оплодотворяли ее. Однакоже, при всей такой практичности нашей науки, она все таки дисциплина остается наукою, и притом наукою самостоятельною.

2. О способе содержания.

Наша наука имеет особое содержание, отличающее ее от содержания наиболее среднего со своею наукою, юридическою и политическою, и потому она самостоятельна. Не верно отнимать нашу науку от этих наук только количественно, т.е. определяя нашу дисциплину только как краткое обозрение юридических и политических наук, потому что краткость есть понятие относительное. Не верно также нашу науку отнимать привычки ее изложения. Во отношении формы, можно различать: энциклопедию как науку вводную, пропедевтику, дополнительную и общеобразовательную. Вся эта часть построена для самой науки, но так, что если мы излагать будем науку, как науку самостоятельную, то все эти части будут достигнуты сами собой. Наша наука отличается от прочих юридических и политических наук тем, что эти последние рассматривают или какую-либо область права, общества и государства вообще / гражданское, государственное, международное право или со своей стороны / с философской или политической, с юридической или исторической; а наша наука рассматривает право, общество и государство вообще / во всем вообще, всеобщем, во всем или во всем или во всем или вообще, и всеобщем / со всех сторон, и притом как единое целое; следовательно не только юридическую совокупность вещей юридических и политических наук, но как систематическое или обозрение.

III О методъ или способъ изложения Энциклопедии природных и политических наукъ.

„Метода“ слово греческое / μέθοδος, из μέτα-σς и δόξω-путъ, дорожа, и значитъ сличиваніе по пути съ кѣмъ или съ кѣмъ-нибудь, за кѣмъ или за кѣмъ-нибудь, преслѣдованіе, изслѣдованіе, изысканіе, въ сущности какого либо темнаго, научнаго вопроса, преслѣдованіе какой-либо мысли, идеи, пути или способа изысканія, изслѣдованіе вообще, и въ сущности научной способъ, совершаемый по известнымъ правиламъ и на известной началъ.

Метода въ науку есть такой способъ ея излаганія, который состоитъ въ сличиваніи за наукою по тому пути, по которому она сама прелехдитъ, саморазвивается, раскрываетъ свое содержаніе. А потому много можетъ быть способовъ излаганія науки, но только одинъ согласенъ съ методомъ самой науки, и слич. одинъ только вѣрный научъ, истинный.

Въ нашей науцѣ досель были примѣнены 4 способа, а 5 способъ едва только началъ примѣняться.

1. Чисто механический, только сопоставляющій вкладывая въ науку свѣденія, въ порядкѣ сифрастическомъ или въ видѣ сборника отрывковъ разсужденій, статей либо замѣтокъ; и элементарный, который можно назвать скратно-механическимъ, соединяющій воедино или разнѣмъ писателей ученія или воззрѣнія, излагающія изъ разнѣмъ, иными даими принципами противоположныхъ принциповъ. Тотъ и другой способъ излаганія не научны; наука не механика, искусственно соединенная, и развитіе ея не есть механическое движеніе; а съ другой стороны, наука не есть механическое совокупленіе выводовъ изъ разнѣмъ, не соединенныхъ между собой принциповъ.

2. Систематическій. Система, въ смыслѣ совокупленія въодно цѣлое разнѣмныхъ частей, не примѣнима въ науцѣ, которая не есть мертвое цѣлое, дѣлимое на произвольныя части; въ этомъ смыслѣ систематическій способъ излаганія можно назвать несистематическимъ, т. е. вовсе не научнымъ. Въ другой смыслѣ наука называется системой однородныхъ истинъ, соединенныхъ между собой внутренней связью; въ этомъ смыслѣ систематическій способъ излаганія хотя и научный, но остающійся неопредѣленнымъ, ибо самъ по себѣ не отвѣчаетъ на вопросъ: какъ ея имено связать входящая въ составъ науки истины, тогда наука представляется цѣлостью? Различный отвѣтъ на этотъ вопросъ и представляютъ сличующіе за сличъ способъ излаганія, которые потому суть виды только систематическаго излаганія.

3. Органический. Здѣсь наука уже развѣтвляется какъ живое цѣлое, подобно органическому организму существу, и потому развѣтвляется въ разнѣмные органы, развѣтвляется. Душою такого научнаго организма является некая-либо общая основная мысль или верховное начало науки, принципъ, изъ котораго развѣтвляются все ученія, какъ его члены или

органа. Но если этот принцип есть постулат, и потому произволен, то с ним никак нельзя произвольно и вмешиваться из этого принципа.

4.) Диалектический, особенно развитый Гегелем, исходит не из какого-либо одностороннего принципа, а из самого мышления, предположающего бытие/Декартово: *сезито ерго сум*, которое в начале так неопределимо, что отрицается как бытие, и само есть не бытие; но небытие отрицается мышлением/ибо мышление предполагает бытие, как выше сказано/, и само становится бытием, предполагая становление/ *дэв Шлягги*/ и т.д. Таким самым развивается мышление, философия, наука, логически-диалектически и трихотомически по всем ступеням, из которых высшейшая есть истина предвещивающая, хранящая или в себе, как свои моменты, и представляющая собой более определенный принцип, сшивающий две противоположные предшествующие ему в своем развитии принципы/ *долма*/ и утверждающий из них то, что в них только истинно. Этот способ страдает недостатком, общим всему абсолютизму идеализму, с которым вместе он и был предельным идеалом современного реализма.

5.) Гегельский, есть тот именно способ, который соответствует современному равному направлению во всех науках, который сводит за гегелизм, т.е. за реализм и прагматизм науки вывести от ее содержания, и который фактически результаты такого следования по пути, которому идет сама наука с своим содержанием/ *инд.* вполне соответствующий методу самой науки/, излагает в научной, истинно-систематической форме.

Последний способ изложения, вполне научной и единственной потребной, в применении к нашей науке, такого ее изложения, по которому раскрыто было бы происхождение и развитие как самой нашей науки, так и всего ее содержания до настоящего времени, не оставив никакого пробела, если наука сама не оставила его.

IV. План изложения

1. План энциклопедии законоводства

Неволина.

Энциклопедия законоводства должна: на общую/ *догматическую*/ часть и на особенную/ *историческую*/. Неволин говорит: „В общей части определяется основные понятия науки законоводства, или общий предмет законоводства/ *законы*/, и на сием основании излагается общий состав науки законоводства, относительно как содержания, так и формы; в особенной части систематически обозначается состав выведенных таким образом наук законоводства, также в отношении содержания и формы.“

„Но содержание и форма науки законоводства не есть что-нибудь

- II. О содержании или предмете энциклопедии юридических и политических наук;
- III. О методе и способе ее изложения;
- IV. О плане ее изложения;
- V. Об энциклопедии вообще;
- VI. Об энциклопедии юридических и политических наук в особенности.

Часть I. О правт вообще и его развитии во общественных совах, въ еи формахъ и его содержаніи. -

Часть II. О наукахъ юридическихъ и политическихъ вообще, въ ихъ развитіи по формамъ и по содержанию, въ ихъ отношеніи къ прочимъ наукамъ и въ ихъ соединеніи съ ними въ единое цѣлое.

Введеніе въ науку стигается отъ ея содержания тѣмъ, что въ введеніи должно говорить о самой наукѣ / и въ самомъ дѣлѣ говорить: о ея названіи, понятіи, содержаніи, или предметѣ, методѣ или способѣ изложенія, возмѣжности, необходимости и планѣ, о ея раздѣленіи или планѣ ея изложенія, объ ея истощающъ и литературныхъ пособіяхъ, и излагается ея исторія; а излагая сущность науки, слѣдуетъ методически раскрыть или развитъ самое ея содержаніе или предметъ. Съ другой стороны, введеніе въ науку, строго говоря, не содержитъ въ себѣ ничего такого, что можетъ быть предметомъ собственно предисловія къ изданію какого-либо научнаго сочиненія: содержаніе введенія въ науку условливается самою наукою, и, если изъясняется, то изъясняется съ самою же наукою; а содержаніе предисловія условливается личными отношеніями автора къ наукѣ и къ окружающимъ его обстоятельствамъ, съ изъясненіемъ которыхъ и само оно изъясняется.

Введеніе въ науку слѣдовало бы начать съ разсмотрѣнія энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, именно съ генетическаго ея развитія или ея исторіи, въ составѣ которой должны войти и ея литературные пособія / а не источники, потому что они общи нашей энциклопедіи вообще прочимъ юридическимъ и политическимъ наукамъ вместе; тогда и въ прочее, о чемъ слѣдуетъ говорить во введеніи въ науку / о ея названіи, понятіи, содержаніи или предметѣ, объ ея методѣ или способѣ изложенія и проч. / явилось бы совершеннымъ результатомъ историческаго развитія науки. Но на это въ разѣ, по своимъ обстоятельствамъ, этотъ результатъ предполагается самою исторіею нашей науки. Съ другой стороны, ей предположено разсмотрѣніе энциклопедіи вообще, такъ въ ея генетическомъ развитіи, въ отношеніи той сущности нашей науки, что она, какъ всѣхъ энциклопедій, есть только часть всеобщей энциклопедіи, въ которой она коренится и изъ которой выдѣляется въ видѣ особой науки.

Изложение самой науки условливается ее содержанием и методом. Содержание нашей науки - юридическая и политическая науки вообще, вместе с тем содержанием, т. е. правом общественными силами вообще; поэтому наша наука делится на две части: 1) о праве общественным образом вообще и 2) о юридических и политических науках вообще. Первая часть предшествует последней потому, что наука уже предполагает предмет свой, содержание свое, будучи наукой об этом и имеет предмет. Во каждой части секретическая методика требует развития содержания этой части. Содержание первой части, право, развивается во общественным образом как в отношении формы (обычное право, законодательство и право юристов), так и в отношении содержания (права и юридические обязанности). Содержание второй части, юридическая и политическая науки, также развивается по форме и по содержанию, и при этом развитии, эти науки отличаются от прочих наук, но так, что состоят с ними в соотношении, и образуют вместе с ними одну науку, предметом которой есть все человеческое бытие, вообще эмпирическое.

V. Об Энциклопедии вообще.

A. О названии.

1. Происхождение и значение слова „Энциклопедия“

„Энциклопедия“ есть слово испорченной среднеюжной латыни / *Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis, usq. Dufresne, Ducange etc.*: „Encyclopaedia - disciplinarum series, ostendens omnium artium inter se consuntionem.“ *Vetus Hispani, inter Concilia hispan.*... et omnium scientiarum encyclopediam absolvet!..!.

Но в общем употреблении начало владеть слово „Энциклопедия“ с половины XVI столетия / *Pauli de scala // Scolich // Encyclopaedia, seu orbis disciplinarum, tam sacrarum, quam profanarum, Tabula, 1559. - Ringelberg, Cyclopaedia, Basel, 1591.*

Слово „Энциклопедия“ / *Encyclopaedia* / произведено от слова „Энциклопедия“ *Ἐγκυκλιόπεδος*, иезначив буквы *κ* на букву *ε* / *Totius latinitatis lexicon, usq. Fascioli, Forcellini etc.*: „*κ* graecorum littera est, non latinorum, qui eius loco *ε* habent ejusdem potestatem“.

Полагать, что слово „Энциклопедия“ употреблял первый *Талемт* / во 2ой том по *Д. Ар.* /, а у греков классических писателей слово это редкое в употреблении / *Thesaurus graecae linguae usq. Stephani etc.* /

Имени „Энциклопедия“ / *Ἐγκυκλιόπεδος* /, вместе „Энциклопедия“ / *Ἐγκυκλιόπεδος* / в греческом *Квинтиана* / 1ой в. по *Д. Ар.* *Dinstitutione oratoria, I, 10* / не было / *Spalding, Buttman u. Imst, udatem ejus originem, sicutum, 1798 u. seq.*

Судя по слову „Энциклопедия“ греческого происхождения, будучи составлено из соединяющих слов: „эн“ / *ἐν* / - в, „кикло“ / *κύκλος* / дат. пад. „киклос“ - круг, а вместе в круг и „педия“ / *πέδιον* /, от *пед* / *πῆξ* / отягощ, вносил - потому

чекое, юношеское воспитание, обучение, юношеская, всякий какой вид наук или науки, и 2) вообще обучение, вообще наука или науки.

Вместо слова „Энциклопедия“, поновшій греки / от Аристотеля / и римляне употребляли другіе наименованія: „Энциклопедія педія“ / εγκυκλιος παιδεία, „Энциклопедія математика“ / εγκυκλιος μαθηματικη, преемств „Энциклопедія“ / εγκυκλιος, „encycloia disciplina“ / римляне. „Математика“ значило науки вообще и науки математическая в особенности; а „Энциклопедія“ значило: 1) кругообразный 2) вращающийся в круге, сѣд. повторяющийся, очередная, 3) обобщенный, обобщенный, обобщенный, полный / Thesaurus criticae linguae, Stephanus etc. / „Энциклопедическая наука“ значило обобщенная, обобщенная наука.

2.) Мнения оtc Энциклопедии, основанныя будто бы на словопроизводствѣ и словоупотребленіи древнихъ Кокопант.

/ Копорник, Мейер den Begriff und Zweck einer Encyclopädie im Allgemeinen und der Encyclopädie der Rechtswissenschaft im Besondern etc. Halle, 1800, и 2^е издание 1806 / определяют энциклопедию такъ: „Она есть изложение самыхъ вѣдущихъ понятій и истинъ во внутренней или связи между собою.“ Оtc утверждать, что, строго говоря словопроизводства и первоначальнаго словоупотребленія, она должна быть только материальной или внутренней, а не формальной или внешней; что „агрегативная энциклопедія всеобщая, потому что „кругъ“ / кругъ / допускаетъ всякую совокупность разнороднаго содержания; это какъ въ кругѣ ради тѣсно соединенъ между собою, и не можетъ изъ себя выйти ни можетъ ни принять другаго содержания, такъ и разнородныя сѣдвенія, входящая въ составъ энциклопедія, должны быть изложены въ такомъ порядкѣ, чтобы каждая часть ее была тѣсно связана съ сопряженнымъ ей частями, а чтобы все это вместе образовало совершенно-окруженное цѣлое; и тогда такой связи разнороднаго содержания, необходимо входить въ составъ энциклопедія. Стилоко-материала, сколько трудно для подведения его подъ общую точку зрѣнія, изъ которой можно бы образовалась отъносительная составная часть цѣлого, подробно образованію частей круга около общаго или центра; въ слово „педія“, значащее юношескую науку, указываетъ, что энциклопедія не должна глубоко проникать въ науку, а должна быть только предметомъ первоначальнаго обученія, вводною наукою, знакомящею съ самыми вѣдущими понятіями и истинами, изъ той области науки, которую юноша намеренъ изучать специально.

Венск / Венск, Lehrbuch der Encyclopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft, Лейпцигъ, 1810, издуютъ: Энциклопедія / отъ энциклопедія - кругообразная, - и педія - обучение / есть кругообразное обучение. Образованность слова слова не никакъ можетъ быть объяснена, какъ представлять себя такое обучение, представляющее которое предметъ будетъ ограничивенъ со стороны сторонъ, и все части его будутъ связаны взаимнымъ принципомъ, какъ все радиусовъ складывается въ центрѣ круга. Можно начертать кругъ и подобный, и по меньшему, и можно очеркнуть его

окруженности какой-нибудь пространством: подобно этому и понятие абстрактно-циклопидическое окружения есть понятие относительное, ибо этишь понятия можно свести к большему и меньшему науку и искусство, давши можно ввести в него и весь объем человеческого видения. Но как наука есть такая фигура, которая, при кратчайшем очерчении, обнимает наибольшую высоту: так и энциклопидическое окружение должно быть многообъемлющим, как удобовоспринимаемым, опирающимся на реальные сведения, но опирающимся на правильное понятие о сущности науки и их частей. Сущ. энциклопидия не есть пространственная система /центр/, о которой /окружность/ и о ширине и второстепенных отраслях /радиусы/ научного круга. А потому несправедливо и профанно по характеру образа называть энциклопидию многообъемлющим содержанием, в которых пространно излагаются многие сведения между собой науки.

Штаденмайер /Штаденмайер, Encyclopädie der theologischen Wissenschaften, Майнц, 1840 г. Для оправдания существенного характера энциклопидии, как органической, выводит его, как он и варит, „философски“, т.е. придерживаясь трех значений слова „круговость“ — как круга, как круговращения и как ширя. Значение „круговость“ как круга дает понятие о его центре, об исходности, в которой находится радиус, и от которой опять возвращаются к центру. Принимая „круговость“ в смысле круговращения, мы получаем понятие о том, как круг сам себя описывает собственными поступательными движениями и возвращением опять себя, безконечно синонимично, ему подобными дугами. Наконец „круговость“ в значении ширя представляет самую совершенную, но понятие древних, т.е. круг, которые имеют все свойства круга, повелевающий и подтверждающий при востановлении трех противоположных. Много такое значение слова и в энциклопедии. Вся основная мысль, или идея, есть такова, что центр круга, или идея, находится в радиальных направлениях, существенных определений или моментов этой науки, как от центра круга радиусы, которые дойдя до своего предела, окружности, возвращаются к центру, подобно струям, истекающим из своего фюкса и возвращающимися в него; такою исходности и возвращению радиусов подобно систематическая и апоитическая деятельность в науку, а окружности круга, составляющей его пределы, подобно пределу, ограничивающей науку внутри и определяющей ее внутри. Как круг описывает себя своим поступательными движениями от центра, так и наука сама себя развивает, все более и более определяющая свои основные идеи. Так же и так, в кругу ее изначальной науки, или ее круга ее изучения, откуда за поступательными самодвижениями, саморазвитием науки,

и повторяя его во себе самом, приходить к методу. Наконец, когда в кругу и самом таком движении и то, что движется, пойдет по всему кругу противоположно, то является самое совершенное тело, или так и в науке, основная идея, развившись во весь элементаль, становится системой, то и есть самая законченная форма науки. И так энциклопедия, развившись посредством метода в систему, сама есть система; а разработка ее, соответствующая таким требованиям, условиям, есть органические. „На основании“ — заключается автор — „выведенных из энциклопедии, кикюса“ определенней энциклопедии, она есть равносильно движущаяся поступательно и к себе возвращающаяся, а чрез то во себе светит и гармонически себя заключаяще явление науки в единство и целостность ее существенных моментов; а потому в энциклопедии известны преимущественно для действительных содержания, которое есть ее предмет и форма представляет она по главным частям в очерк.

3.) Объяснение появления таких понятий и доказательства их первоначальности.

Неволинь / энциклопедия законовдения, СПб., 1852, том I, стр. 2 и сл. / об-
 являет появление подобный двусторонний возвратный на энциклопедию так: „По восстановлению науки на западе Европы, под именем энциклопедии разрывом первоначально изложение сведений, принадлежавших к определенному кругу предметов, и притом как в систематическом виде, так и в виде несистематическом, например, в виде лексикона, как в виде обобщающ, так и в виде сокращенной*. В сием смысле энциклопедия развилась на всеобщую и частную, смотря по тому, обнимала ли она весь круг, весь предмет человеческого знания, или только некоторую часть иль
 К этому значению в последствии времени присоединилось другое, вытекающее от него естественным и непосредственно из него вытекающее. Под именем энциклопедии стали разуметь в особенности систематическое изложение состава наук, — как одной изветной науки, так и определеннаго круга наук, ислладе всей иль совокупности. Энциклопедия сего рода имеет назначение показать отношение своей науки к другим областям человеческого познания, раскрыть ее понятие, отсюда определить ее область, вывести ее части, означить ее вспомогательные науки, указать способы к изучению ее и учению. Это есть как бы самое существующее, хотя и самое общее содержание известной науки, или определеннаго круга наук. Иско, что энциклопедия, в таком значении слова, легко может быть соединена с энциклопедией в том смысле, как ее досель понимаем, и притом в равных ей видах. Это трудно иотомается, и произ-

* „В особенности когда извратая об энциклопедическом изложении науки, то всегда разумеется сокращенное ее изложение.“

ведение такого соединения называется также энциклопедией. Понятие об энциклопедии становится от того, еще более обширным и неопределяемым. Во второйший времена думали только определить ее, взявши за основание производство слова "энциклопедия" и употребление его у древних, и, слышавая на первое из приведенных нами выше значений слово: *ἐγκύκλιος* /энциклиос/ и *παιδεία* /педия/*, и думавши на словоупотреблении древних, утверждали, что энциклопедия, по своему ее словопроизводству и тому понятию, какие имели о ней древние, должна быть только систематический, сокращенный и всеобщий свод главных или главных понятий науки, и притом в виде учебника или пособия, предназначенный для тех, которые только начали изучать науку. Но такие ограничения совсем не оправдываются ни истинным словоупотреблением древних, ни вторым и третьим из вышеприведенных нами значений слов: *ἐγκύκλιος* и *παιδεία*.**

Г. О понятии.

1. Энциклопедия в Древней Греции, в смысле общепарадного эстетически-этического образования.

Понятие об энциклопедии зародилось у древних греков в смысле общепарадного образования. Источник происхождения этого понятия был парадный характер древних греков. Этого характера состояло в живом и тонком чувстве изящного, прекрасного; а на изящное смотрели греки, как на гармоничное, соразмерное духовного и чувственного, внешнего и внутреннего, души и тела во всем, как в существе и в поведении. По этому они и старались образовывать всего человека гармонически, соразмерно, в равновесии его физических и психических сил и способностей, ибо они были гармоничны, стройны, соразмерность как во всей внешней природе, так и во внутренности, как во всем мышечном и идеальном, так и во всей действительности, жизни; словом, на все существующее они смотрели с точки зрения изящного, как на художественное произведение, и потому всему существующему они старались придать изящество, выработать из него художественное произведение.

А потому и цель греческого воспитания, парадного с обучением, или образования, состояла во выработке из человека изящного, художественного произведения.

* Введимость слова говорит об энциклопедическом или всеобщем знании науки, то всегда понимается сокращенно ее значение.
 ** Слово *ἐγκύκλιος* /энциклиос/... значит, во втором,

Но ищущие, прекрасные, во отношении ко кель-
 вому, ишьво ч ншь значение красоты и наруж-
 ной и внутренней. А потому идеал образования
 греки выразилии словами „какокаллития“ / какокара-
 сия, отъ калос доброй, великой, добродетельный /;
 напротивъ, словомъ „захрост“ / αλοχρως / выразилии они
 безобразіе какъ наружное, такъ и внутреннее, или без-
 нравственность, какъ бы самая истина скажетъ, что
 при недостаткѣ ищущества, не могутъ быть приня-
 маемы въ соображеніе ищанія свободныя достоя-
 ства“ / Луцианъ II в. по Р. Хр. / „Образованный отишка-
 ется отъ необразованнаго, какъ свободный отъ раба,
 какъ богатый отъ бѣднаго, какъ ученый отъ неис-
 селеннаго, какъ грекъ отъ варвара“ / Платонъ, VI в.
 по Р. Хр. / Прекрасное образованіе вообще ишьво цѣлюю, отъ
 бы цѣль по рожденію, ставъ въ грекии по велику свое-
 му существу, т. е. прекрасноравотвенныи, художне-
 ственныи произведеніемъ и природою образованія, во-
 нуская идиакиме въ общемъ греческомъ типѣ ин-
 телигентальныи и пишанныи оттопки. Къ такому
 образованію открытъ быи доступъ для всѣхъ гради-
 данъ; всѣмъ грекамъ предоставлены быи одинъ и
 тѣже общія, обновленныи, общеобразовательныя сред-
 ства: гимнастика и музыка.

Гимнастика сперва введена была прямо для физи-
 ческаго развитія; но скоро греки заметили, что раз-
 вивая тѣло, она развиваетъ и душу; что если гим-
 настикои заниматься вместе съ друзьями, то это
 развиваетъ въ товарищамъ любовь и дружбу, духъ
 товарищества, общеніе, любовь къ общему отечеству.
 Тогда греки начали смотрѣть на гимнастику, какъ
 на средство для физическаго и психическаго образо-
 ванія и для приготовленія новаго поколѣнія къ обще-

возвращающіяся въ известное крутъ, по рожденію;
 во-вторыхъ - общія, обновленныи. . . . Слово
 παιδεία / педія / . . . . значитъ, во-вторыхъ, во-во-
 шее воспитаніе, наставленіе; во-третьихъ
 цѣность, познаніе.

нию во частной, общественной и политической жизни. За твоею инициатива были средства работы ищущего класса во всем царстве, общенный материалы для педагогический искусство, особенно ваяния, для скорения во народный нравов ищущо-нравственной чистоты и для воссудения религиозного благоговения во ищущо-идеологический, волюнтаристический (идеологический) самостепенный.

«Мы, греки / говорит Сократ Анаксарху у Сципиана / не довольствуемся тем, что составляет человека таким, каким создала его природа; мы считаем нужным еще и гимнастическое образование, дабы не только усовершенствовать то, что создано во нем природою, но и возвысить да еще и дурные дарования. Во этомо смысле мы берем примеро со скакунов, которые выходящею и обидярадиющею рогами, пока они еще малы и мягки, а когда они уже укрепятся, обрываются во все и великие нарести, и за твоем удава дерево на произволю дурь, его попрекающею и обидящею, дрочают его чрез то еще больше прижимать и мучить».

Музыка / от музыки / сперва существовала собственно во образовании души; но греки скоро во ней признали и образовательное влияние и на тело, особенно на цитолого человека. Ближайшее требование греческого музыкального образования состояло во том, чтобы грек, ищущо возвысь во духом, достигал во ищущего совершенства своей самостоятельной индивидуальности; а за твоем дальнейшее развитие ищущего грека было, чтобы он, давши во жертвоприношение этой индивидуальности, спасительствовал прилежанием суровости своего государства, как судимости общественного правосудия, вносить общественности нравственности, правду. Во греках, народо по преимуществу ищущественный, и самим образованием было также ищущественный, употребив, как средство для своей цели, то ищущее искусство, которое найдены предуюте самодрайжеюности тою, кто сам ищущее вносить ищущо полагаться ищущ: музыка во собственном смысле, со включением ищущих нарестика, и поэзия. Советственно на музыку смотрели греки, как на

настоящую гимнастику, развивающую не только физические органы тела и голоса, но и душу. Вообще греки полагали музыку более философией, а Сократ сказал, что философия есть законченная музыка. Музыка, дайте, самими творцами образована связана была со всем народною жизнью, она звала сильное, шлокое влияние на все-общую гражданскую и политическую жизнь, также это греки боялись, чтобы с обращением музыки не обратилась и вся эта жизнь. Не уважать, не любить, не понимать музыки стало признаком варварской грубости и безгражданственности. За то греческая музыка имела характер одухотворенный: своими чистыми, возвышенными, певучими мелодиями она выражала эстетическо-этический цветовой всего народа. Впрочем греческая музыка преимущественно обращала внимание не на мелодию, а на гармонию и ритм. Она не отделилась от прочих средности в нем искусство, сарказмная и поэма, и народную пляску и пьесу. Преимущественно она соединилась с оркестрикой. „Материю оркестрики была гимнастика, душой — какая-либо мысль или какое-либо существование, а ее живительной атмосферой была музыка.“

Поэзия была изобретением одухотворенного искусства: она представляла всю совокупность жизни человека и природы, идеализированную, возвышающую все греческие мироощущения, в одухотворенности не звуков, но дающей духовной, — в одухотворенности слова; она представляла прототипы, первообразы всего существующего, образцы извечного и вечного; а потому поэзия была главным элементом эстетического и этического воспитания.

„Древние почитали творения поэтов за первоначальную философию, за такую философию, которая вводит в жизнь, для него безразлично и увлекательно, раскрывая пред нами нравы, страсти и чувства; наши же философы говорят, что только поэты есть мудрецы. Оттого греческие государства образовались отчасти своими, со своим возрастом, творческим поэзией, не в творчестве, тогда доставит нам приятные времена проведения, но чтобы всемирно во всем добру и праведности. А потому они величают и художников, играющих на китаре, флейте и лире, во всем

воспитатель и народообразователь; а Гомерь какова-
етъ певцовъ иудрецовъ (Страбонъ, 1^е в. до Р. Х.). Прейде
всего этика, эта ионийская, объективная поэзия, вос-
питанна пластический характеръ чужа. Дорическая
эпика, — этотъ эпический, субъективный родъ поэ-
зии, образовывалась эстетически и этически внутреннею че-
ловѣкомъ, выражаясь внутреннею жизнью своею въ народ-
ной поэзии, сопрягаемой изреченъ на историческомъ и
народномъ нивскомъ. Наконецъ драма, сившая объектив-
ность этики и субъективность эпики, этотъ эсте-
тический родъ поэзии, была самымъ идеальнымъ произве-
дениемъ греческой поэзии и самымъ высшимъ музическимъ
общееобразовательнымъ средствомъ, скантически возве-
дшимъ идею красоты къ идею доброй нравственности,
и соединившимъ прекрасное и доброе, а следовательно
осуществившимъ идеальную греческую образовательную-кавал-
терю. Драма открывала чужу величественное шествие ис-
тории, въ которой раскрывались законы нравствен-
ности. Преимущественно эти-то законы возведены были
въ посланіи сознания греческой философіи, которая бы-
ла въ мозаикъ грека высочайшимъ законодательствомъ му-
зыки. Все музическое образование имело конечной цѣ-
люю философскую образованіе, — было основой философіи.
Но отъ музыки къ философіи было еще переходъ, ко-
торый составляла математика, сившая съ одной сто-
роны она имела самостоятельное значеніе, а съ дру-
гой стороны, вившая съ философіей, вившая въ составъ
музическаго образованія. Третье чуживъ, что подражаніе за-
нимается математикомъ, какъ таковымъ, то она по-
сичаетъ самымъ нагляднымъ первообразомъ того, чѣмъ она
сама является въ сѣ — чужоречномъ, сопрягаемомъ, идеаль-
но-прекрасномъ; и въ такое время приобретаетъ пред-
метъ истинно, для познанія вившего мира, такъ и
сама природа поживаетъ по законамъ сопрягаемо-
сти, привилегности. Вообще много общеобразовательные
средства не было для грека ствленими отъ на-
родной жизни, и вившие философіи, этотъ цветъ
музическаго образованія. Другой философіи было нрав-
ственное стремленіе къ эстетической общественной жизни,
переходившей въ государственную жизнь, такъ
что и сама философія была общенароднымъ образова-
тельнымъ средствомъ. Но и философія въ свои очередь,
какъ и вившее образовательное средство, сичившая къ
таму, ставы приготовить чуживенію къ сичивенію

У Платона хотя и остаются общеобразовательными средствами гимнастика и музыка, но зато музыка совершенно отодвигается математика и диалектика. И у него гимнастика и музыка неразрывны, главная цель обоих — образовывать душу, преимущественно нравственный характер. Математика, со ее геометрией, арифметикой, геометрией и астрономией, велика по значимости ее материальной пользы, но велика и тем, что она есть самое лучшее подготовительное средство к философскому образованию, возводя от чувственных вещей к духовным. Диалектика есть основание всей философии, так как предмет ее есть идеи / *είδος, ιδέα* /.

По учению Аристотеля, эти две формы воспитания велика, а потому поощряются одинаково общественные образования: греческая гимнастика, музыка, грамматика, риторика, география, математика и диалектика. Эти общеобразовательные средства преобразуются у него, во их отношении в теоретические предметные, которые потому он называет техническими или «интеллектуальными науками». Сначала следует образовывать тело гимнастикой и музыкой, ибо духовное образование основывается на телесном; впрочем, никто не отрицает тела, которое от природы безобразно, а только тела, которые стали безобразными от того, что предлежали телесному уродливому влиянию музыки всячески подражательными искусствами занимается первое искусство, потому что в слабости она неблагоприятно развивается доброй нравственности, но и сама она преимущественно имеет нравственный характер: душа имеет в себе быть не только занятием, но и проводить свое время досуга и вольного образа. Третьим есть, кажется, средство между душой с одной стороны, и гармонией и ритмикой с другой; потому одни утверждают, что сама душа есть гармония, а другие, что в душе есть гармония. Точно и возвышенное искусство имеет влияние на нравственность, на душу, приводит ее в порядок, который есть объект нравственной стороны души. Красота того искусства придает нам веселость и наслаждает нас поднимающим образом. Наконец музыка есть искусство души и ритма, как предмету прикоснувшись, еще по своей природе, своему возрасту. Словом, музыка есть искусство полезное во многих отношениях: для нашего духовного развития, для возвышения души нашей к добродетельному веселию, для очищения страстей, для благородного времяпрепровождения, для отвода нас от вредных занятий. Но музыка должна уметь для своей собственной совершенствования, а не для того, чтобы забавлять других; во первом случае занятие музыкой будет художественным, а во втором ремесленным. Надо сражаться с музыкой, Аристотель признает не только грамоту и доброту так называемую

миро грамматик, но и искусство толковать /сермонежить/, особенно творения поэтов и историков; в этом последнем значении она служит в обращении к учебнику или лекции. Далее, грамматика полезна в промышленности, в судействе и вообще для многих грамматических дел; однако ей служат учителя и только это такое дело, но и потому, что она служит основой для многих других сведений. В грамматике особенно искусство Декламаций, и особенно этот своего старейшая грамматика принадлежит к риторике. — Риторика есть искусство приносить, чтобы такое искусство было сказать о каком предмете во время удобить слушателей, особенно же во парламентских собраниях. — Трифлика называется Аристотелем полезной, чтобы научиться правильно судить о произведении и добродетели и нелицитат нелицитат наружно прекрасна, а равно и обращение к безответственным предметам, как нелицитат по своей безответственности. — Математика, имея своим предметом и измерения движений, нелицитатные, и нелицитатные, обличения, не имеет в виду нелицитат ни правительственного, ни гражданского; но математика захватывает в себя самые превосходные виды искусства: геометрия, равномерность, правильность; а в другой стороне, она разбивает чрез посредство наблюдений, и чрез то приготовляет к философии. — Философия сама по себе предмет обучения для юного возраста, но сама же диалектика есть также наука энциклопедическая. Она учит, не владея в противоположность, вставать в выводы и заключения из соответственного содержания, и различиями знаниями, касающимися предметами в отношении проблем; а это полезно в трагическом отношении: 1) для упрочения собственного ума, 2) для удобнейшего других и 3) для отыскания истины от нелицитат. В последнем смысле диалектика готовится к тому же великому искусству. Далее она полезна также тем, что рассматривает различные стороны одного и того же предмета и открывает во нем противоположности, и различает все, различает великую важность, учит проводить наши собственные воззрения и умеет доказывать истину чего-либо посредством опровержения того, что ложно.

3. Энциклопедия во Александрии во смысле краткого теоретического курса предельных предметов.

Вольно Аристотеля было в то время упадка Греции, ее народного характера и ее образования. Характеристический чертой этого упадка: во изящных искусствах — восточная оторванность, полировка, гладкость без изящества и без возвышенности /sublime/, форма без соответствующего ей содержания; во науках — мертвая, чуждая чуждость и капризность; во правительственной области — восточность и безнравственность; во общественной жизни — преследование частных интересов и эгоизм чуждый; во политической жизни — деспотизм. Кроме Аристотеля находится процветание Александрии, как факт, свидетельствующий о великой чуждой и восточной образованности. И в частности восточности

утилитарности. Грамматика, риторика, диалектика и математика
 на протяжении утилитарные направления. Искусства обращает
 ся в искусство зарабатывать деньги. Музыка в публичное и личное
 похитается до сведения для цветущего населения, и по-
 дий становится ценной и в сущности прозаической. —

Все искусство и науки оплодотворяются бедными и ищут защиты
 и покровительства, и находят его, в зависимости от капри-
 зов, у властителей македонских, сирийских, пергамских, в
 особенности же у египетских Птолемея, удовлетворявших
 потребности александрийских ученых и в отношении книжера-
 миища. Но не смотря на огромную капризность этих пре-
 латов, сами преподаватели всей помощи на удающую науку.
 Составом этих кафедр или курсов, кратко учебно курсов опре-
 делены в Александрии так: грамматика, риторика, диалекти-
 ка, арифметика, геометрия, астрономия и музыка.

Около этого времени, но появились философов и их искусство пере-
 лать мнение значение ишла скептиков, Средней / Архивизий / и Но-
 вой / Аладелий / Каркеад. Последние отвергают великое воевание
 познания истины, но стараются ту науку, что подвига-
 ют к практической жизни людей, потерявших веру во
 великие научные познания, и только представляют собой своего
 перевод к возвращению вернуться на искусство и науки,
 как на практически полезные. —

Но с другой стороны, учение еврей Филона / I в. по Р. Хр. / про-
 думывает высоко ценит энциклопедический науки, второй по-
 нять, как на утверждающая духовный Давид чествова и условен-
 вающий красоту души его, и как на великая питательную пи-
 цу для южной души. Филон ищет ищет цену и вводит в
 свет все вышеприведенное учебно предмет с пояснениями
 и в толкования.

4.) Энциклопедия у римлян, во смысле историко-
 сколь, полезных сведений, во смысле греческо-рим-
 сколь, свободных искусств, и во смысле космо-
 политического, естественных знаний.

Практичность составляет отличительный характер
 римлян. Она преобладает и тогда, когда вторгнется в
 Рим греческая образованность, и даже тогда еще сосредото-
 чивается около Рима.

Собственно римский гуманизм / humanitas / состоит в обра-
 зовании практического ума, императора, и в общественной
 ответственности. —

Живыми общепризнанными средствами у римлян были по-
 лезные сведения / bonae, honestae artes /; идеальное образование

исполненная оброчностью истинное проявление индивидуальной воли -
это в эстетической деятельности; а предельно предельным - все, при-
емно полезное для жизни.

Когда Рим стал всемирной империей, то „общий результат ко-
варо римского воспитания был тот, что мы получили новое поня-
тие о гражданстве, который состоял из части в области или части
универсального эллинистического образования, части в образовании, которое
было образованием или, скорее, конием греческого образования. И-
менно „новый гражданство отвлечен от абсолютной сущности рим-
ского характера, давая ему в оппозиции, создавая все-
гда национально-космополитический и социально-политический
характер“ / Моусево /.

Во времена греческого востания, римские назвали и свои обще-
образовательные средства свободными искусства / liberales,
indigenae artes /, как промышленной каледонии свободными, свобод-
но-рациональному римскому гражданству. Но тогда, Преподаете смысл
греческих общеобразовательных средств во всеобщий разум,
писаны, подражатели греческой в науке и искусство, назва-
ли свои свободные искусства еще и гражданскими / humaniores
artes, humaniora, т.е. studio, humanitas /.

„Древнее римское
искусство представляло материнские протей и хитрость, искусство
попы гражданственности разрабатывали то, что и простой народ, и
что у греков называется филантропией и выразилось в не-
которое искусство и стремление, достигнув восточного искусства;
но дилемматическое искусство гражданственности называли то, что
греки называют предик, а мы пользуемся гражданскими
и заметными в полезных искусствах; и кто же имеет
тщательно стремился, тот в высочайшей степени цу-
манский человек, ибо замечание таланта знания и вы-
ражение его и в области искусства природы дана одному челове-
ку, пороку и названо гражданскими / humanitas /.“ / Aulus Ge-
llius, I в. по Р. Хр., Noctes Atticae /.

Название энциклопедическая наука и, в некоторых от-
ношении, соединяемое с этим названием понятие пере-
шло из Греции в Рим через посредство эллинизма в
Риме греческих греческих. Все это энциклопедическое
научное со свободностью и определенностью возмущает Пиф-
Витрувий / современник Августа и Тиберия, de Architectu-
ra / и Квинтилиан / I в. по Р. Хр. De institutione oratoria /.

Витрувий: „когда заимствуем, что все науки имеют мале-
оду собою свет и влияние отношения, легко, мажорный быть,
повторять этому; ибо греческий disciplina, как бы одно же-
ло, составлена из этого части. И так, что в раз-

tiam, aestivissima Trivium; a quadrivium, военная, астрономия, медицина и музыка, ведущая ad sapientiam, — Quadrivium.
 Схоластика мало-помалу вытеснила самостоятельные знания Греческой, а в то же время начала считать знание свободных наук / наук / искусств, особенно грамматики и риторики, юридическое искусство презрительным знанием, в сравнении с знаниями метафизики. —

Но не смотря на то, да и предположим издать в эпоху свободных искусств, и даже этого-то искусства не само руководство, которые суть погнусторические энциклопедии.

В. Инциклопедия полусторическая.

Во древней Греции. Снезубат, преемник Платона в Академии, „был первый, видевший единство наук и убедивший это в водословном исчислении своей.“ / Диоген. Лаэртский, 3 в. Д.р. „О науках и искусствах толмачеством философов“: „Разбора предметов, которые могут быть разграниченными инокими одними“ и „Дефиниции“ / оба сочинения не вошли до нас. — Аристотель: „О науках“ / не вошло / вводит в то же сочинение в начале в начале.

У римлян Варрон: *Rerum humanarum et divinarum antiquitates et disciplinae* / оба сочинения не сохранились. — Плутарх: *Historia naturalis*.

Средневековая руководство для ученых: *Capella / около 470 /, de nuptiis Philologiae et Mercurii de septem liberalibus artibus.* — *Cassiodorus / около 500 /: De septem disciplinis.* — *Isidorus иронический испанец: Origines seu Etymologiae.* — *Ананий Маврикий, primus praceptor Severinae / во начале VIII и IX в. /: De universo.* — *Flugo St. Victor, didascalus / II в. /: Didascalion, — eruditio didascalica.*

Иногда не менее одушевленные погнусторические сочинения, для обучения и преподавания искусства наук: *Serbert, на начало XV в. / II в. /: Figura de philosophia partibus.* —

Vincentius Bellovacensis / Beauvais /, XIII в. /: Speculum maius: historiale, naturale et doctrinale, и анонимное speculum morale. — *Vives / XVI в. /: De disciplinis.* — *Reisch / XVI в. /: Margarita philosophica, — упрямое сочинение того же имени Speculum, Receptaculum, Summa и проч.*

Погнусторические сочинения в преемственность на науку: *Martinus / во начале XVI и в начале XVII в. / Idea methodica et brevis encyclopediae, sive adumbratio universitatis.* — *Alsted / во начале XVII в. /: Encyclopedia, a nunc Scientiarum omnium encyclopedia.* — *Morhofius / во начале XVII в. /: Polyhistor literarius, philologicus et*

et practicus / cm. obb enyquonondurecnuar corurenicuar Do Alapaga, J. I, Lib. II, Cap. III, Demethodis / variis, uenunodpyrusis/.

Искусноуедурекке цюбару об XVIII u XIX cmoa.:

Bro Germania: Jablonski, Allgemeines Lexicon der Künste und Wissenschaften, 1² urdanie 1721 ob. Zedlershes / Ludovici, Frankenstein u Longolius/, Grosses vollständiges Universallexicon aller Wissenschaften und Künste, 1731, uar. ob ob manuar. —

Ersch und Gruber / Enoch Richter, uenobamau, peganmapu Ersch und Gruber, A. E. Hoffmann u M. H. E. Meier, urgamaub / Verleger / Heditzel, u ob 1831 uoa Broschhaus/, Deutsche Encyclopädie, oder allgemeines Real- Wörterbuch aller Künste und Wissenschaften, 1778 r. u ci. / nrodauuamaa ob nprea onoberaub/. —

Brockhaus'sches Conversations-Lexicon uua / ob 5 urdania / Allgemeine Deutsche Realencyclopädie / uobrouuau / Pierer, Universal Lexicon, oder vollständiges encyclopädisches Wörterbuch / uobrouuau 2² urdanie/.

Bo Ppangiu. Dictionnaire encyclopédique ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par Diderot et D'Alembert, Paris, 1751-52, ob 28 man. u enuouia Dpyria us-
Dania. Encyclopedie methodique, 1782 uar, ob 48 onobamaa u ob 2 manuar. — Dictionnaire de la conversation et de la lecture, 1832 r. uar. ob 53 m. Leroux et Reynaud, Encyclopedie nouvelle, 1841 u ci. Encyclopedie des gens du monde, 1833 u ci.

Bo Arcuuu. Неплоуи цюбару Harris, - Lexicon technicum, or an universal english dictionary of arts and sciences, 1704, ob 2 m. Chambers and Rees, Cyclopaedia, 1728 uar. — Hall, Encyclopaedia 1784. Wilkes, Encyclopaedia, londinensis, 1796 uar. Knight, the english Encyclopaedia, 1800 uar. — Nicholson, British Encyclopaedia, 1809 uar.

Portington, British Cyclopaedia, 1833 u ci. — Johnson and Orley, Imperial encyclopaedia, 1844 u ci. Smiley, Encyclopaedia metropolitana, 1815 u ci. — Miller, Encyclopaedia perthenensis, 1816 uar. — Miller, Encyclopaedia edinensis, 1816 u ci. Larner, Cabinet Cyclopaedia, 1829 u ci. ob 9 omb. u 133 manuar. — Leig, the Library of general knowledge, 1830 u ci. — Pocket-encyclopaedia, Kendall, Millard's u sp. — Popular Encyclopaedia, 1835 u ci. ob 5 m. — Penny Encyclopaedia, 1838, ob 14 m. — Brewster, Edinburgh encyclopaedia 1840 u ci. — Tytler u sp. Encyclopaedia britannica, 1771 u ci. uoudu-
ne urdanie 1855-61, ob 21 m.

Bo Auerpuro: Lieber Wiggsworth and Brandford, Encyclopaedia americana, 1829 u ci. — Ripley and Dana, New american encyclopaedia, New York, 1858-60, ob 16 man.

Bo Umaraia: Coronelli, Bibliotheca universal sacro florent o sia grandionario scientifico e curioso, sacroprofano, 1696-1717, ob 7 m. / uenourenu / Piranti, Nuovo, dizionario sacroprofano 1746 u ci.

во двондугату тосаив.

Во России: Смирдина и Лешинера неоконченный энциклопедический лексикон. - Продолжающийся энциклопедический словарь, под редакцией Т. Краевского, под редакцией С. Лаврова. - Оконченный справочный энциклопедический словарь, Т. Уваровский. - Оканчиваемый Настольный словарь, Т. Мюллер.

О восточных энциклопедических сочинениях см. "Encyclopédie orientalische, sammt Hammer-Furgtall's", во словарь Грима и Гривера.

4. Энциклопедия, как наука.

До Берона.

Заключает ее в вышеупомянутых сочинениях Сребина, Скутомея, Варрона и Нелция Миддуров.

"..... Habere artes, quae de humanitatem pertinent, commutare quiddam vinculum et quasi cognatione quadam inter se contineri." / Цицерон / De officiis philosopho - "laudabatur artium omnium quaedam procuratrix et quasi parentem," и Бокланин испречи Тудомона: "Omni doctrinam hanc in gentiis et humanarum artium uno quodam societatis vinculo contineri"

Трехи и примечна не только различия между философией и практическим наукам, и между между разными отраслями знания. Во-первых, это отношение методологии и цели и введения из высшего образования некоторых знаний, следовательно в силу различия наук, но в то же время они отличаются наукой. За тем же темой науки сама себя вносить практической наукой, в отличие от других наук, особенно же от философии. Особено же с развитием французского, с одной стороны, развивается самостоятельная специальная наука, с другой стороны, противопоставляется между теорией и философией. Самостоятельная философия поставила и в такое отношение, что подлинная философия, вообще науку, теологию. Забывая по содержанию от теологии и от схоластической философии, а в философии не представляется нереально, самостоятельная не могла построить энциклопедию как науку.

Во предыдущий период от собственной самостоятельной философии как философии, как в период развития, не могла также авторы энциклопедия, как наука.

Левая философия могла авторы и авторы ее периодов как философии: опытной в смысле Берона и универсальной в смысле Геллота.

Левая философия авторы от схоластической науки

и устанавитъ новую, строю-науку естество. Декартъ приво-
диль методы математическую, именно индуктивную, а Бэконъ
индуктивную. Но и въ Декартъ и въ Бэконъ отъбавилось еще
схематическая направленіи философіи.

Бэконъ; *The Works of Francis Bacon, collected and edited by
James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath,
London, 1858-62, 6 т. 9 т. 10 т.*

Бэконъ предвѣствъ, тогда всю науку свою разсчитывавши
въ Бэконъ, составивши одну науку, и утвердивши, что все на-
уки свои итти только изъ философіи. Истинная мор-
но его „*Instauratio magna*“ было первоначальное желаніе, въ
которомъ онъ изъяснилъ знаніи природы и владѣнтію надъ
нею. Возвративъ, по возможности, это знаніе и это владѣнтіе
къ себѣ и даря „всемунаго вѣдомствования“. При томъ, что-
бы владѣнтіемъ надъ природою, сандытъ, въ греческой про-
стои ересь, науку и не признавалъ ея. Наука есть не
только ины, какъ знаніе природы, но и знаніе томъ, какъ по-
стичаеиъ природу. Для произведенія своихъ явлений. На-
учный опытъ въ философіи этого знанія есть индуктив-
ная методъ, которая „*naturam parare debet per refectiones
et exclusiones debitas, et deinde post negativos tot, quod suf-
ficiant, super affirmativas concludere*“, признавая въ соот-
ветствіи и *instantia contradictoria*. Напредвѣствъ свой ме-
тоды сандытъ содрать естественнаго, какъ который-то
своя греческая эта методъ, что не есть безконечной
трудъ, но на что непредела своего труда. „*Consili-
um est universum opus Instauracionis potius promoveri
in multis, quam perficere in paucis*“.

Въ „*Instauratio magna*“ Бэконъ хотѣлъ одними науку,
какъ одну греческую, возрѣвъ безъ различія греческо-
ментаго желанія знанія, указавъ на существующіе
въ немъ препятствія, заблужденія и вообще несовершенство, ба-
скаравъ новыя европейскія требованія и поведенія на
предвѣствіи и т. д. Свои греческіе сочиненія въ *Dis-
tributio operis*.

„*Instauratio magna*“ дающая своя собою изъ сем-
гровъ: 1) *Partitiones scientiarum, benevidendum „De digni-
tate et augementis scientiarum“* / на англійскомъ, а нотѣ,
въ испанскомъ видѣ, на латинскомъ, въ 1605 /; 2) *Novum
organon, sive indicia de interpretatione naturae* / 1620 г. /;
3) *Phaenomena universi, sive historia naturalis et experimen-
talis ad condendum philosophiam*; 4) *Scala intellecta*; 5) *Pro-
dromi sive anticipationes philosophiae secundae* и 6) *Philoso-
phia secunda, sive scientia activa*. Окончивъ Бэконъ моль-

по первой статье и ввѣ первой книги второго тома; по
цели и первой статье представляется энциклопедия, какъ на-
уча, а второй - какъ методологическая часть.

"Такъ какъ развитие науки и культуры является развитием си-
стем, которые складываются подъ разными условиями, но при этом сра-
жаются съ силами инерции, которые сосредоточиваются въ отво-
ды который не знаменитые, пространство командитесь въ ут-
мелети, предиде главъ (делится на сурья): предиде самим
Доголо предиде, такъ какъ предиде частей сама развѣдыва-
ваемъ итвое, опредѣлитъ одно всеобщее знание, которое сфа-
кнетъ матерью оставившись и будетъ считаться въ про-
грессе науки частей цѣлаго пути, предиде итвое сам раз-
отвѣтятся и развѣдывается. Это познание первой философии,
индивидуальной мудрости / которая вѣрности опредѣлилась ите-
нью познания бытийныхъ и селовосныхъ вещей; мы означа-
емъ подъ именемъ новой философии. Поэтому знание ника-
кое другое непротивопоставляется, когда мы занимаемся дру-
гими науками, между которыми содержится, бываемъ пред-
ставляется только различие между предметомъ и пред-
идеологией."

Доказательство.

Законъ Верования просто какъ фактъ, то есть какъ есть
познавательная способность, посредствомъ которой мы по-
нимаемъ реальность, объекта, и, на основании этого факта,
поставивъ и решивъ такие вопросы: какие предметы въ
опытѣ даны намъ для познания и какъ познавать ихъ?

Декретъ спросилъ себя: какъ объяснить, что такое раз-
нородный сущности, какъ она сложилась и протекла,
иногда между собой, въ чемъ удостоверилъ в-
ность? и допустить "assistencia" или "concursus" со сторо-
ны Верховнаго Существа.

Спиноза много трудился, чтобы познать процесс позно-
вания / Tractatus de emendatione intellectus /, но не при-
шелъ въ точку отношения между какими результата-
тами, и принялъ всеобъемлющее едине совокупные су-
щество, которое ступня суть существа индивидуация и
существа противоположные.

Лейбницъ признаетъ возможность бытия или сущности ин-
дивидуальной познания, на основании вѣдѣтельныхъ идей и сущ-
ности сложной.

Вольфъ принялъ за фактъ возможность постигнуть

Обзорные критики старого года!

"Камтовская школа, не менее как и прочие школы, со-
 шавши во приятии этого творения Вейсгертовских. Это Ану-
 сова голова второйшей философии Она сосредоточивает в се-
 бя все, доброе предшествовавшее стремлениями; она про-
 кладаывает путь всему новому направлению, великому
 добывающему процессу. Постепенно возвращаясь Конт
 по основному вопросу единства субъективна и объективна, реаль-
 ная и идеальная, субъективна и объективна. Она, кри-
 тика" равно важна и по своему содержанию, и по своей
 форме. В второйшей философии Конт есть элемент нового
 твердого шову, который поставлен в основу Камтовой филосо-
 фии, ее "Критики". Философия, Шеллинг, Герш и Шеллинг в ра-
 работались по ней аполитически и политически (Розенкранц).
 Первое издание в Турне, в 1781 г., второе, второе издание еще са-
 мый Камтов, в 1787 г.

Андреев по второму изданию: "De nobis ipsis silemus; de
 re autem, quae agitur, petimus: ut homines eam non opinio-
 nem, sed opus esse cogitent, ac pro certo habeant, non se-
 ctas nos alicujus aut placili, sed utilitatis et ampli tu-
 dinis humanae fundamenta moliri; deinde - ut, suis com-
 mudis, aequi, in commune consulant et ipsi in partem
 veniant, praeter ea, - ut bene sperent, neque instauratio-
 nem nostram ut quiddam infinitum et ultra mortale
 fingant, et anime concipiant, quum revera sit infini-
 ti erroris finis et terminus legitimus." (Бекон).

Фредеманн по первому изданию: "Целоворский учил, вво-
 дил язык волеи познаний, исполняет ту добрую
 учил, что он догматическим вопросом, который от-
 кликом не слышит, ибо они загорают его естественной
 натурой, - но на которое он также отвратит и слы-
 шит, ибо они превращают все его суть. В то же за-
 буждение учил нападет Вервино. Он начинается с ос-
 новных положений, употреблений которых в Дале неодоли-
 мо при опытных познаниях, и которых, в то же время,
 достаточно оправдываются опытом же. От этого ново-
 шения возмущает он все и все, не требует только
 его натура. Но, значит, что если он будет продол-
 жать таким образом, то Дале его останется во вся-
 ком случае неколебимым, ибо вопросы никогда не
 оказываются, - он видит себя вышедшим из себя
 убоища в то же основные положения, которых
 переоткрыть предельно великого опыта и познания. Но

туть еще онъ бросается въ такой циркъ и впадаетъ въ
такия противорѣчя, изъ которыхъ хотя онъ и сообщаетъ въ
вести философическя, что изъ нѣбуда въ основу отпрывающей
заблужденя, но не имѣетъ открытъ изъ, ибо тѣ основныя
наименя, которыми онъ изъидетъ, выходя за пределы вели-
каго опыта, не признаютъ ему болѣе никакого правнаго кон-
ня со стороны опыта. Вотъ поле тѣ, на которое про-
исходитъ эта бесконечная битва, и называется метафиз-
ской. Было время, когда она называлась царство-ветъ
наука, и ея наименя прихотю за сама исполненя,
то конечно и заключившая это почетна имя, по отири-
ной возможности своего предмета; теперь же единаго тѣмъ
нашею времени требуютъ онаывать ей вѣдесна прегрѣ-
ня, — и эта манера, изъидая и похитывая вѣдесна,
идущая какъ Декура: *Mada maxima verum, tot gene-
ris patis que potens, — punctator exul, inops.* (Перва ея вѣд-
десна, надъ правленяемъ доминантѣ, было деспотическое.
Но такъ какъ изъ законодательство носило на себѣ оти-
чатокъ преданя барбарства, то это вѣдесна, отъ
смердучица, и вратило ея во-во-во въ совершенную
анархю; а скептики, эти само рода когда, не туря-
ще никакой вѣдесна, растворяли, отъ времени до време-
ни, гражданскій союзъ. Но какъ изъ было, въ частю, ея-
но, то они не могли воспрепятствовать доминантѣ
въ изъ новыя попытка въ возмѣжаня порвѣ, хотя и
не по плану, применяю ея общаго союзя. Нынѣ, поелъ
тщетна будто въ испытаня вѣдесна путей, и едѣству-
етъ опостыленя, разогарваня и полныя и нѣдѣреня, едѣ,
отъ класса и ноги, однако еще вѣдесна и парадъ по
крайней едѣ прегрѣчя близкаго прегрѣчя и вѣд-
щя метафизики, ставя тѣмъ, каптолѣю и без-
полезной для тѣмъ, которые не чиня надѣждя, и въ
обращѣ прегрѣчя въ ней тѣмъ свой. Однако же это
равнудяе, являющееся ея тогда, когда прегрѣчя-
нѣ въ наука, ея являея, заключивающее вѣдесна
и радельшя. Очевидно, оно не естъ вѣдесна легко-
мысля, а напротивъ вѣдесна созрѣвшя современной раз-
судительности, которая еще не позволяетъ призрачно-
му знаню заблуждѣ ея; это естъ вѣдесна и вѣ-
нѣ, обращенной, чтобы онъ ея вѣдесна на себѣ сама
тѣмъ изъ ея ея, ея симонораня, и тѣмъ
ея урѣдѣ тѣмъ едѣщя, которые ея въ урѣдѣ
на изъ ея справедливѣ прегрѣчя, и напротивъ,
отстраня въ ея неосновательной, вѣдесна

требования, приговорами, соглашениями и соглашениями не на
 правосудии, а на вольности и не ислыживших законов права.
 Это-то судишище и есть не иное что, какъ „Критика рас-
 таи ума“. На этом-то пути единственнѣй, какой толь-
 ко еще оставшая, и вступитъ въ, — и свѣду себя надеждою,
 что на этомъ пути вступитъ въ возмозможность устро-
 нить все заблужденія, какія только соверши доселѣ прав-
 ео соемиши собою, когда оубо срудовавъ се собою не зависи-
 мо отъ опыта. Я не ухищляю отъ вопросовъ нѣдѣ пре-
 делованъ, какъ, бѣжннй келовтиснаго ума; напротивъ, я
 вполнѣ специфированъ вопроса на основании принциповъ,
 и открывши пунктъ недоразумѣній со стороны ума въ
 его отношеніи къ самому себѣ, прошито и въ къ послѣдующе
 удовольствіи. Хотя отвѣты на вопросы и не вполнѣ
 такими, какими мною единственъ формально-сметна-
 тельная амбознаменелюетъ, ибо се удовольствіи не нѣтъ
 было инае, какъ въ нѣмощіи халдовства, въ умъ я
 все не искуево; нѣтъ и не таково естественное на-
 каженіе нашей ума. Далеко философіи состоитъ въ томъ,
 чтобы укрѣпить признакъ, возникши изъ единаго
 пониманія, хотя бы чрезъ то укрѣпить самое еднннше
 и убаоаеиое заблужденіе. Три пакосъ трудъ я обративъ
 вниманіе на частности, и смѣло могу сказать, что нѣтъ,
 кажется мнѣ, нѣдннй метафизической задачь, которая
 не была бы зрѣе рѣшена, или къ рѣшенію которой не было
 бы не крайней ипрѣ данъ нѣтъ. Въ соиосивъ зрѣнъ, чис-
 тый умъ есть такая нѣмкая еденица, что еслибы прин-
 ципъ его оказался недостаточный къ рѣшенію еднн
 оубнн задачь, адно изъ вопросовъ, задаваемыхъ ему ево
 же собственною натурою, то судиломъ бы просто отверг-
 нуть этотъ принципъ, ибо тогда оубо нѣ было бы задачь
 рѣшея, съ поимію достовѣрности, вѣнѣ прѣнѣ
 леопровѣ. Въ виду обтвзачіи расширить келовтиснае знаніе
 за предѣлы всякаго возмозможнаго опыта, я смѣленно созна-
 юсь, что это рѣшительно превншаево свои силы, и что
 я, вѣнѣто тою, нѣнѣнѣво въ самнншъ только умѣево и
 ево смѣнннннншъ шѣннншъ, за поимнншъ познаніево кото-
 рого ентѣ не нѣево аднн данно, ибо я на каждую это по-
 знаніе во умъ соиѣнѣво. Знениъ вопросъ поставленъ это
 такъ: на оубннн евоу я кадрѣнѣво еднннншъ что-шѣво у-
 шннншъ, когда будутъ отннншъ у шннншъ всякій сматрнншъ и
 всякое поимнншъ со стороны опыта? Это касается ево-
 втнннншъ, то я евоиъ кадрѣво собою прѣнннншъ талой судѣ:
 во подобнаго рода ислѣдованнншъ нѣннншъ образѣево не

Довольняется житье свое шитье, и все, что во шитье пошито
скользко-шубою на шпатель, есть заперещенной таварь, ко-
торой шитье продолжать и по одной дешевой цыбке и коф-
рый, как шитье, как скоро будет открыт, тотчас,
должно быть засеквестровано. Главный вопрос здесь
тот, что и на сколько можно познать разум и цель
независимо от опыта?"

Во введении говорится: 1) где идея трансцендентальной
философии по развитию шитья аналитическим и синтетическим
суждением, и 2) в развитии трансцендентальной
философии.

Идея трансцендентальной философии!

Опыт есть первый предугот разум, который превращает
его, перерабатывая грубой материей существенный
впечатлительный, но опыт говорит нам только что есть,
и предлагает эмпирический, опытный, априорный
познания, а не говорит, что это необходимо должно быть
так, а не иначе, не предлагает нам знания, шитье
характера полный всеобщности и необходимости, апри-
орный познания. Но кроме этих познаний есть еще
синтетический. Наконец есть и познания априорные, чистые,
трансцендентальные во отличие от эмпирических, призрачных
познаний, трансцендентных. Трансцендентальными по-
знаниями занимается трансцендентальная философия, как
органом, для которого "Критика чистого разума" разработана
есть только канонично.

Суждения бывают аналитический, немодальный, и син-
тетический, немодальный. А априорным синтетическим
суждением занимается "Критика чистого разума",
решающая вопрос: возможно ли априорное синтетическое
суждение?

"Критика чистого разума" отвечает на этот главный вопрос:

- 1) Учение об элементах или составных частях нашего познания, и 2) учение о методах, или об употреблении чистого разума. Элементов познания два: существенность и различие, а потому учение об элементах подразделяется на трансцендентальную логику, эстетику и математику. Наконец логика состоит: 1) из аналитики, решающей нашу познавательную способность или логику истины, и 2) из диалектики или логики идеала.

В трансцендентальной Эстетике излагается чистая
форма существенного содержания: пространство и время.

Познание, непосредственно относящееся ко предметам, есть эмпирическое созерцание. Способность воспринимать представляемые только именно образом, каковы мы возбуждаемся предметами, называется чувственностью. Действие предмета на чувственность, по отношению мы возбуждаемся им, есть ощущение. Предмет эмпирического созерцания есть явление. То, что в явлении соответствует ощущению, называется материей, содержанием явления, а то, что относится ко созерцанию равнообразных явлений в известном порядке, называется формой. Материя явлений дает лишь a posteriori, а формы явлений принадлежат ей в смысле разумности a priori. Эти формы явлений суть чистые формы чувственности — единственные, что могут существовать a priori чувственности, относясь от всего, относясь ко ощущению, или к чистому созерцанию. Такие формы суть пространство и время, которые не суть действительные существа и не суть принадлежностями вещей самих по себе, а суть субъективные свойства нашей души, априорной субъективной. Условия возможности для нас явлений, — или эмпирического созерцания, источники априорных синтетических суждений. Мы можем познать чувственные предметы, как они являются нам в пространстве и времени; вещи же самой по себе / Das Ding an sich / мы не можем познать, потому что в разуме наших интеллектуальных суждений отвлеченных в пространство и во времени возможности, но не возможности в вещи самой по себе. Такая же познание называется трансцендентальным идеализмом.

Трансцендентальная логика. Наши познания истекают из двух источников: из чувственности и из разума, следовательно элементы наших познаний суть чувственное созерцание и понятие; однако мы не должны смешивать, а должны различать, потому что логика должна отличаться от логики. Всеобщая, чистая, трансцендентальная логика имеет своим только с чистыми априорными понятиями разум, отвлеченная от всякого содержания, материя познания, или от всякого ее отношения ко предмету, и рассматривая только форму познания, или сущности вообще. А потому логический критерий истины не материальный, т. е. не состоящий из познания с каким-либо своим предметом, а формальный, т. е. состоящий с формой познания, или с понятием и основными положениями, или всеобщими законами разума, которыми познание должно противоречить. Эти понятия и основные положения рассматриваются в первом отделе логики, в Аналитике, которую потому называют

Лог. I. 3.

на Аналитическую концепцию и Аналитическую основанную последнюю.
Аналитическая концепция. Разум познает посредством своих
идей концепций. Эти концепции основываются на функциях раз-
ума, или на понятиях различных представлений под одно
общее понятие, что и есть суждения. В этих функциях разума мы
имеем быть идеями, если идеями быть оснований, т.е. идеи,
быть в себе форм суждений. Таких оснований четыре и
притом каждая имеет по три момента или формы
суждений: 1) количество - суждения, всеобщая, особая и единичная;
2) качество - суждения утвердительная, отрицательная и бес-
конечная; 3) отношение - суждения категорическая, гипоте-
тическая и бесконечная (различительная); и 4) обратность - сужде-
ний проблематическая, ассерторическая и империативная. Эти
четыре основания или моменты соответствуют четырем чистым
приоритетным понятиям разума, или категориям
или моментами: 1) категория количества - всеобщность, спе-
циальность и единичность; 2) категория качества: реаль-
ность, отрицание и ограничение; 3) категория относительности:
субстанция и акциденция; причина и действие; общность
или взаимодействие между действующим и страдающим;
4) категория обратности: возможность и невозможность, бытие
и небытие, необходимость и случайность. Только посредством
таких категорий разум понимает познавательные существенные
предметы, сводит их в объекты эмпирического созерца-
ния, т.е. синтезирует; только посредством их возможно
опытное познание в отношении формы мысли; только
посредством их явления связываются с разумом. Чувствен-
ность дает нам априорное познание, созерцание явлений
(пространство и время), а разум дает априорные поня-
тия, категории, как условия или правила для созерцания
явлений, без которых невозможно познание объектов, приро-
ды. Правила эти, по которым они объективны, т.е. необходимы
связаны с объектом предмета, называются. Законы при-
роды. Хотя мы познаем, а posteriori существо таких за-
конов, но они суть только введенные определения высших
законов, из которых самые внешние, над которыми подво-
дится все прочее, исходят a priori из разума. Следовательно
но разум дает законы природы, явлениям; дает им фор-
мальное единство, посредством своих категорий, чистых
априорных понятий. Вот почему мы имеем иметь
истинное понятие об явлениях и судить об них a priori
с достоверностью; вот почему синтетические априор-
ные суждения возможны по формам в отношении яв-
лений.

Аналитика оснований понятий. Она показывает, как раз-
судок принадлежит к категории кб явлений, и говорит о
том же понятии, которое заимствовано в себя всеобщее,
общее высшее, истинное априорное суждение, на которое все
выпадают все прочие суждения. Различие есть однообразие по-
малому всеобщее понятие и правила кб определенному, конкрет-
ному, и судить, подчиняется ли это определенное общему. Это есть
определенный талант, которому нельзя вычлениваться, по которому
можно утверждать, что это утверждение. Далеко принадлежит
категории кб явлениям, необходимо потому посредством умножения,
именно схема, истинное априорное образ мышления / напр. катего-
рия количества принадлежит кб явлениям посредством умножения,
как схема всякой величины. С другой стороны, в свя-
зи также с категорией находятся априорные перво-
начальные основания понятий. Для всякого аналитического сужде-
ния такое основание понятий, или принцип, как бы иль усло-
вие, состоит в том, что это суждение само себя не про-
тиворечит: никакому предмету не принадлежит одновременно,
или противоречиво. Из синтетического суждения пред-
ельно не видно, принадлежит ли означенное подлежащему или
нельзя, и следовательно истинно ли оно или ложно. Критерием
истины такого суждения есть истинное посредством умножения
бы подлежащему и означенному, следовательно иль. Это есть
том же внутреннем смысле, в котором содержится все на-
ши представления о предметах; а этот смысл основывается
на опытных познаниях, так что опыт есть един-
ственная основа наших познаний; возможности удостоверять-
ся в истинности суждений на опыт и есть то, что при-
дает нашим априорным суждениям достоверное объек-
тивно реальное. Опыт, как эмпирический синтез, есть
единственный способ познания; а различие есть истин-
ность иль априорное основание понятий, которое,
будучи не что иное, как эмпирическое правило, для при-
ложения категорий к объектам, к явлениям, соответ-
ствуют категориям / напр. категория обратности, возмоз-
ности, действительности и необходимости, соответствую-
щие следующие постулаты: что согласно с догматическим
условием опыта, то возможно; что согласно с эмпи-
рическим условием опыта, то действительно; то, следовательно
его действительность предельно общими условиями
опыта, то действительно необходимо.

Результат аналитики: различие имеет познание только
к явлениям / явлениям / как предмету всеобщего опы-
та, которые имеют быть предметом нашего чувствен-

нако созерцания, и те которыми могут быть приложены понятия, категории и основываясь положительный разум; а не вещь сама в себя, как предметы, лежащие вне опыта, которые могут быть предметом и постижимым для нас созерцания и те которыми не могут быть приложены понятия, категории и основываясь положительный разум. Проблема на непостижимость вещи самой в себя первоначально и неразрешима.

Диалектика. Во введении говорится о трансцендентальности философии и о истинной цели, как введением этого признака; во первой книге о познательной истине философии, а во второй о диалектической философии. Цель есть способность человеческого, всеобщей, неограниченной, идеи и философии. Идеи и философия как свойства природы самой философии. Умозаключений и идей, как и результаты философии: 1) парадоксы и идеи бессмертия души, 2) антикритицизма и идеи мира и 3) идеями и идеями единства. Цель философии познать и, показать во опыте свои идеи, подвинуть и предметы во опыте, чтобы ограничить и перевести и разум и разумность, познательности только конечное, условное, сознательное. Такой философия имеет абсолютную истину и познательность. Диалектика. Цель не имеет конститутивно привнесения, употребления, как и имеет разум по отношению к объекту, т.е. не производится из себя понятий, подвигаясь к объекту, но имеет только рецептивную привнесения, употребления, т.е. рецептивную, привнесения во порядок, в единство, в абсолютную границу явления производящих самих идей, как рецептивных, а не конститутивных принципов, и сама не расширяет своей познательности на пределы опыта. Такой идеи, как рецептивные принципы, а не как принципы трансцендентальной познательности, и суть:

Душа, мир и единство.
Результат всей критики истинной философии: „Все человеческое познание начинается с созерцания, переходит к понятию и оканчивается идеями. Хотя это познание имеет, в отношении к объекту, истинность, тем не менее, априорные источники, которые, как с первоначально, кажутся, производящими предмет самим объектом опыта; но догматическая критика утверждает, что цель, в своей спекулятивной деятельности, никогда не выходит, производящих истинных элементов, переступит границы всеобщего опыта, и что настоящее содержание этой высшей познательной способности состоит в том, чтобы проникать внутрь природы, на основании всех принципов единства, но лишь тогда, чтобы переступить границы опыта.“

И так как Кант суждал, приняв заданную формулу нашего познания производящих чувственности и разума с предметами философии, утверждая, что и цель, как и чувственность и разум, не

истины и познаю, что должно быть, т.е. что является идеальн.
 „Критика практического разума“ и занимается именно, опре-
 деляя идеальность это практическое познание, как, как способное,
 или производить идеальность, Действие, следовательно представля-
 ющая идеальность, или же определяет себя как определенную форму
 Действия, т.е. Определяет себя как причину. „Критика прак-
 тического разума“, как критика, раскрывает, что такое прак-
 тический разум и освобождает от эмпирических условий, так
 что воля может хотеть и не то, но все же побуждается по-
 средством эмпирических причин (внешних или внутренних), и побуж-
 дается к деятельности независимо от них, свободно, являясь
 сама причиной того Действия, каково она же сама и воля.
 Следовательно воля есть способность, заключающаяся в себе в ос-
 мисленности свободно производить из себя Действия, сама собой из-
 себя, а priori определяющая себя, быть же сама законной, или аб-
 солютно/самостоятельно, и во этом смысле называется чистой во-
 лей, в отличие от воли эмпирической, Действующей а posteriori,
 по посторонним для воли побуждениям, и автономически, и эте-
 рикономически/чужакомно, и является потому же не менее закон-
 ной, свободной, а произвольной. Автономически действующая воля
 Действующая нравственно/морально. Безусловное побуждение нравствен-
 ной Действующей воли есть представление добра, благо, как суб-
 стивной и волею хотеть почитать Действия, и величество как и наме-
 рение волею благо. Осуществление добра, благо есть
 волею, намерением какою-либо на волю хотеть. И так же добро
 должно быть осуществлено; по волею земли и волею она не
 осуществляется; следовательно, безсмертие души есть второй
 необходимый постулат разума. Наконец от того, что человек
 старается исполнить долг свой, величие разума, волею доброе,
 благо, от которого быть достойным добра, благо, величия
 есть, верховное благо; следовательно, безсмертие, которое и
 есть интерес в совершеннейшем долге, в исполнении величия разума,
 нравственности законов, и которые так же всемогуще, и волею
 возвести человека к верховному благу, есть третий
 и самый высший постулат практического разума.
 И так же результирует „Критика практического разума“
 по отношению к первому идеалу разума, неопределяемому,
 как результирует „Критика чистого разума“, а парадиг-
 мальной, представляющей эти идеалы в форму неправо-
 вильных представлений разума, и его необходимых требо-
 ваний, основанных на намеренных величиях прак-
 тического разума, на нравственных законах. Идеи безсмер-
 тия и божества послужают так же образом та-
 ким же объективной реальностью, как и идеалы воли

Свобода воли, на которой мы идеи основаны. Свобода же воли и есть объективно реальность, есть нечто действительное, ибо нравственные законы не имеют бы никакого смысла без свободы, как бы воля по небытию во всем этом идеальна. Свобода воли есть условие бытия нравственных законов, а нравственные законы суть условия возможности познания свободы воли, ибо а priori знаем нравственные законы через то, что во нас есть категорические веления поступать по ним, мы а priori уже знаем и идею свободы, так же как без этой идеи не имели бы возможности нравственные законы, и потому бы невозможно было объективирование. Предметом же идеи свободы, как объективированной, становятся для нас реальными объектами и идеи бессмертия и бессмертия, как нераздельные с идеями свободы, а следовательно не проблематичны только, какими они представляются теоретическому разуму.

Отношение „Критического разума“ к другим предвещивает критическим и предметом ее.

Каково прикидывает три способности души нашей: познавательную, суживательную и способность чувствовать (чувство и удовольствие); критикой первой способности занимается „критика чистого разума“, второй — „критика практического разума“, а третьей — философия воли, законность, критика разума. Наконец разум имеет дело с природою, целью с свободою, следовательно разума в том и другом, соединяя субъективные и объективные, теоретические и практические, идеальное и реальное, чувственное и интеллектуальное, мышление и бытие. Предмет „критики разума“ есть целесообразное: разумное, возбудяющее целесообразностью своей внешней формы чувство удовольствия предвещивает сию и имеет понятие об объекте; органическое и вообще телесное, возбудяющее свою внутреннюю целесообразность чувство удовольствия, вследствие соответствия с составленным нами наперед понятием об объекте. Но здесь основывается различие „критики разума“ на две части: на критику „эстетического“ и на критику „телеологического разума“. Целесообразность есть предмет и область интуитивного созерцания и интуитивного разума.

Сочинение „Das Recht der Familien“ т. е. спор о семейно-судебных французских, именно с семейным правом французского, с первенством, рассматривая отношение к семейно-суду прогим паупс, имеет энциклопедический характер. В этом споре как отдает первенство семейно-суду, в которой борются, как в общей науке, прогим па-

фил., которая Давидна сама собою вторгнется во все области прочих наук, ибо прочие науки, имея интерес в спекулятивно-математическом движении, принадлежат в философию. В философии, как во науке абсолютной, как во универсальности знания, как во всеобщей энциклопедии, разрешаются все прочие науки. Кант быль убежден, что окончательная победа во борьбе философии противу не философии останется за спекулятивными движениями, за философией.

Вообще Кант первый и во новейший философов заговорил во всеобщей энциклопедии, как наука. "Каждая наука Давидна имеет определенное место во энциклопедии вещей науки." Но такой науки он сам не имел образ, ибо ему предметно сперва очистить поле для будущей науки критически, а критика его, начиная со своим особым принципом, не представляла единой основы для единого здания науки. Но его критика во всеобщей энциклопедии стала во крайний шаг во философии. "Философия есть единственная наука, которая сводит вужрелно удовлетворит нас, ибо она как бы заключает собою научный круг, и за то, только посредством ее, науки выигрывают для себя порядок и свет."

Полная во Канте и окончательная Берклием, разбивается собою во одна философия, одна система только во разлитых формах или во разлитых ступенях, так что во философия одна и та же индивидуальная предметивность и ступень ступеней своего развития.

Кант / Johann Gotlieb Fichte's - sämtliche Werke, herausgegeben von J. H. Fichte, 1845-46, 8 Bände /

Сперва Кант был вопросом наследователем Коперника, а потом впасть в один самостоятельный развешив Кантовой философии, усовершенствовав его "критика" своим "Наукоучением" / Wissenschaftslehre / и доведши до крайности субъективную идеальность, открывший во трансцендентальной философии.

Кант не предисказав своей побраны познательной однообразия и излгования самого свойства познания. Кант заключил так и излгование во своем "Наукоучении".

Кант признает "вещь сама во себя" / Das Ding an sich / за А; Кант за О. "А - это единственная сущность, единственное существо, находящееся в своем единстве, удовлетворяющее во эмпирической сознание, и потому ему предшествующее, трансцендентное, ни на что не во / универсальное / которое во имеет потому только во возникновение." Все конечное существует только во представлении нашего Я. Существование его что есть во меня своим предметивностью или же несуществование, этого Я не знаю. Одно, что Я знаю, что

выражающаяся во реальной сфере таже, это история, как высшая потенция, выражающая во идеальном; и философия же у Шеллинга является абсолютно системно таже действительности. Шеллинг имеет понятие действительности непосредственно философии и приводит к мысли, что называется философия философии, через посредство философии духа и истории; на этой четвертой ступени Шеллингова философия является философия философии и философия откровений.

Vorlesungen über die Methode des akademischen Studiums, каталог издан в 1802 г. и напечатан в первый раз в 1803 г., в котором о сущности предмета: в 1^{ей} лекции об абсолютном понятии науки; в 2ой о науке и управлении знаниями университетов; в 3^{ей} о первом условии университетского учения; в 4ой, 5ой, 6ой об изучении искусств философией науки: математики, в свободности философии; в 7ой о некоторых важных противоположностях между философией и положительными науками; в 8ой и 9ой об изучении теологии; в 10ой об изучении истории и права; в 11ой, 12ой и 13ой об изучении естественных наук и философии и в 14ой о теории искусства в отношении к университетскому учению. Вообще здесь Шеллинг показывает, что такое специальное познание имеет уму и знание, только если будет приведено во связь с знаниями вообще, и что необходимо знать не только органическое существование одной определенной части специальной науки, но и внутреннюю связь между науками между собою и с первоначальными источниками знания, с наукой науки, с философией. „Когда человек в начале своего университетского познания, вступает впервые во мир науки, то имеет больше у него смысла философия и уверенность по отношению, тем более этого мира ему представляется как бы хаосом, в котором он не может различить не только, не имеет возмозможности указать, на котором он видит себя перемещенным без помощи и путеводной звезды... Поэтому необходимо, чтобы специальному изучению одной какой-либо области науки предшествовало изучение науки вообще, как органического целого. Кто предается специальной наукой, тот наперед должен знать и видеть, занимаемое ею во целое; знать особый дух ее; знать

то, как и в обратном она должна развиваться, чтобы проникнуть
 в идеалистическое здание учения, а следовательно знать и то, как
 он сам должен смотреть на науку, чтобы убедиться о ней
 не как о мертвом, а как о свободной и в духе учения. Философия
 и есть наука о науке, а потому содержание органической
 учения науки и едина и единично преимущественно от
 науки науки философии... Также как все знание одно, и
 так же как всякий вид его выводит как же весь в орга-
 низм учения, но все науки и виды знания суть как же
 одной философии... Каждая специальная наука должна быть
 рассмотрена в духе учения. Каждая наука, которая
 специальная наука находится в учении науки, как же
 органическая часть... Это же та же наука, которая са-
 ма по себе едина бы в противоположность в филосо-
 фии; как же, все науки едина, именно через нее и в
 ней... Войти в рассмотрение вообще частей универсаль-
 ного учения и ввести все его знание на первом осно-
 вании не может, не прелюдия в том же времени разнотелен
 науки и не конструируя всего органического учения. А по-
 тому сперва следует показать связь между всеми
 науками. Это же охватывает, в которой сфере за-
 ступит сфера эпистемологии;... но от не никогда офиц
и системы знания, возвращаясь самим эпистемологическим
вопросом что вероятно принципов, т.е. никогда идеями всего
эпистемологии, как наука о справке смысла слова. - Завер-
 шательно, что, вместе с идеями, Менделеев просто обороте,
 что, университетские преподавание давлениями революционные.

Тегель / Georg Wilhelm Friedrich Hegel's Werke, vollstän-
 dige Ausgabe durch Verein von Freunden des Verewigten, Ber-
 lin, 1832-40, 8 Bde. / (которые мои два тома и два тома и более).
 Тегель завершил философские учения Канта, Фихте и Шеллин-
 га.

Кант допускает только такое познание, которое бы само содер-
 жало истину, но никогда не может достигнуть ее. Это же
 как и определить истину, как же единство сущности и бытия,
 как же привать и в единство. Тегель утверждает, что «филосо-
 фия и есть не иное что, как же извлечение истины... Точно
 же сущность бытия и излучение духа; духом дарено и обитом
 ный. Философия есть только сознание содержания духа, и сфун-
 ции. Сознание истину есть по природе духа. Частью духа и
 существующим только через сознание истины, идею. Сознание идею
 есть учение философии, и следовательно сознание всего суща-
 го бытия, безусловно, и во все, что бытие в мире, сдер-

иано во имя идеи. Первое условие философского изучения есть субъектность познания истины, доблестность по духу, доблестность по мощи, способность духа сознать истину. Заключительная сущность вселенной не ищет в себе основы сущности, чтобы противостоять субъектности познания... Хотя субъективность вообще является отвлеченной от сущности; но философская субъективность не есть обывательские мнения, а есть познавательное познание". Философия принимает такой сущности, который, будучи познавателем в противоположность к себе, познающий себя как дух, является самим предметом познавания. По Тегелю дух в природе "вдохновляет". Это разумно, тождественно, и тождественно, то разумно.

У Меллинера абсолютное есть единство сущности и бытия, но догматическое, спокойное, без движения, без развития. У Тегеля абсолютное развивается постепенно. Понятие философии, науки, должно быть понятие философии духа, науки. "Философия есть самопознание себя духа".

Книжка по философии Тегеля есть его *Phänomenologie des Geistes*. Вся эта система его философии представлена в *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundriss*.

"Энциклопедия должна рассматривать весь круг наук по предмету каждой науки и по ее основному началу. В обывательскую энциклопедию вносятся науки эмпирически, так, как мы их наследуем; волею или неволею быть представленными вполноте и приведены в порядок, дабы подобное и подходящее подробней определению было сведено по аналитическому средству. Но философская энциклопедия есть наука независимой, определенной понятием сущности и философского происхождения основных понятий и оснований наук; собственно она есть представление всеобщих оснований философии; напротив того, что относится к производным и вытекающим определениям, цели, как и вообще, что во имя полноты, что установленно, равно как и то, что во имя эмпирического, — все это входит в энциклопедию.... Изменение энциклопедии, как науки, не состоит в подробней развитии ее частей, а она должна ограничиваться только изменением материалов и оснований понятий специальных наук. Сколько именно нужно определять частей, чтобы можно установить специальную науку, — этого определять нельзя, ибо она не должна быть изобретенным материалом, а сама должна быть истинно, дабы быть истинно. А потому упоминать философию составляет, по истине, одну науку, но так что она должна быть рассматриваемая и как часть специальных наук. Философская энциклопедия Фил.

идется отъ прочей, обыкновенной энциклопедии, что подоб-
ная энциклопедия будет развить сокращения науки, который вно-
сены во нее случайно и эмпирически, и между которыми
могут быть и такие науки, который носят только над-
бавки науки, а собственно суть только сборки разнород-
ных сведений. Единство, къ которому приводятся науки во та-
комъ сокращении, - такъ какъ науки внесены сюда лишь ввиду
иныхъ образцовъ, - есть и само бывшее, покуда. Это мой
мне противен, а еще и потому, что и материалы случайны,
этого придется непременно останется только попытка,
и непременно обнулять и переносить къ нему сто-
роны. Философская же энциклопедия 1) исключаетъ одни со-
кращения сведений, какъ представляется въ первомъ взгля-
да, какъ философия, и 2) исключаетъ, какъ само со-
бою разумеется, и такие сведения, который основаны
на догматахъ провозглаше, какъ Термадукъ, и суть чисто при-
кладные науки. Изъ этихъ же наукъ 3), который на-
зываютъ также поведительными, по которымъ основа-
ние и принципъ рациональна, эта последняя или часть
относится къ философии, а последующая сторона от-
носится къ эмпирическимъ наукамъ."

Въ философии свои, а следовательно и энциклопедии, Го-
гель имеетъ: 1) принципы вещей эмпирическихъ, рационально-
поведительныхъ наукъ, 2) принципы вещей предметныхъ
и философскихъ учений и системъ. - Принципы и фун-
дменты философии - содержать вездѣ все особенное принци-
пов... Философия эмпирическая, какъ поводится про-
вая науки; предметъ не дается ей представляется непосред-
ственно; не откуда ей вмешиваться своего принципа. Офи-
циальное спекулятивной науки къ прочимъ наукамъ такое,
что первая не устраняетъ эмпирическихъ сведений по-
ведительныхъ, но признаетъ его и употребляетъ для своего содер-
жания, т.е. всеобщее въ этихъ наукахъ - законы и пр.,
такъ что эти науки подготовляютъ для философии ма-
териалъ. Следовательно въ этомъ отношении философия
обязана бываетъ своимъ развитиемъ эмпирическимъ
наукамъ; но философия даетъ имъ содержание свобод-
ную, априорную форму мышления, и оправдываетъ его не-
обходимость, основанную уже не на томъ, что это есть
эмпирический фактъ... История философии показываетъ на-
рядомъ сѣмъ развивавшая философия учения, есть то,
что это одно и то же философия, только на различныхъ
степеняхъ развития; часть же, что свободные принци-
пы, лежащие въ основании той или другой системы, суть

только влечи одного и тот же принцип. Последняя по времени философия есть результат всех предыдущих, и потому должна заключать в себя принципы всех их; следовательно, если она есть действительно философией, то она самая развитая и самая конкретная. Различные системы, представленные в истории философии, представляются и в самой философии, но уже независимо от исторической вышности, а лишь в элементности. Та же философская система неправомерно разрываться философией с ограничениями, отрываясь от принципов системы; напротив, принцип истинной философии состоит в том, чтобы соединить в себе все особенные принципы."

И энциклопедия философских наук, как вообще философия, разбивается на свои части, но эти части суть ступени ее развития. "Каждая часть философии есть философское учение, но так, что во всей философской идее находится в особенной определенности лишь особый элемент. Каждая часть, будучи сама в себе целое, в таком смысле не переступает пределов своего элемента и обосновывает свой круг, из которого каждая есть необходимый элемент, так что система из особых элементов и составляет всю идею, которая проявляется и в каждой единичной части. Развитие особенных философских наук суть определенная идея; она-то и проявляется в каждой особенной элементности. Такие определения, в которых проявляется идея, есть высшая и точнейшая форма: а потому единичная наука, познавая свое содержание, как существующее, выводит из этого содержания непосредственно в высшую единичную форму его в высший круг. И так же в представлении различных наук и в том, что лишь ответственность особенных частей или науки одна возле другой, как будто бы эти части всели только в один род или по крайней мере части, и как будто различие между субстанциями."

Энциклопедия философских наук, а в ней и вся философия, делится на три главные части: 1) логику, 2) философию природы и 3) философию духа.

Логика подразделяется: 1) на учение об бытии, 2) учение о сущности и сущности и 3) учение о понятии.

Логика, а в ней и вся энциклопедия, начинается с бытия, так неопределяемо, что оно отрицается как ничто. Это ничто опять отрицается, и единство бытия и ничто

есть событие становления, какъ иль нетина, какъ первое
 определение. Изъяснить становление есть существование, бы-
 тие определенное, бытие в отрицательной небытии; оно есть
 вещь иль себе исключительное, отъ всехъ другихъ отлученное,
 живущее свое качество. Следовательно бытие определяется, во
 первую, качествомъ, такъ единично отрицательнъ, такъ, что е-
 ли что-либо потеряетъ свое качество, то вместе съ тѣмъ
 перестаетъ быть тобою, чужей оно было. Бытие в иль отъ
 живыхъ качествахъ есть иль много ступеней, самостоятельное,
 единичное, единица, которой противопоставляется множественно;
 единство иль суть единое, но в одно и тѣмъ же на-
 ступаетъ / какой одинъ во числѣ этихъ единицъ, такъ и дру-
 гой / Такъ качество отрицательна количествахъ, впрочемъ въ
 числѣ единъ бытия. Это количество есть второе определение для
 бытия. Наконецъ ильра есть третье определенное бытие, со-
 единяющее качество и количество, ибо ильра есть качествен-
 ное количество.

Во учении о существѣ и сущности различается: 1) существо и
 сущность сама по себе, какъ тождество, какъ различие и какъ ос-
 новы со своимъ следствиемъ; 2) сущность проявляющаяся или
 существъ в мирѣ явлений и 3) сущность, которой соответствуетъ
 ее проявление, или действительность. Действительность есть
 необходимость / что есть действительность такъ, что немыслимо
 быть иначе / Развитие внутренней необходимости есть свобода,
 которой соответствуетъ разумность. Реальное единство
 единости есть понятие, какъ единство бытия в сущности.

Во учении о понятии различается: 1) объективные по-
 нятие, какъ понятие въ собственномъ смысле, какъ сужденіе и
 какъ заключение; 2) объективное понятие, реальность, опреде-
 ляемая математически / высшая сфера / внутренняя сфера /
 и телесно-материально / сфера между этими пределами / и 3) само-
 истинность - идея, какъ единство понятий и реальности, какъ
 абсолютная идея, выходящая в жизнь, в познание, какъ небу-
 да, и в действительности, какъ добро. Сущая, абсолютная идея или
 идея / Идея / во видѣ есть природа, ввнутри духъ.

Вторая часть философии природы, приводитъ следующія сфе-
 ры: 1) философію математики, рассматривающую природу в распе-
 деленіи - пространстве, времени и движении, - во ее сферахъ; 2) фило-
 софію физики, рассматривающую материю и 3) философію орга-
 ники, рассматривающую общій организмъ совокупности вѣтвей
 тѣлесъ, особенная тѣлесъ, и телесный организмъ животного
 со. Телесный процессъ жизни животного есть родовъ. Но целъ
 тѣлесъ своимъ ильрой и тѣлесно вѣтвей тѣлесъ свой, ко

и Душа: человек фиксируется в природе и воскресает в духе.

Третья часть, философия духа, разноматериальна: 1) дух единичный, как душа — предмет антропологии, как сознающий себя в противоположности с природою, дух сознающий предмет феноменологии, и как дух теоретический, разум, и практический, воля, и единство их, дух разумно-свободный — предмет Психологии. Разумно-свободный дух преобразует внешний мир в свой собственный мир, и становится во 2) духом субъективным, осуществляющим свою разумную свободу во внешнем мире, или во нраве, внутри себя, или в морали, во себе и вне себя, в общественной нравственности. Эта общественная нравственность имеет бытие в семье, в гражданском обществе и в государстве. Государство живет внутренне, в бытии жизни народа, в истории, всемирно-исторической. Во всемирной истории развивается 3) абсолютный дух. Он сознает свою сущность: в чувственной форме, — в изобразительном искусстве, в форме представления, в образе религии и в форме кристалла мышления — в философии. —

После Гегеля, по мнению его последователей, ничем больше не оставалось, как разложить его философию, прилагать к специальным наукам и жизни, излагать и развивать в частности и подробности. Мысль сначала и ограничивала философская деятельность; но эта самая деятельность позитивательно привела к таким результатам, которые, с одной стороны, пожелали повторения в Гегелеву систему германского правительства и протестантских теологов, а с другой стороны во философскую систему и привели к современному реализму, ограничившему философию собственно логикой, представившему все учение христианской откровенной веры положительной теологией, и за то в области человеческого знания взявшему на свое попечение и на свою ответственность. Началась новая разработка всего предмета человеческого знания, но с темным чувством или еще с ясным сознанием единства всего науки, к которому она стремится постепенно, начиная в специальных областях, представляемых которыми являются частные энциклопедии, подготовляющая всеобщую энциклопедию. При таком современном состоянии наук, всеобщая энциклопедия, как наука, теперь невозможна, потому что и наука, и возможности были или менее частные энциклопедии.

Частная энциклопедия.

Частная энциклопедия, в отличие от всеобщей, гегелевской

предметом своим все человеческое знание, как единое целое, обнимают только свои специальные области наук, но таковы как единое целое. Согласно со современными требованиями, она 1) не есть целостное обзорное или всеобщее специальное знание; 2) не ограничивается ни формальной или внешней энциклопедией, ни материальной или внутренней, и даже сившанной; 3) не отделяется методологией от собственной энциклопедии; 4) не имеет во виду, как нечто существенное, только или других целей, но 5) будучи самостоятельной наукой, имеет свое особое содержание и свою форму.

VI. Об энциклопедии юридических и политических наук в особенности.

Самые употребительные названия для первой: 1) юридическая энциклопедия, 2) энциклопедия права, 3) энциклопедия юридических наук и 4) энциклопедия правоведения или науки о праве; для второй — 1) энциклопедия политических или государственных наук и 2) энциклопедия государственоведения или науки о государстве. Единственное сочинение, стариннее которых, во виду имеют *Hälften* энциклопедии юридической и энциклопедии политических наук, *Virorsil, Encyclopaedie und Methodologie des juristisch-politischen Studiums, oder der gesammter Rechts- und Staatswissenschaften, mit chaften in Oesterreich und Ungarn ins besondere, Ofen, 1852.*

A. Об энциклопедии юридических наук.

(См. статью Петра Павлова „Обзорные литературы по юридической энциклопедии“ в его „Юридических заметках“).

Примечания: 1) право отличается от прочих сведений об нем обобщенней; 2) отличается по своим источникам, *ius naturale, ius gentium* и *ius civile*, 3) разделяется на *ius publicum* и *ius privatum* и 4) составленная *Institutiones Tar* и *Ulpianiana* / в 533 г. / в Болонском примечании правоведения превращается, с XII столетия, преподавание сперва римского, а потом канонического и монархического права, по схоластической методу, *ordo legalis* / в отделе от *ordo naturalis* / Введения в объяснения текста сущина сума / *Summa* / Даже являются сочинения по сопроводству, по частному праву, по уголовному праву и по некоторым частям государственного права. Да тогда являются и методологические сочинения, из которых составились два сборника. Наконец явились, в виде *Speculum Vincentii Bellovacensis, Speculum iudiciale seu juris Guilhelme Durantis, Kyrcii / Cujas* / на историческом изречии права / *De ratione descendi juris, 1565 г.* / Туго-Донин систематизировать греческую право; Токонь дать мысль о необходимости философии права / *philosophia civilis* / Туго-Граций последним для нее первые основания, соединив естественное право с международным. Тогда

обратили особенное внимание на методы юристы-методисты, часть из сочинений соединил Гюбер в сочинен. Основывается на началах философии Жакоба и Декарта, являясь мыслителем, старавшимся приложить философию к правоповедению и тем же придает своим методическим сочинениям более рациональный характер: Пуркендверге, Лейбниц / *Nova methodus discendae docendae quae jurisprudentiae*, 1668) и Мауазий. Подъ влиянием философского направления явились много энциклопедических сочинений, из которых первым считается Траугот. Тунберг первой дасть своему сочинению название Энциклопедия / *Encyclopaedia juris universi*, 1765. Но за тем же следовало направление, которое прежде называлось методизирующим формализмом. Мартини / во Кемпской университете / был первым преподавателем энциклопедии права, но со времени Шенкера начал входить в постоянные университетские лекции по этому предмету. Методизм довел до крайности это направление. Против методизирующего формализма и против ошибок, заблуждений и крайностей школы естественного права восстали, со эмпирически положительным направлением, Зенкенберг, Мозер и Эдмунд Пюттер. Таким образом, к концу XVIII столетия, явились господствующими два направления: философское и эмпирическое, противоположное, взаимно-сдерживающее. Переходом к примирению этих направлений служат ряд энциклопедических сочинений, из которых первое замечательное принадлежит Уолтцу. Но особенно с Кантом начинается серьезное стремление к примирению. Из сочинений, написанных под влиянием кантовой философии, особенно замечательны: Hugo, *Lehrbuch der juris tischen Encyclopaedie*, 1° изд. 1792, а 2° и новое изд. 1835, и Wenck, *Lehrbuch der Encyclopaedie und Methodologie der Rechtswissenschaft*, 1810. Но стремясь философию на началах Фихте и в особенности Уламунга старались: Hummel, *Einleitung in das gesamte positive Recht*, 1804 и Rudhart, *Encyclopaedie und Methodologie der Wissenschaft*, 1802. Об Уламунга установилось воззрение на энциклопедию, как на самостоятельную науку. — Современная сочинения по энциклопедии юридической науки в Германии: 1) об эмпирически-положительном направлении: Vogel, *Lehrbuch der juristischen Encyclopaedie und Methodologie*, 1° издание 1824 г. а 2° и новое издание 1840. Arndts *Grundriss der juristischen Encyclopaedie und Methodologie*, 1° изд. 1843, 2° 1850. — 2) Об эмпирически-положительном направлении: Löw, *Einleitung in das Studium der Wissenschaft*, 1835. Soldrethmidt, *Encyclopaedie der Wissenschaft im Grundriss*, 1862, Teigensberg. — 3) Об пробудившемся научном направлении: Falck *Juristische Encyclopaedie*, 1° изд. 1821, 3° и новое издание von Jhering, 1853 г. — Blume, *Encyclopaedie*, als Einlei-

C. V. Rollen, Lehrbuch des Vernunftrechts und der Wissenschaften, Ulmymrapdmb, 1829-35, 66 4 mon. - D. V. S. Eckendahl, Allgemeine Staatslehre, Meiningen, 1833-35, 66 3 mon. - Schnittler, zwölf Bücher vom Staate, oder systematische Encyclopädie der Staatswissenschaften, 3^e urq. Jucenb, 1839-43/ neokonuenof. H. Eisenhart, Philosophie des Staats, oder allgemeine Socialtheorie, Meiningen, 1843-44, 66 2 mon./neokonuenof. - S. Henry, Leçons de philosophie politique, par H. L. Pölitz, Die Staatswissenschaften im Lichte unserer Zeit 1^e urq. 1823-24, 2^e urq. 1827-28, 66 5 mon. - J. G. Unger, Populäre Staatswissenschaft, Jauue, 1845. - J. R. Struve, Grundzüge der Staatswissenschaft, Mannheim, 1847-48, 66 4 mon. - Henry Lord Brougham, political philosophy, London, 1844, 66 3 mon. - c) Краткая история. A. L. Schlözer, Allgemeines Staatsrechts und Staatsverfassungstheorie, 1^e raemb. Einleitung in alle Staatswissenschaften, Encyclopädie derselben Metaphysik der gesammten Staatswissenschaften, Jauue, 1819. - Treich v. Kronburg, Encyclopädie und Methodologie des practischen Staatslehre, Dpergeb, 1821. - J. W. J. Stügel, Grundlinien der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse, Jopuumb, 1^e urq. 1820, 2^e urq. von Sans, 1840. - J. F. J. Eiselen, Handbuch des Systemes der Staatswissenschaften, Jpueiab, 1821. - K. G. L. Pölitz, Grundriss für encyclopädische Vorträge über die gesammten Staatswissenschaft, geschichts-philosophisch begründet, Jpueiab, 1831. J. Bülan, Encyclopädie der Wissenschaft, Meiningen, 1^e urq. 1832, 2^e urq. 1856.

L. Osozmbawuzia noomureckia nepku bo Enimyaenuei clerusu, nach odno urbuue. J. C. H. Rössling, Die Wissenschaft von dem einzig richtigen Staatszwecke, Jpueiab, 1811. - Lips, Die Staatswissenschaftslehre, oder Encyclopädie und Methodologie der Staatswissenschaft, Meiningen. - A. Fritol, La science du publiciste, Japueiab, 1821-23, 66 11 mon. - K. H. Hagen, Von der Staatslehre und von der Vorbereitung zum Staatsdienste, Königsberg, 1839. - H. Ahrens, Die organische Staatslehre, Braua, 1850, 4^e urq. - L. Hein, System der Staatswissenschaft, Ulmymrapdmb, 1852-57, 66 2 mon./neokonuenof. L. V. Mergenstern, Mensch, Volksleben und Staat im natürlichen Zusammenhang, Meiningen, 1855, 66 2 mon. - R. V. Mohl, Encyclopädie der Staatswissenschaften, Meiningen, 1857.

II. Краткая

C. V. Rollen und Welcker Staatslexicon, oder Encyclopädie der Staatswissenschaften, 1^e urq. 1834-1845, 66 17 mon. 2^e urq. 66 12 mon. 3^e urq. 66 Meiningen, 66 1857. neakonuenof. - Hermann von Burche (Boumstark) Populäres Staatslexicon, Ulmymrapdmb,

1852. - R. Blum, Volksthümliches Handbuch Der Staatswissenschaften und Politik, ein Staatslexicon für Das Volk, Leipzig, 1848-51, 6 Bde. mosu. J. O. Bluntschli und K. Brater, Deutsches Staatswörterbuch, Ulmynrapdmw, ca 1856 v. nyodasuaemw. H. Wagemer, Staats und Gesellschaftslexicon, Kopenhagen, 1858 od. nyayqewuawemw. Dictionnaire politique, encyclopédie du langage, et de la science politiques, redigé par une réunion de députés, de publicistes et de journalistes, avec une introduction par Garnier-Pagès, publié par E. Duclere et Pagnere, 6e urq., Starymow, 1860. - The standard library. Encyclopaedia of political, constitutional, statistical and forensic know ledge, forming a work of universal reference on subjectes of civil administration, political economies, finance, comerce, laws, and social relations, London, 1860 in, 6 4 month.

Число первая.

О право вообще и обь его развумию вь особенныхь сьвязях, вь его формахь и содержаниихь.

Смыслъ первый.

Общия понятия о право и общественныхь сьвязяхь вообще и о сьвязяхь вь особенностяхь.

Тема первая.

О право вообще, вь сьвязи сь понятиемъ о законахь, и о правде и справедливости.

А. Значеніи права, законь, правда и справедливости. Слово „право“ употребляется вь сьлудующихь 5 значеніяхь: 1) прямо; 2) истина и правда, и справедливость вь смысле истинь; 3) законъ или законы, и правда и справедливость вь юридическомъ и правтвенномъ смысле; 4) власть и 5) знание и наука.

Два значенія выражаются сьлудующими сьловами:

По-русски: право, законъ, правда, справедливость, правосудіе, правотвореніе; по-грецки: *δίκαιον, νόμος, δίκη, δίκαιον, δικαιοσύνη, εὐνομία, νομική, ἔσθη*; по-латински: *rectum, recte, jus, lex, justitia, jurisprudentia*; по-французски: *droit, le droit, la loi, la justice, la jurisprudence*; по-немецки: *recht/aufrecht, das Recht, das Gesetz, die Gerechtigkeit, die Rechtswissenschaft*; по-английски: *right, the right, the law, the justice, the jurisprudence.*

I. „Право“ вь смысле „прямо“

Это основное значеніе для вьсехь прочихь, переносныхь значеній; но и оно, вьпрямомъ, не самое первоначальное. Сь слово „право“ вь этомъ значеніи почти не употребляется, какъ бы въ предиде, особенно вь церковно-публицистикъ сьвязяхь.

Но отъ него остаются слова производныя въ другихъ значеніяхъ: править, выправить, исправить, право, правило и пр. По-гречески: *ὀρθός*; по-латыни: *rectum, recte*; по-французски: *droit* (присуде писались *directum, droiet, отъ directum*); по-нѣмецки: *recht* (*der Rechte Winkel, aufrecht*), отъ *rich* т. е. *richten, ставишь* прямо, выправить, равнять, направлять; по-англійски: *right, отъ recht*.

II. "Право" въ смыслъ истины, правды и справедливости, какъ истины.

"Право", въ смыслъ чего-либо прилично, переходитъ въ значеніе истины вообще, теоретической и практической.

По-русски "право" въ смыслъ: да, истинно, правда, справедливо, отъ него производныя слова: правотори, православіе, правосудіе, правдылице, правда, правдивый, правдивость, правдолюбивіе, справедливаетъ, справедливой и пр. По-гречески: *ὀρθός*; по-латыни: *rectum, recte*; по-французски: *droit*; по-нѣмецки: *recht*; по-англійски: *right*.

Право, какъ истина практическая, какъ правило для свободной, вѣдшей дѣятельности личность, есть законъ.

III. Право въ смыслъ закона или закона свободы.

Право въ этомъ значеніи относится уже къ способности не познавательной, а дѣятельной, и значитъ, свободной стороны, законно (*justum*), а съ другой стороны, — самый законъ, опредѣляющій свободу воли личности и ея обнаруженіе во вѣдшей дѣятельности, касающейся взаимныхъ отношеній людей между собой.

Право въ такомъ обширномъ смыслѣ заключаетъ въ себѣ и юридическіе и нравственные законы.

Оно предполагаетъ свободу воли. Свободная воля есть способность личности сознательно быть первоначальной причиной своей вѣдшей дѣятельности; возможность сознательнаго внутренняго само-опредѣленія; способность хотѣть или не хотѣть; внутренняя, абсолютная свобода въ обширномъ смыслѣ. Давно свобода воли обнаруживалась во вѣдшей дѣятельности, необходимы слѣдующія условія: хотѣніе, сознание предмета хотѣнія, или дѣянія, осужденіе мотивовъ и цели или помысловъ, рѣшимость на дѣяніе и за тѣмъ уже слѣдуетъ его исполненіе. Свободность сознательно и свободно дѣйствовать или не дѣйствовать есть вѣдшая свобода въ обширномъ смыслѣ, основанная на внутренней.

Внутренняя и вѣдшая свобода въ обширномъ смыслѣ составляютъ вѣдшее понятіе о свободѣ въ обширномъ смыслѣ, и вѣдшесть.

Во свободу во обширномъ смысле отпугаютъ три состоянія: 1) непреодолимая, самовольная или самовластная, свобода или свобольство, само по себѣ безразличная; 2) опредѣляющаяся, производимая или произволение, свобода волея / *liber Willkür* /, такъ сама по себѣ безразличная и 3) опредѣленная, свобода въ собственномъ смысле, опредѣленная закономъ или законная свобода, въ отише отъ беззаконнаго самовольнаго или самовластнаго произвола.

Воля вообще можетъ опредѣляться: 1) внутренними влеченіями-подсознательными, наклонностями и страстями, которыми хотя сама по себѣ безразлична, но не опредѣлена, и не могутъ опредѣлить волю иначе, какъ отрицательная ея свобода; 2) вѣнскими влеченіями, наклонностями со стороны природы, и физическимъ или психическимъ принужденіемъ со стороны чуждаго, что также само по себѣ неопредѣлено, и также не иначе можетъ опредѣлить волю, какъ отрицательная ея свобода; и 3) закономъ, который самъ по себѣ опредѣляетъ и можетъ опредѣлить волю, не отрицательная абсолютная свобода въ обширномъ смысле, не отрицательная свобода въ собственномъ смысле, а ограничивая или отрицательная свобода и властвіе, самовольное и самовластное, и производимое въ нихъ противоположности относительно къ свободѣ въ собственномъ смысле.

Законъ свободы въ собственномъ смысле есть: 1) не только вѣннее требованіе или долговое, каковыя необходимы, но и 2) внутреннее требованіе, внутренняя необходимость самой свободной воли, самой свободы, вслѣдствіе чего воля сама себя опредѣляетъ свободно и сознательно.

Право во обширномъ смысле предполагаетъ въ человекѣ существованіе свободной воли, а следовательно свобода внутренняя и вѣнкая, и свободной дѣятельности. Бѣзъ этого предположенія обыкновенно приравнивается невозможными, свободной стороны, обязанности, ответственность человека за свои дѣянія, вѣнкость и вѣнненіе; а съ другой стороны, правды, соответствующая такимъ обязанностямъ, и въ обязанности права на индивидуальную или гражданскую и на политическую свободу, какъ основывающіяся на внутренней и вѣнкой свободѣ.

Подъ индивидуальной или гражданской свободою обыкновенно разумѣютъ такую вѣнкую свободу, которую человекъ посядѣетъ и упражняетъ, какъ гражданинъ и которая состоитъ вообще въ зависимости отъ вѣнкой дѣятельности только отъ закона и въ особености въ правѣ законно распоряжаться своимъ имуществомъ и сво-

или шире, каковыя право обозначено опредѣленными гражданскими и уголовными законами, и правыми судопроизводствами. Слова же можно отнести и единоуправление. Понятіе о такой индивидуальной или гражданской свободѣ возникло въ Греціи и опредѣлилось у римлянъ, которые опредѣлили свободу гражданина такъ: „*libertas est facultas ejus naturalis, quodcumque facere libet, nisi si quid vi aut jure prohibetur*“, которые подъ свободой разумѣли такую и установленную у нихъ, по извѣстіямъ Платина, Тацита, Демокритъ, а также независимость своего государства отъ вѣдущей власти, но которую *libertati* противопоставили *licentiam*, беззаконное самовольство, своеволие и беззаконный произволъ.

Понятіе свободы политическаго право гражданъ закономъ принимать участіе въ законодательствѣ и въ управленіи своимъ государствомъ вообще. Въ этомъ значеніи не употребляютъ римское слово „*libertas*“, а въ значеніи, находящемуся въ немъ въ связи, разумеютъ подъ словомъ „*libertas*“ — *Status liberae rei publicae*.

Монографіи о свободѣ

A. J. G. Coffinières, *Traité de la liberté individuelle*, Парижъ, 1828 въ 2 томахъ.

L. Nigon de Bertu, *Histoire abrégé de la liberté individuelle chez les principaux peuples anciens et modernes*, Парижъ, 1834.

J. Simon, *La liberté*, Парижъ, 1859 въ 2 томахъ, какъ дополненіе ко его сочиненію *Le devoir*, 4^е изд. Парижъ, 1856.

R. L. Mill, *On liberty*, Лондонъ, 1859.

Вообще отношеніе между индивидуальной и политической свободою исторически установилось различно въ Англии и во Франціи. Въ Англии политическая свобода установилась на основаніи индивидуальной, а во Франціи стремились установить индивидуальную свободу на основаніи политической. Мы идемъ первымъ путемъ.

Вѣдущая свобода, въ ея видахъ, индивидуальной и политической, опредѣляется во взаимномъ отношеніи людей между собою, правомъ въ общеніи своемъ. Также значеніе имѣютъ слова: по-русски — право, по-гречески *δίκον*, по латински *jus* (отъ *juveo*, а *juveo* отъ санскритскаго *ju* связывать, соединять) по-французски *droit*, по-италийски *das Recht*, по-англійски *the law*. И такъ правомъ въ общеніи своемъ называемъ законъ высшей власти по отношению свободной и независимой воли, во взаимномъ отношеніи людей между собою.

Законъ же вообще имѣетъ 3 значенія: 1) постановленіе высшей законодательной власти, 2) постановленіе прокуратуры вообще, 3) законъ правовой, юридическій и вообще

отвлеченный, т.е. социальный, 4) законъ нравственный во общности, а именно, 5) законъ физический или законъ природы во общности, а именно и 6) правило для деятельности вообще, внутренней и внешней. Первое значение закона есть самое тесное, первоначальное, а последующие значения переносные, всеобщие и более пространные.

Для всех языков законъ выражается более или менее в этих значениях: по-русски - законъ / отъ слова „законъ“ / во по привычному закону / законодательство / законодатель, законодательный, законодательствовать, законодательство и проч.; по-гречески νόμος / отъ νέμω /; по-латыни lex / отъ lego, откуда obligatio и lex во смысле уголовного; по-французски la loi / отъ lui /; по-немецки das Gesetz / отъ ge und satz /; по-английски the law / отъ lex /.

1. Законъ во смысле писменнаго постановления законодательной власти, общеобязательнаго для всехъ подданныхъ или гражданъ.

У насъ законъ не имеетъ технического такого значения (свояго закона); а на языкахъ греческомъ, латинскомъ, французскомъ и немецкомъ имеетъ; на английскомъ это значение выражается словомъ „statute law“ / во отишию отъ „common law“ /.

Критеріемъ закона во этомъ смысле служатъ: постановление именно законодательной, а не исполнительной и судебной власти, и общеобязательность.

2. Законъ во смысле постановления отъ правительства вообще.

Такой именно смыслъ имеетъ у насъ слово „законъ“ во введень законовъ, а именно, какъ постановление не только верховной власти, но и ее органовъ, следовательно правительства вообще, такъ это законъ исходящий отъ верховной власти, и законъ, исходящий отъ ее органовъ, суть виды закона во этомъ второмъ значеніи закона вообще.

3. Законъ юридическій, правовъй или общественный, т.е. социальный.

Такие законы или совокупность такихъ законовъ называются правомъ во тесномъ, собственномъ смысле.

Не обращая зреть, во первомъ отъѣтъ, вниманія на принципъ и на сущность права, можно опредѣлить его такъ: правомъ во собственномъ смысле или юридическимъ, правовымъ, социальнымъ законами, называются также народные обычаи / обычаи права /, постановления общественной власти / законодательство / или общественныя власти / международные трактаты /, и выработанныя юристами правила и начала / право юристовъ, которыми / т.е. обычаями, постановлениями, правилами и началами / общественныя союзы устроаются и управляются.

ются, и которыми устанавливаются и сохраняются права и обязанности общественных союзов между собой, и между ними, во отношении какъ къ своимъ союзамъ, такъ другъ къ другу.

Во этомъ опредѣленіи слѣдующія слова и выражения требуютъ объясненія:

1. Законы общественные такъ называются въ смысле законовъ социальных / les lois sociales /, т.е. действующихъ во обществѣ, а не въ смысле публичныхъ въ отношеніи отъ частныхъ / jus publicum et jus privatum /.

2. Народные обычаи знаютъ обычаи общества / объективно /, во отношеніи отъ общественныхъ правъ / субъективно /.

3. Общественная власть во государствѣ называется верховною властью во отношеніи отъ подчиненныхъ ей властей.

4. Постановленія общественной власти называются во государствѣ законодательствами. Но постановленія общественныхъ властей или во государствахъ верховныхъ властей во международныхъ отношеніяхъ называются обыкновенно трактатами, т.е. международными договорами.

5. Юристы вырабатываютъ юридическія правила и науки своею практическою и теоретическою, или научною деятельностью.

6. Общественное устройство / основное или коренные законы / la constitution, the constitution во обширномъ смысле, die Verfassung / называется томъ порядкомъ, во которомъ общественная власть обращается во общественномъ союзѣ, или ея составѣ; а общественное управленіе / l'administration во обширномъ смысле, die Verwaltung /, называется томъ порядкомъ, во которомъ дѣйствуетъ общественная власть во общественномъ союзѣ, или непосредственно, сама отъ себя, или же посредствомъ своихъ органовъ, подчиненныхъ ей лицъ и лицъ (правительство, учрежденія), и притомъ дѣйствуетъ во опредѣленномъ составѣ или, опредѣленными образомъ и во установленныя предѣлы, употребляя для этой дѣятельности опредѣленные средства, или общественныя силы, личныя и общественныя.

7. Охраненіе правъ и обязанностей называется вообще санкціою.

8. Права, во смысле субъективныхъ, называется властью извѣстнаго лица / фивического и юридического, какъ субъекта права / надъ другими лицами или вообще предметами / объектами права /, основанная на правѣ во объективномъ смысле; а обязанность есть подчиненіе праву во субъективномъ или вообще во объективномъ смысле.

9. Юридическія права и обязанности между собою относятся

ными общественными собраниями называются международными;
 между общественными собраниями и его членами - общественными,
публичными, государственными, политическими; между
 членами общественного союза - частными или гражданскими.

У нас право теперь почти полностью от законодательства;
 в Греции тоже такое; в Риме *jus* было впрочем раз-
 личито в своих формах / *mores majorum, leges, responsa prudentum* /
 Англия находит к этому же прибавляется со своим *common law*
 и *statute law*; за тем же идет Франция со своим *coutumes, lois et ju-
 risprudence* и наконец Германия со своим *das Wohnheitsrecht, die
 Gesetzgebung und das Juristenrecht*.

Право употребляется иногда не только в смысле данной или
 меньшей совокупности юридических законов / юридических учрежде-
 ний или институтов; права частного или гражданского, пуб-
 личного или *соц.*, *государств.*, *международного* и *проч.*; правоведения /
 но даже иногда в смысле одного юридического закона / *jus legis
 Juliae et Papiae Poniae; le droit d'aubaine; das Abschossrecht; the
 bill or law of reform* и т. п. /

Право в тесном смысле разделяют: 1) на позитивное
 и естественное и 2) на вещное и личное.

Позитивное право

Позитивным правом / *jus positivum* / называются юридические
 законы, которые установлены общественною властью или общественными
 властями, и которые в силу этого установления / positivo, debiti /
 обязательны для общественного союза, если они установлены, и для
 по членам, или имеют для них обязательную силу, действие, охра-
 няющее акты союза или акты властей.

По действию позитивного права, различают: 1) в отношении
 времени - действующее и недействующее, аддитивное, и применяемое
тюремное, принятое или принятое / *jus receptum* / и вспомогательное
 / *jus subsidiarium* /; 2) в отношении пространства - общее и частное;
 и 3) в отношении лиц - общее, судебное и личное / *privilegium* /.

Разделение личности между ними

Въ связи с действием позитивного права в отношении
 лиц находится принцип равенства. Равенство, в смысле неюри-
 дическом, называется абсолютным безотнositельным; равенство
юридическом есть равенство относительное, и называется равен-
 ством перед законом. Последнее бывает или отрицательное или
позитивное, позитивное видимый связи с индивидуаль-
 ной, или гражданской, и политической свободой. Оно субординиру-
 ется, ограничивается или даже упрощается различными сущес-
 твенными лицами / *status naturales* / - по различию лица
 и возраста, и в судебном отношении идеальным достоинством и
недостатком, и гражданским / *status civiles* / по отношению

к обществу / иностранца, иоравца, градиване и пиддан-
ные /, по вторичности / господствующая страна. Во юридический и
и юридический субъект /, по занятости, по частям и условиям.
Принципы личного и территориального права / экстерриториальности /.

Принципы действующее право, обращают внимание на подсудность
и вообще подданность субъекта и объекта права / компетен-
ция /, и противопоставляют forum competentis foro incompetenti. Во
таких и других отношении различают: forum internum и forum ex-
ternum и притом, в отношении субъекта права: а) forum originis
б) forum domicilii с) forum delicti commissi и д) forum deprehensionis,
и 2) в отношении объекта права: а) forum contractus и б) forum
rei sitae. Возможность коллизии между ними.

Естественное право.

Отъ философского права отпадают, или ему противопоставляю-
т, или, отпадая, соединяют с ним естественные права.

Естественному праву придают различные значения, смотря по тому,
какие понятия соединяют со словом „естество, природа, натура“.
Таких значений много, но все же их можно привести к пяти
главным, хотя каждому значению придают еще разные оттен-
ки, составляют переходные случаи между ними значения, и каждая
следующая имеет несколько значений.

1) Это же именуется природой, естеством, натурой различают все
всему, а потому естественных правых называют за-
коны всемогущий.

Также Спиноза: „... Отсюда следует, что сила естествен-
ных предметов, по которой они существуют и действуют,
никакая другая мощь не есть, как она сама — действую-
щая сила бога. Поэтому, если сила естественных предме-
тов, по которой они существуют и действуют, есть сама
сила бога, легко понимать, что она есть право / jus / при-
роды. Так как бог имеет право на все, и право есть не
что другое, как сама сила бога, рассматриваемая в абсо-
лютной свободе, то следует, что каждая естественная вещь,
на столько имеет права в природе, на сколько имеет си-
лы к существованию и деятельности; так как сила вся-
кого естественного предмета, по которой он существует и
действует, и другие что есть, как сама сила бога, ко-
торая абсолютно свободна. И так под правами природы
я различаю самые законы или правила, по которым все
совершается, т. е. самую силу природы. Поэтому не столько
естественное право распространяется на подданных, чело-
век, на скот — и сила; и следовательно всякой человек
хранит что-нибудь по законам своей природы, по натуре
независимую праву природы; и не столько он имеет пра-

4) Подъ естественъ, въ выраженіи „естественное право“ раз-
умность существа самаго права; а следовательно естествен-
ныя права называютъ право существенныя, необходими, все-
обще, право въ идею.

Тезисъ: Философія права имѣетъ предметомъ идеи, понятія
права и осуществленіе понятія. Философія имѣетъ отно-
шеніе къ идеямъ... Она показываетъ, что понятіе... и есть единствен-
но то, что имѣетъ действительность, и притомъ такъ, что
она сама даетъ ее себѣ. Все, что не есть установленная са-
мими понятіями действительность, есть прекращающее суще-
ствование, исключеніе случайности, лишніе, несущественныя яв-
ленія, слухъ, призракъ и т. п. ... Понятіе и его осуществленіе
суть двѣ стороны разрозненныя и въ то же время единныя, какъ
душа и тѣло. Тѣло есть такое единство, что и душа; однако
душа и тѣло и душу самою назвать отдалено. Душа безъ
тѣла не имѣетъ ни чего живого и необорото. Также и су-
ществованіе понятія есть его тѣло.... Если тѣло не соот-
вѣтствуетъ душѣ, то оно представляется чуждымъ то живому.
Существованіе и понятія, тѣла и души, есть идея. Идея не
есть только гармонія, но полное взаимоотношеніе. Ничего
нѣтъ живого, что не было бы какимъ-либо образомъ идею.
Идея права есть свобода, а такое подлежащее образомъ угро-
жаетъ е, дайшию понять ее въ ее понятіи и въ бытіи
этого понятія. — Правовѣденіе есть часть философіи; а по-
тому оно должно развить изъ понятія идею, которая есть
разумъ вещи или, что все равно, дайшию развитіе собственное,
индивидуальное развитіе самой вещи. — Право помыслитель-
но: 1) по формѣ тѣла, что оно имѣетъ действіе въ по-
дарствѣ; этотъ законный авторитетъ есть принципъ дѣла
его познанія — помыслительное правовѣденіе; 2) по содержанию,
это именно право помыслительный элементъ: а) въ
смыслѣ особеннаго національнаго характера народа, степе-
ни его историческаго развитія и совокупности всѣхъ тѣхъ об-
стоятельствъ, которыя относятся къ природной необходимости
этой; б) въ смыслѣ той необходимости, что система помыслитель-
наго права дайшию содержать примѣненіе общаго поня-
тій къ живымъ даннымъ качествамъ предметовъ и случаевъ, — при-
ложеніе, которое не есть чуждое спекулятивное существованіе и раз-
витіе понятія, а приведеніе со стороны разсудка; в) въ смыслѣ
потребности въ действительности сконкретизированныхъ опре-
дѣленій. — Если помыслительному праву и законамъ противо-
поставляется сердечное чувство, склонность и проявленіе, то
никакъ уже по крайней мѣрѣ не могутъ быть, чтобы та-
кие авторитеты признавали философія. — Это насилье и ти-

правия могут быть элементами первоначальнаго права, — это дея не случайности и это не касается его сущности. Изъ того, что естественное или гражданское право отличается отъ первоначальнаго, вытекаютъ превратные заключенія, будто они противоположны и противоборщицы, — это было бы безумное недоразумѣніе... Право само по себѣ, первоначальное въ объективномъ отношеніи, т.е. определенное положительнымъ дея совнанія и сознаніемъ какъ право существующее, есть законъ; эмпирическое определеніемъ право есть первоначальное право вообще... Право, сдѣлавшееся закономъ, есть то неучредитъ не только форму своей всеобщности, но и самъ истинно определенность. / Grundlinien der Philosophie Des Rechts).

5) Естественное, природу, натуру противоположаютъ иерархія, и потому естественное право противоположаютъ первоначальную праву, признавая не въ естественныхъ правахъ бытъ общественное право, и признавая бинадическое естество на естественное, въ противоположномъ общественному, гражданскому.

Переходитъ изъ естественнаго естествона въ гражданское существо, но эмпирически, общественно говоря.

М. М. Рocco: „L'ordre social est un droit sacré, qui sert de base à tous les autres; il est donc fondé sur de convétions... La plus ancienne de toutes le sociétés et la seule naturelle est celle de la famille: encors les enfents ne restent-ils liés au père qu'aussi longtemps qu'ils sont besoin de loi pour se conserver. Sitôt que ce besoin cesse, le lien naturel se dissout. Les enfents, exempts de l'obéissance qu'ils devaient au père; le père exempts des soins qu'il devait aux enfents, rentrent tous également l'indépendance. S'ils continuent de rester unis, ce n'est plus naturellement, c'est volontairement, et la famille elle-même ne se maintient que par convention. Cette liberté commune est une conséquence de la nature de l'homme... Ce passage de l'état de nature à l'état civil produit dans l'homme un changement très remarquable, en substituant dans sa conduite la justice à l'instinct, et donnant à ses actions la moralité qui leur manquait auparavant... Ce que l'homme perd par le contrat social, c'est sa liberté civile et la propriété de tout ce qu'il possède... On pourrait... ajouter à l'acquis de l'état civil la liberté morale, qui seul rend l'homme vraiment maître de lui-même; car l'impulsion du seul appetit est esclavage, et l'obéissance à la loi qu'on se prescrite est liberté.... Les lois ne sont proprement que les conditions de l'association civile.... /Du contrat social/.

Послѣдствіемъ этой теоріи противоположеніемъ между естественнымъ и первоначальнымъ правами сущности. Слѣствие

общественные, гражданские или правосостояние и есть естественное состояние. Положительное право содержит в себя два элемента: чисто-положительный и естественный, и следовательно соединяет в себя и естественное и чисто-положительное право. И положительное и естественное право развиваются вместе исторически; последнее осуществляется в первом и служит для него корнем.

Вся изложенная воззрения на естественное право односторонняя. Возражая ей на основании выводов, можно сказать лишь, что оно есть право, согласно с естественными законами вообще и с законами общедомашней природы человека, как разумно-свободного существа в свободе; что оно составляет сущность положительного права; что оно возникает непосредственно как объективный нормальный порядок общедомашней, независимый от произвола, когда оно вместе с тем и осуществляется в действительности, в форме свободно-установленного положительного права.

Право божеское / jus divinum / и право человеческое / jus humanum /.

Это деление коренится в классической древности. С материальной стороны / по содержанию / греки и римляне в теории называли божеским правом законы религиозные, определяющие отношения между людьми, следовательно законы не только юридические, но и нравственные. Римские юристы в практику называли божеским правом jus sacrum, следовательно часть человеческого права / jurisprudentia est divinarum et humanarum rerum notitia, iusti atque iniusti scientia /. С формальной стороны / по источнику, по происхождению / папские права в теории разрывали с тем же извечным божеством, а папское человеческое - из воли людей, и признавали в первом jus naturale. На практике римские юристы и с jus naturali обращались как с человеческим правом.

В средние века / относительно формальной стороны / образовались два воззрения. Одно разрывало папское божеское право только положительными откровенными законами, именно законами Моисеевыми, обрядовыми, нравственными и юридическими, и нравственным законом евангельским или Христовым; Моисеевы юридические законы составляли положительное право Еврейского народа, а прочие законы не суть юридические. Другое разрывало папское божеское право нравственными законами. Общепонимая связь, познаваемая людьми посредством Святого Дарования / littera gratiae / - откровенные, или посредством Святого Разума, природы / littera naturalis / - естественные; нравственные законы не суть юридические. 2, В материальном отношении при-

знавали, что божеские откровения и законы действительны и естественны и законны. И так в совести своем смысле право или юридические законы есть естественные; связывают религию с правами, как грехи — с на восток, против существ и религии и права. Новоякая религия, и особенно христианская, имела и имеет огромное влияние на право, внося в юридический обит свой нравственный характер; надбывает, право охраняло и охраняет религию, какъ сущность и истинность мира и какъ положительную основу его нравственности.

4. Законъ нравственный.

Слово, нравственный происходит отъ словъ „право“, „правы“; а отъ слова „нравственный“ происходит „нравственность“. Вотъ эти слова имеютъ обширный и тесный смысл. Въ обширномъ смысле эти слова употребляются какъ нечто общее вообще въ отиции отъ физическаго, т. е. подлежащаго вилитиимъ чувствамъ; напр. право тий, весельи; нравы французовъ, англичанъ; нравственный миръ, порядокъ мира; нравственные силы, причины, потребности, интересы, нравственная возможность, необходимость; нравственный законъ, т. е. законъ свободы въ отиции отъ закона вилитиимъ необходимости; нравственность — совокупность такихъ нравственныхъ законовъ, а также отношение къ нимъ внутренней и внешней деятельности человека. Въ тесномъ смысле этими словами обозначается отиция отъ юридическаго сфера — собственно нравственная сфера. Такъ право означаетъ естественный, одинаковый, субъективный, индивидуальный образъ чувствований, мвасей, желаний, все внутреннее душевные расположения человека; нравы — такие самые въ отношении къ обществу, наружу / общественные, наружные нравы; нравственный, относящийся къ такому праву и къ такимъ правамъ; нравственный законъ, определяющий нравы и нравы. Нравственный законъ въ общепринятомъ смысле содержитъ въ себѣ юридический законъ и нравственный законъ. Нравственный законъ въ тесномъ смысле есть или 1) внешний, положительный, или 2) внутренний, естественный. Нравственные внутренние или естественные законы называютъ а) нравственными природными, чувственными побуждениями, влечениями, когда ими побуждается человекъ къ нравственной ответственности независимо отъ сознания и свободной воли, и б) чувственными идеями — когда нравственная ответственность есть проявление сознания и свободной воли. Въ нравственности въ тесномъ смысле отициаютъ: 1) субъективную, индивидуальную, личную нравственность / moralitas / беретъ отъ себя мораль, а moralitas происходитъ отъ mos, mores /, и 2) объективную, общую / этическую, отъ ἦθος — нравственность, въ отиции — отъ ἦθος — нравы, нравы). По отношению возводятся до нравственности мировой / космической, отъ κόσμος порядокъ, строй мира, миръ). По кругу действия отициаютъ: 1) нравственность частную / la morale individuelle / и 2) общественную / la morale sociale /, т. е. и въ смысле нравственности индивидуума по отношению къ обществу, какъ человекъ, и въ смысле нравственности общества. Нравственность и частная и общественная одна и таже. — Нравственность / moralitas, ἦθος / не таже, что нравы и нравы / mos, ἦθος /, хотя и въ тесной связи съ ними.

O sřabembnoernu.

C. Meiners, Allgemeine kritische Geschichte der ältern und neuern Ethik, Feinmann, 1800, 2 moua.

Fr. Schleiermacher, Grundlinien einer Kritik der bisherigen Sittenlehre, Ceymann, 1803, (so ero Sämmtliche Werke, Ceymann, 1846, so 1mo moua.)

Stäudlin, Geschichte der Moralphilosophie, Jannoske, 1822.

L. v. Henning, Principien der Ethik in historischer Entwicklung, Ceymann, 1824.

H. L. Michelet, Das System der philosophischen Moral, Ceymann, 1828.

Rosmini, Filosofia della morale (so ero Opere), Muraw, 1834, 8 12 moua.)

J. H. Fichte, Die philosophischen Lehren von Recht Staat und Sitte, in Deutschland, Frankreich und England, von der Mitte des XVIII Jahrhunderts bis zur gegenwart, Neumann, 1850.

Franz Herlinder, Geschichte der philosophische Moral, Rechts und Staatslehre der Engländer und Franzosen, Martzke, 1852.

Emil Feuerlein, Die Sittenlehre des Christenthums in ihren geschichtlichen Hauptformen, Mosmann, 1855. - Die philosophische Sittenlehre in ihren geschichtlichen Hauptformen, 1854, so gřybo raemařo: so 1ra raemid - Die Sittenlehre der Alterthums, a so emopau - Die Sittenlehre der neueren Culturmölder.

Paul Janet, Histoire de la philosophie morale et politique, dans l'antiquité et les temps modernes, Napmann, 1858, 2 moua.

Bez sřabembnoernu serobabaernu na sřopau. Morau sřegnomaraem gřeobst so badnyřo boiu w serobaguryřo gřoamernu.

Oua paseruařpřubaem: 1) burunee gřoanie so serbu so sřyřpřerunee domerue, meuanerit, so serbu w seruanerit reuobna, 2) sermanee meuanie, sřempeuerne so

Внешней действительности, хотя еще и не про-
 изведшее никакого внешнего действия и в вы-
 ступлении чувствования, инстинкта и интуиции, са-
 м по себе, гадит во все и митозия во виду
 произведет какое-либо внешнее действие. Но
 этого случается, что, с моральной точки
 зрения — живое не внешнее действие, но вы-
 ступление действительности, от него мораль
 и развивается субъективной правдивостью.
 С моральной точки зрения, человек при-
 знает за свое только то, что происходит
 во нем самом, свое субъективное, и требу-
 ет, чтобы по этому субъективной сущности
 об нем человек, внешнее действие и точка
 от этого субъективного и есть свобод-
 ное самосопределение человека. Во этом суб-
 сит, человек абсолютно свободен. Во этой
 абсолютной свободе состоит моральное
 достоинство человека. Право человека на
 такую моральную субъективную абсолют-
 ную свободу составляет точку возврата
 от древнего к новому, христианскому
 миру. Во силу этой моральной субъектив-
 ной свободы, человек является само-
 степенным, самодостаточным моральным
 индивидуумом. Моральная индивидуальность
 человека не есть во нем искомое случайное
 или внешнее, ни его моральные недостат-
 ки, ни его грубая, неразбуженная природа; но
 обратившись случайное во постоянное, внеш-
 ннее во внутреннее, освободившись от рад-
 ехного подчинения безразличным природным
 влечениям, и разбужившись до существа нрав-
 ственно-свободного, человек и во этом
 проявляет свою моральную индивидуальность.
 Таким образом субъективная мораль есть
 бытие и индивидуальность. Во нем находится
 бесконечно-разнообразное знание правдивости
 объективной, объективной, истинной, во-
 обще правдивый закон; без того пре-
 вращенный бы бы в безличное, мертвое
 отвлеченность. Человек, как морально само-

отражением, своеобразно и индивидуальное, есть
уже во моральном субъекте; и потому мо-
ральная субъективность, индивидуальность
равенств, можно назвать во этом
субъекте и личной равенством. При-
знание во человеке моральной личности
есть признание его абсолютной мораль-
ной свободы; - признание, что он мораль-
но свободен: 1, от своих собственных чув-
ственных природных влечений, 2, от ку-
совой воли и 3, от природной волеизъяв-
ления. Такая абсолютная моральная свобода чело-
века, или такая возможность, способ-
ность, сила и власть абсолютно-свободна
но самоопределяется есть первое и послед-
нее условие морального бытия и значения
человека, величие его только человек
и есть субъект морали.

Поскольку человек, как субъект морали, возна-
тельно и свободно производит естественное или
первичное во окружении его мира, совер-
шает во внешнее действие, он признается во
человеке этого действия.

Во всяком внешнем действии отменяются
два элемента: 1, действие (actio, l'action) и
2, факт (factum, le fait).

Внутреннее действие или во внешнее действие.

Внешнее действие есть продукт внутрен-
него действия. Внутреннее действие составляет два
элемента. Первоначально действие вообще
имеет два стороны: 1, внешнего, объек-
тивного, предметного-внешнее действие
его элемента - действительность и дв-
слось, и 2, внутреннего, субъективного,
личного-внутреннее действие или внутрен-
няя действительность (чувствование, сознание
и желание, и сознательная и свободная
личность приводит их во единство).

Внутреннее действие заключается
во себя так же два элемента: 1, свободную
волю, личное-внутреннее действие
и во внешнее во него и 2, действие послед-

отвѣдъ гнѣвнѣи или знаніе добра.

Первый элементъ насоздается въ себѣ со-
отвѣтственнѣи въ гнѣвнѣи, а потомъ дѣи въ
гнѣвнѣи.

Раскрытие связи между внутреннимъ и въ-
нужнымъ гнѣвнѣи, или сужденіе о томъ,
совершивъ ли издѣстнѣи человекъ извѣстное
дѣланіе, называется импутатіою (imputatio);
а сужденіе о томъ, способенъ ли быть издѣ-
стнѣи человекъ совершить извѣстное дѣланіе
сознательно и свободно, называется вѣ-
ствительностью.

Висновеніе моральное ссудается отелатѣ
отъ висновенія юридическаго, но не должно
противоположнѣи въ одно другому.

Во отношеніи висновенности различаютъ гнѣ-
внѣи: 1) произвольнѣи (volus) 2) непроизвольнѣи
(casus) и 3) случайнѣи; а) въ юридическаго гнѣ-
внѣи или неслучайнѣи и б) неосторожнѣи
(culpa lata et levis).

При висновеніи различаютъ въ соображеніи:
въпредназначеніи (der Vorsatz) или гнѣвнѣи-обдѣ-
маннѣи, гнѣвнѣи-случайнѣи; 2) нацѣленіи (die
Absicht) — нацѣленнѣи дѣланія и 3) гнѣвнѣи.

Важное гнѣвнѣи и гнѣвнѣи въ отношеніи есть
средство. Конечная гнѣвнѣи есть само-
удовлетвореніе, какъ вънутреннее побужденіе,
побуждательная причина, мотивъ дѣланія.

Во отношеніи побужденій ссудается гнѣ-
внѣи противонаправленнѣи мнѣи, гнѣвнѣи мораль-
ной ссудки дѣланія: 1) или неслучайно тре-
буютъ гнѣвнѣи побужденій, 2) или
гнѣвнѣи-обдѣманнѣи-случайнѣи-случайнѣи,
необращая вниманія на побужденія. Оба
эти гнѣвнѣи одноосторожнѣи.

Во связи со первыми гнѣвнѣи находится тре-
баваніе отвѣтнѣи, какъ моральной пона
въ отношеніи отъ самоудовлетворенія гнѣвнѣи
дѣланнѣи. Противъ этого направлено
сознательное гнѣвнѣи-случайнѣи-случайнѣи.

Gewissenskrampf und Entscheidung.

Gerns diers'ich den Freunden, doch thw'ich es

leidet mit Neigung,

Und so nimmt es mir oft, das ich nicht tugendhaft bin.
Da ist kein andrer Rath, die musst suchen sie zu waschen,
Und mit Abscheu alsdann thun, wie die Pflicht dir ge-
= beut.

Какая же комбинация есть между этими до-
гматами. Намекает на то, что не есть диспуту-
рива. Но Теобергия неопределила ее принципом и мо-
ду (De esprit). Да и не было ее: Инженер-
некоторые, а также Монетарии, Мабий, Ленс-
Мануэль, Барне, Декретомме-де-Мирали, а также
systeme de la nature / Мирали? / а также Code de
la nature / Мирали? / la-Monarchie и др.

Но как же Теобергия разумеется принципом
сущего и неопределила ее принципом и мо-
ду и неопределила, так же и безразлично самого по
себе. Но и то же направление несут и другие за-
писки: Конгорсе, Виктор Консидеранс, Кармен-
не, Леру, Морис-Вандо и др. Мероприетно и неопре-
дленно в себе и из этого принципа и вразуми-
тельно: Tout devient legitime pour le salut
public, думают и одинаково и справедливо: salus
publica suprema lex esto.

Важнейшее несоответствие тому, что оно
разумно и справедливо, распротранено
идеи, что напротив безразличная идея
нельзя, и неопределила в себе достойно и
идеи / Бандрона Мандредь, Тенель срайт, Ули-
серова идея). Но и такое определение есть
нельзя само по себе безразлично, а сего-
днем оно не может быть принци-
пом и идеей.

Будет, конечно, как и в идеях государственности,
определен, и неопределила идеями сего (per
se) идеями / идеями / разумными идеями. Теориями
или идеями сего (идеями) идеями, на на-
ше определение поставим идею и идеями в идеями
или в идеями самозабвением, а идеями
идеями в идеями идеями в идеями, как в идеями
идеями идеями. Идеями идеями идеями идеями
идеями идеями идеями идеями, как
идеями идеями, а не идеями идеями идеями; а го-

фродотень, выходящая в Платонове, определяется как единство человеческого совершенства. Ничего возводит счастье до верховного блага (summum bonum) как конечной цели (esse) блага (finis bonorum)

Но никакое отягчение не к благу, не к счастью, не является само по себе гнетельностью нравственного: благо, счастье может быть поведением, а не основой нравственности. Взаимно, как внешнее счастье, само по себе безразлично, а как внутреннее счастье, оно поднимает себя выше внешнего счастья. Но отягчение это внешнего счастья / расклевывание, - Паскаль / не есть нечто необходимое для внутреннего счастья. Можно стараться соединить принцип добродетели с принципом счастья, во существе человека влечению к нравственности - добродетели.

Это влечение, как нравственное диспозиционное чувство, проявленное человеку, поставившем Ничто (Ничто) принципом морали. Сами же Томас (Thomas) / Aquinas / называет его первичным органом нравственности; Фергюсон (Ferguson) самозабвением или чувством собственного достоинства, а у Шопенгауэра моралью как в Битти (Beattie), Дениса Освальда (James Oswald), Рейда (Reid), Дональда Стюарта (Donald Stewart), оно является, как общий здравый смысл (common sense) во различных сферах. Наконец принцип здравого нравственного смысла / понятием / изобразить во виде нравственных движений сердца человека. Во время этих сфер принцип нравственного чувства является неопредetermined по содержанию; поэтому, воспринимая во всяком случае (даже если) извне нравственного содержания. Можно предлагать наполнить эту сферу нравственным содержанием, дабы только воспитанием, образованием; как добрым - нравственным содержанием, дабы всеобщим общественным учреждением

общественною жизнью, общественным нравом и т. п. Но Бейвезиус замечает, что при таком изъяснении содержания, мораль ищется всякого принципа; что общественные нравы и т. п. беззаконно равнообразны, даже противоположны, что общественность не исчерпывает только из общественной нравов.

Вообще всякое изъяснение содержания нравственности превращает внутреннее самоопределение свободной воли во внешнее определение, а следовательно уничтожает свободную волю, а от нею вынужден и мораль.

Дабы воля была свободною, поставим принцип морали самоцельность, то есть, самодовольствие, к которому границы не имеет промежуточного ступенчатости, во всем отношении Бейвезиус, а из современных немецких писателей - Махер, Штриммер. Но Штриммер сам по себе безразличен и в своем непосредственного самодовольствия, извольствия, о которой сказано волю, и в своем посредственного самодовольствия, в своем той пользы, которую поставим принцип морали Берклиев Бенгхам (Bentham). В связи с этим принципом Штриммер надо думать в одной ступени принцип личности, личной самостоятельности, независимости, поставленной в своем автономии (автономия-самодовольствия) принципом, а в своем анти (анти-бесхочия) ступенчатости; в другой ступени принцип самосохранения, поставленный Спинозою. - Все эти принципы не определены по содержанию. Помыслив это, поставим противоположный принцип Штриммерскому - принцип доброты материальности вообще общественные принципы, которое коринтская еще у Аристотеля, называвшего ее добротой животивный общественный, и который вограднен Пурфрендорфером в своем такого основного нравственного правила: "Будь общественным". Конверсия воле пер

всё, выставлявший принципы добродетельности противъ Тоббоза, а Шермстору / Shaftesbury) считавъ его преобладающимъ въ мировую существеннымъ ему влечениемъ. —

Принципы морали доустоевские и общедомашние, хотя и возникли изъ одного источника, но поставили себя въ противоположность. Уравновешиваетъ ихъ чувство права, не только въ узкой форме симпатий, поставленной принципомъ морали Адамсого Смитомъ (Adam Smith), но въ широкой форме чувства справедливости, которое признавали за всеобщий фактъ во всеобщности въ древности Цицерона, а въ новое время инокоторые Шотландские моралисты. Но уже въ древности Сократа, а въ новое время Тоббоза и Бенедикти ства опровергли его, какъ всеобщий фактъ. —

Принципы права, какъ одинъ изъ принциповъ общедомашнихъ, является, съ одной стороны противоположнымъ доустоевскимъ принципамъ и поднимаетъ ихъ себя въ форму самопожертвования, а съ другой стороны, противопоставляетъ даже другому, такому общедомашнему принципу, принципу добродетельности, поднимая и его себя. —

Обобщивъ принципы добродетельности въ понятие о благой чести, о благомъ намерении, о благонамеренности, язультская мораль унизила всю деятельность до средства для этой чести, и поставила основными правилами нравственной деятельности, что чести обязываетъ средства. Но учение въ древности стоиковъ, а въ новое время Канта, благонамеренность сама по себе имеетъ нравственную чуждость. Но мировая нравственный не довольствуется одними благомъ намерениемъ, а приводитъ ихъ въ исполнение. При этомъ совершенно не влиять во взыскание чуждого, вьбто потупило то нравственного содержания, симмное, неподлинное благо намерение, не говоря уже о томъ, что еще неуподобно безъ взысканного нравственного чуждого, — было

ли в самом деле по необходимости большое
наименение. Есть однакоже немалочислен-
ные случаи, где бы субъективно средства
оправдываются целью. Иначе и быть не
может, но мораль не есть нечто мерт-
вое, а живое, субъективное, личное, индивиду-
альное.

Вовсе как бы субъекта права, унитарна
есть односторонность допустимости и об-
язательности принципов. Зато, в своей
стороне, и допустимости, и обязательности
принципов не дозволяют праву сама
всегда объективности, превращая изрече-
ние: *Fiat justitia, et pereat mundus* в про-
тивоположное насилие: *fiat justitia, ne
pereat mundus*, и наоборот (строгое право/ *ius
strictum*, vs справедливое право/ *ius aequum*).
В оправдывающ право человек не выигрывает
ничего противоположного ни обязательности,
ни собственности своему *et*; в таком праве,
как объективном, он узнает сам себя, свою
субъективность; посредством его он само со-
знает себя, владыка до сознания, что прав-
ственность объективная есть его собствен-
ная, субъективная нравственность, что нрав-
ственность не есть такой объективный
закон, предъ которым человек ничто,
но есть его же собственное субъективное
требование, средство для его самоудовлетво-
рения, удовлетворения как его допустимости
вверения, так вверения и вверения и ввер-
жения и вверения.

Иначе поставив принцип морали
Спиноза, подкинув ему самоотражение,
равно как и в вверении допустимости и ввер-
жения и вверения.

Умласть в определении знания только, что полагают
его в знании истинны, а Кларк/Clarke/ - в знании при
одности предметного/ *the fitness*. Но вообще знание
относится ко вверению и вверению только
как средство ко *et*.

Целью вверения и вверения поставива лейб-
ниц - Гольдмана философия субъективности, не только

въ смыслъ самоусовершенствованія, но и усовершенствованія другихъ.

Но совершенство не достигнуто, а усовершенствованіе не есть цѣль конечная, какъ и стремленіе къ совершенству, поставленное принципомъ морали (Ферлюсономъ / Ferguson).

Совершенство достигается, когда въ каждомъ моментѣ дѣятельности осуществляется добро. Оно, какъ осуществляемая сущность воли, есть идея. Идею понимаютъ идею добра еще какъ нечто всеобщее, отвлеченное. Аристотель при видѣ ея, какъ осуществляемую въ каждомъ моментѣ дѣятельности. Для этого необходимо, чтобы идея добра стала присутсвовать реально. Тогда она называется добродетелью (Аристотель), и есть такое состояніе воли, при которой она постоянно и непрерывно направлена къ добру. Но добродетель не есть нечто врожденное человеку, а приобретаемое имъ, следовательно не представляетъ изъ сея воли, и потому добродетель предполагаетъ сознаніе, чувствъ, настрѣніе и цѣль, и сознаніе о чувствованияхъ, инстинктъ, инстинктъ и пр., въ которыхъ, равно какъ и во все природныя влеченія, влечется добро, какъ изъ содѣржанія. Если добродетель сама по себѣ и едина, то, соотвѣтственно природнымъ влеченіямъ, она можетъ бѣть представлена въ разныхъ формахъ. На основаніи родовъ природныя влеченія, Аристотель дѣлитъ добродетели на такія, которыя относятся къ животнымъ, и на такія, которыя относятся къ обиджительнымъ природнымъ влеченіямъ, представляя добродетель какъ средина между двумя изъ крайностей, пороками.

Но добродетели, относящаяся къ обиджительнымъ природнымъ влеченіямъ, причисляетъ Аристотель къ правдѣ (δικαιοσύνη, justitia), въ смыслѣ и праведности и правосудія: въ правдѣ заключена есть добродетель. Цѣль правды есть равенство (ἰσότης, aequitas). Правда, какъ праведность, опредѣленная закономъ, есть законность (νόμος). Правда, какъ правосудіе, разглаголетая на управленіе (τὸ δίκαιον καὶ ἰσότης, justitia

εἰς πλείους) и на распределительную (τὸ ἐν διαφορῇ δι-
 κάσιον; iustitia distributiva). Оба эти вида при доб-
 совидении в помянутом возмездии (τὸ ἀρετῆς
 πορτεῖς). Правда, какъ справедливость, есть средина
 между неправдою и терпимостью неправды.
 Правда, какъ праведность, отрицающая правду
 въ ея осуществленной всеобщности, есть справедлив-
 вость (δικαιοσύνη, aequitas).

Въ Аристотелевомъ учении о добродетели въ при-
 родныхъ влеченияхъ и добро находится еще въ пол-
 ной гармоніи. Эта гармонія нарушается, если
 съ одной стороны поставитъ добро, какъ ра-
 зумнаго идею, а съ другой — неразумныя влече-
 ния. Тогда посредникъ разумъ познанный въ
 добру, потянуто какъ въ бытность нравственно-
 му закону, но и какъ внутреннему нравствен-
 ному требованию. Это двойное составляетъ
 предметъ нравственныхъ обязанностей или
 обязанностей. Нравственные обязанности одвѣтны
 но выражаютъ субъективныя добродетели. Добро-
 детели являются средствами для исполнения
 нравственныхъ обязанностей, для исполнения ве-
 лій разума, свободы и закона, побуждающаго
 достигать доброе. Въ такомъ смысле добродетели
 отличаются отъ неразумныхъ природныхъ влече-
 ній не количественно, какъ средина между край-
 ностями, а качественно, въ томъ же природныя
 влечения должны быть принесены въ жертву добро-
 детелямъ и въ осуществленіи въ нравственныхъ
 обязанностяхъ, какъ великаго разума. Такая мо-
 ральная толка зрѣнія отъ Аристотеля и Августина.
 Кантъ развилъ эту мысль, утверждая, что со-
 держаніемъ добродетелей, нравственныхъ обязан-
 ностей, вообще нравственности, вовсе не должно
 быть природныя влечения, а категорическое велѣ-
 ніе практическаго ума. Но это Кантъ прин-
 ципъ моральности принципъ формальной.
 Два наполнить его содержаниемъ, а именно
 что это содержаніе изъ высшихъ законовъ; но
 исполненіи внешнего закона не можетъ быть
 названо нравственностью, такъ какъ она
 предполагаетъ самоопредѣленіе, свободу. —
 Фреге (Фреге) понимаетъ нравственный законъ

внутреннимъ содержаниемъ воли, свободу абсолютную, самостоятельность, независимость всеобщаго я, или духа человеческого отъ всякаго внешнего опредѣленія. Эта абсолютная самостоятельность достигается гнѣтливостью всеобщаго я, условіемъ которой есть природное влеченіе. Въ преодолѣніи препятствій, поставляемыхъ со стороны не-я, и состоитъ нравственность. Но такое освобожденіе никогда не достигаетъ своей цѣли, а следовательно и не можетъ быть признано въ полномъ смыслѣ. Всеобщая нравственная обязанность, подлинная, а не кажущаяся, въ гнѣтливости обязанности, и есть, по предѣлу гнѣтливости, освобожденіе я отъ внешней зависимости со стороны не-я, относительно какъ индивида, такъ и въ обществѣ; а потому гнѣтливости гнѣтливости обязанности по предмету на обязанности къ самому себѣ и людямъ. — Кантъ прибавилъ еще Лейбница — Контрпроба философовъ обязанности къ Богу. Аммонъ, подраздѣливъ обязанности я къ не-я, принимаетъ 4 рода нравственныхъ обязанностей: къ Богу, къ самому себѣ, къ ближнему и къ любимой ограниченной природѣ. Кантъ первого и послѣдняго рода обязанностей приводитъ къ обязанностямъ къ самому себѣ, и потому принимаетъ только два рода обязанностей: къ себѣ самому и къ людямъ. Котте сдѣлаетъ толщину гнѣтливости, но на самомъ послѣдствіи общественной обязанности эти: Маргейнеке, по Гегелевымъ началамъ, гнѣтливости и на обязанности въ отношеніи къ тому и въ отношеніи къ духу: субъективному и объективному и абсолютному. Наконецъ Шейермахеръ приводитъ все обязанности къ обязанности къ самому себѣ, а следовательно уничтожаетъ вообще гнѣтливости обязанности по предмету. — Вотъ такъ поръ, какъ етаемъ смонтиръ на нравственныхъ обязанностяхъ, какъ на нравственныхъ обязанностяхъ, началъ гнѣтливости и въ по етаемъ на обязанности совершеннаго / officia perfecta, и на обязанности несовершеннаго / officia imperfecta, нравственной совѣсти и по предѣлу гнѣтливости Канта, такъ и

улиние, отменяемые юридическая обязанность
от нравственных, дамо в бытие употреблений.
Для возвышения в степени нравственных обя-
занностей, надали нам обязанности добро-
детель (Tugendpflichten). Кант разделил обя-
занности на материальные (sittliche Pflichten) и широкую
[weite Pflichten], допуская принуждение для обя-
затель, но для первого в смысле внешнего прину-
ждения, а для последнего в смысле внутреннего
принуждения. И так, когда самопринуждение
замыслимо самопринуждением, то сильнее
же прямо высказав, что в моральной по-
казатель в ее обязанности, дамо юридиче-
ская, суть обязанности добродетель. Но
Шлейермахер аналитический вообще викари-
рование обязанности по степени.

Из этого, что в области, между отделивши-
ми обязанностями и принятыми постепенно
ности, рождается возможность коллизии ме-
жду обязанностями и так называемая ка-
зуистика. Но Кант и потом Кант и Шлейер-
махер, Шлейермахер и Рот, показали невоз-
можность такой коллизии, а Шварц возни-
зав прямо, что в этом случае следует
предоставить решение субъекту, но для
правильности этого решения он требует
от субъекта всестороннего образова-
ния характера.

Такое требование находится в связи с ин-
дивидуальными различиями средств, предлагаемых
для такого образования нравственного ха-
рактера, это предмет аскетики (Asketik) или
упражнения. Шлейермахер вообще считает
ее аскетическую; но в морали она имеет
то значение, что внутренние нравственные правила
должны превратиться во внутренние нрав-
ственные требования, и что внутренний нравствен-
ный закон переносится внутрь человека, имен-
но в его совесть.

Совокупность поставив принцип морали Якоби,
во противоположность Кантову категорическому
всему практического ума. Стоици первоначаль-
вошли в совесть, но аскетический вполноту

развилось это понятие во времени от внешнего закона. Затем понятие совести вошло в науку в смысле карающего-взыскательного по отношению и предупреждающего и внутреннего сознания, и в смысле внутреннего нравственного закона.

Но совесть не есть нечто готовое, а развивается все вместе с развитием человека. Вдруг ей может помыслить многое, она может целовать или совсиль заимовать, и вообще может не отградить в себе нравственности. А потому совесть, если и может быть признана основой морали, то не может быть принципом высшей нравственности. Это совесть предстает еще гарантия, что ее содержание нравственно, а именно: соответствие субъективной нравственности или морали с объективной нравственностью, основывающейся на признании, что не только субъект, но и весь объективный предмет представляет собой нравственный организм. Совесть, как принцип морали, есть внутреннее нравственное сознание, но в форме инстинктивного чувства. Нравственное сознание, в форме разумного понятия, есть нравственное убеждение. Водит в смысле Фридрих Отто поста виле нравственное убеждение верховным правом для исполнения нравственных обязанностей. Но в форме нравственного убеждения, нравственное сознание не может быть принципом общей нравственности. У нравственное убеждение, как вполноты зависимость от индивидуального Я, истекает из него, из самости (die Selbstheit). Самость поставил принципом морали (Фридрих Шлегель, в связи с естественностью и красноречием (die Schönseligkeit)).

Но самость ведет к совершенному произволу и заключает в себя прописанную (принцип) исход которой есть успокоение индивидуального Я в общей, объективной нравственности. Мораль мораль переходит в общую нравственность. Оставалось объявить пролетариат и развитие морали. Но в наше время принцип за это объявление, на основании Неймолии, сочувствие стороны, со стороны ступидности и со стороны реальности.

Представитель первого направления - Бенекс, а представитель второго - Вундт.

Бенекс свое учение о нравственности (Friedrich Eduard Benkes, Grundlinien der Sittenlehre, ein Versuch des natürlichen Systems desselben, Берлин, 1837-1841, 2 тома) основал на опытной психологии (Опытная Психология в применении к воспитанию и образованию детей, составил по Бенексу, Дресдену и др. Н. Веселы, С. Пб. 1862), выводя нравственность из данных в опыте, в духовной природе человека. И Бенекс признает, что наша мораль есть совокупность, множество, индивидуальностей, именно нравственное настроение души человека (свой Die Gesinnung); но это же признание морали (пророка действительности) он приводит в связь с мотивами и чувствами высшего действия (сакте риз действительности).

По учению, нравственное настроение души не врожденно человеку, а есть продукт его способностей и впечатлений. Это моральные естественные, требования, инстинкты, предрасположения, склонности, страсти человека и что безмерно сложное из множества элементов. Это учение о морали, как науки, раздорит это сложное на элементы, и потому рассмотрим и есть соединение. Такую задачу старается решить Бенекс в своем учении о нравственности, на основании своей Опытной Психологии. Опытная Психология Бенекса исходит из того факта, что развитый человек чувствует, понимает, судит, захватывает, желает, волеет, и что следовательно в душе его есть потому способности. Но эти способности не врожденно человеку; они развиваются только в основании этих способностей: в основных способностях - видеть, слышать, обонять, вкушать и осязать, которые представляют только возможности, а не способности; это первый внутренний деятель, фактор душевного развития. Возможность развития осуществляется, когда в внутреннем деятеле соединяется другой, внешний деятель, окружающей человек мир, окружающей среда и вещи, вообще предмета.

вспираниями возбуждаются и в неразумный, возвращаются в безсознательное состояние. Отсюда старшая волея так же сего. Из подобной же старшей сего, познания, суждения и заисполнения отановляемая сепе и познание и влечет от тель развиваемая самостоятельность души.

Средственные стремления основаны способностей воспринимать впечатления от окружающих предметов в малом не лишиться определенного направления к извешиваемым предметам; и это определенное направление влечет в развитие человека.

Внешние впечатления, производимые окружающими человеком предметами на душу, могут наводиться в разном отношении к ним вопринимательные основаны способностей: 1, могут производить более или менее слабые впечатления, которые слабо возбуждают деятельность основаны способностей и не удовлетворяют их стремлениям; 2, могут вполноте удовлетворять основаны способностей и удовлетворяют их стремлениям; 3, могут не только совершенно наполнить основаны способностей и удовлетворять их стремлениям, но даже возбуждают в них новую стремления; 4, могут слишком долго действовать, превратить основаны способностей и переселить стремления и в 5, могут разогнать слишком сильно побуждать на основаны способностей и через то разогнать ее осладить или даже разстроить и в. Вспомогательные сего эти различия влечет и происходят разном положении нашего духа, составленном основу ощущений, хотений, склонностей, страстей и влечет всего нравственного настроения души (die Gesinnung).

Предметы, производящие на нас слабые или темные впечатления, 1^ю, 4^ю и 5^ю могут нравиться нам, удалять нас от себя; сильно нас кажутся они своим, хотя сами по себе могут быть и дурными; напротив, предметы, действующие на нас

увлекательного (2ой аспект) для нас приятны.
 много нас карутя, эмалевый благомы, на
 конце, в предметах, вполна удовольствия
 вступлении наших внов способ
 ностей (во 2ой аспект), но, равнодушие, т.е. не
 считаем нас сильно - благомы, ни благомы,
 позато эти то впечатлительны и даются нам
 самые ясные представления, а потому про-
 ясняют, расширяют и укрепляют на
 му познавательную способность, дома и
 не находим в той тьмой связи в эмал-
 тельной способности, в которой находят-
 ся против впечатлительны.

Понимая, побуждения, остаются в этом, застав-
 ляющие человека уметь творить или отговарив-
 аться в бытии ствие, лежать в тьме впечатл-
 тельны и представлениях, которая порождает
 тот в нас земные как к благомы, или от-
 вращение как к злому, в отношении к извне-
 нным влечениям, предметам, или закло-
 лаются в нас помыслим о вое дитомство,
 которое они приобрели в нас сознание влад-
 ствие производящие или на нас впечатлительны.

Производительны или в нас ощущение и производство
 приятного или неприятного, видение повторе-
 ния или, становится более и более явными предобре-
 жения, возбуждающие соответствующую или до-
 ступности соторона нашей, побуждают нас на
 самом деле стремиться к тому, что мы давно
 считаем своим благомы, и удаляться от того, что
 это во вред нам. Но, что мы считаем для себя
 благомы или же зломы, и есть не иное что, как при-
 ятное или неприятное в нас влечение впечатл-
 тельны или же ощущение и производство, изобретение или
 осуществляющее положительное или отрицательное
 действие влечения предметов, производящих
 на нас такое впечатление. совокупность влещ при-
 ятных и неприятных ощущений, возбужденных в
 нас различными впечатлительными влечениями пред-
 метов, и сравнение нас с их ощущением. Они пред-
 ставят постепенность влещ и добь. Влещный пред-
 мет становится для нас благомы или же зломы в той
 степени, в какой он возбуждает приятное или

непрямые существование. Впрочем, для вещей людей дол-
жна существовать одна истинная постепенность
в ощущении благ и зла, соответствующая которой вся лю-
ди должны считать предметы, действительные на василиа
чувства, доброты в силе, а действительные на насилиа
чувства - злыми. Нет сомнения, что предметы в
остатке то, что одыки вечно насобавляея правствен-
ными законами, требующими, чтобы ты изложил ка-
ждый предмет сообразно с его истинными достоинства-
ми. Суждену, противную истинной, суждену
назвать ложною. Истинная суждену есть истинная
правственность, а ложная - безправственность. Духом
чуждого человека суждену, что призывы, побуждающие
на в дьявольны, дьявольны, дьявольны в сознании, во-
обще в душу наших, а не в волю наших мир. Но в нас
тупые, провозвратные на душу каким-нибудь в нас
тупые предметы, могут только возбуждать в нас
стремление, которое составляет в нас влечение
одного в нас в нас. Но душа обладает многими
стремлениями, которые могут быть совершенно про-
тивоположны возбужденному стремлению при появле-
нии в нас предмета. Если в нас возбужденное стрем-
ление пересилит в нас всю противоположную стрем-
ление, то человек может действовать сообразно ново-
му впечатлению, если же противоположная стремление,
находящаяся в его душе, пересилит в его воле в нас
тупые, то человек не исполнит его дьявольности на волю
сторону. В припадении к правственности, держа между
внешними действиями и внутренними стремлениями
три принципа правственности стремления, а наруша-
ет такое правственное настроение души, при кото-
ром она может колеблется между правственностью и без-
правственностью; а в тупые в нас в нас в нас в нас
в сознании правственного ее совершенства, или же о со-
стоянии полной ее безправственности. В работе человек
изнутри себя побуждается и рождается на какой-
либо правственный или безправственный поступок,
а появление внешнего предмета только возбуждает
в душе существование предмета, памяти, мысли
и т.д. Внутренние предметы сами по себе правствен-
но-безправственны; правственность же или безправствен-
ность зависит единственно от того, как человек
относится к этим предметам - правственно, не-

власти в человека ниско не нравственного, ни безнравственного, потому что бывший мир сам по себе нравственно-бесправдив; конечно, все развитие человека и оставшееся от него в духе и слезах, будучи вмести пороков самим по себе, таковы нравственно-бесправдивы; но помимо однородной внешней негативной, великой, действующей непосредственно и часто повторительной действительности на нравственность человека.

Этим, по мнению Бенке, не уничтожается ни свобода человека, ни влияние ему действительности его. Моральное качество души определяется только моральными качествами человека, душевными по настроению, а следовательно свободной волею, и потому она свободна, и она имеет быть великою, хотя пригодно-словная связь между волею и действительностью человека необходима. Души свободные или воля действует свободно именно чрез то, что она действует по необходимости, или что моральные качества в действительности определяются ею.

На вопрос: можно ли человеку выйти из сферы оценок, Бенке отвечает: 1) что действительность человека с евою не следует рассматривать отвлеченно, но что человек в равной мере своей природы не представляет одного субъекта, но единство субъектов с различными предикатами, составляя одинакие единые цитаты; 2) что человек не может действовать противно стелени своего развития, противоестественно, то нравственно, то безнравственно; 3) какой отвлеченной свободы он не имеет; 4) воля образуется и действует по строго определенным законам своей душевной, моральной природы; в этом заключается личная свобода человека, как независимость воли от всего внешнего и безнравственного, но эта моральная свобода не есть нечто видимое, но развивается мало-помалу. Из всех этих следует, что нравственность обыкновенно правит в руководстве нравственной деятельности: „Ибо волею ты действуешь, а этому не противиться“ - следует замечать таковы нравственно: „Ты же должен ты быть душевно настроен.“ Тогда не будут довольствоваться одним согласованием внешней деятельности с объективными нормами, но потребуют согласования ее и с нравственными душевными настроениями, чрез что мораль не только будет учитываться на нравственных началах, но всей своей и сама легальность; а с другой стороны не будут довольствоваться обеспечением моральной и личной свободы, состоящими в принуждении и в угрозах наказаниями.

Бенке только ограничил описание совершающегося в человеке, как индивидуальное, морального развития, но не поставил всеобщего принципа морали; стеснил понятие свободы человека; односторонне понял опыт и потому более исключил фидеологическую основу из своей Психологии, удовлетворяемая только одним индивидуальным над человеком, как индивидуальным; не определил душевного настроения с надстрашением личности, и не соединил его, как следует, во влиянии действительности. В свое время в 1871, что он первый основал свою систему на психологии, хотя и односторонней. Подобно Бенке и Вундт основал учение о нравственности на психологии Вундт, Vorlesungen über Menschen und Tierseele, 1863-64, 2 тома.

1) Характеристика этого сознания.

До сих пор рассматривали некоторую одну сторону спекуляций (идеализма, формы мысли опыта/предмета); Видно принадлежит к числу реалистов. Направление идеализма так же двоякого: одностороннего или двустороннего материализма, старого и нового; Видно не материализм и не идеализм, ни в принципе, ни в основе сущности этого слова; оно реально в современном значении этого слова, с отсылкой на Психологию, как на единственную науку.

Видно, что характер опытной Психологии может быть развит спекулятивно, была так же точно возможность метафор, как и эмпири, Видно с точки зрения или эмпирического изложения опыта суждений, понимают понятие Психологии, как науки. Напротив, с точки зрения рассматривать Психологию преимущественно как науку опытную, а как бы изложение с точки зрения, т.е. с точки ее явления, из которого исходят авторы, а не из опыта, так что из явления опыта явление и возникла область Психологии. Факты жизни как бы рассматриваются наука по тем же как качествами, которые относятся к опыту, а впрочем и со стороны явления, но опыта и явления и создатель науки. Нагляднейшее развитие науки возможно только тогда, когда она расширяется областью опыта и май же в новых посылках явления.

Область опыта расширяется, если мы не ограничим ее соответствующим опытом, и обратим внимание на опыт в смысле времени и порядка; а новые посылки для явления открываются, если мы не ограничимся только наблюдением, а введем и в Психологию эксперимент, и если будем рассматривать не только форму явления, но и форму процесса его.

В наше время, когда многие стали переходить в философии от идеализма к реализму, обращено внимание на ту из философии наук, которую признали преимущественно наукой естественной, на Психологию. Но, Психологию видя сущность признали объективной

не только в изломе, сколько в частях, и при
том в тот же момент, который не имеет непосред-
ственной связи с другими оградительностями, 2) в
психологических изломах и частях, которые
выдаются в виде оперутивных и в смысле резуль-
тата опыта в изломах, и 3) в изломах при
взаимной единственности исторических психологий. Все
это не только востро подвинуло психологию, как
науку истинную. Но даже наблюдение за тем
идеями психологии дойти до единства психологиче-
ских актов, уходящая на существование и в смысле
тренинга свещ. Однако, хотя эта вещь и не совсем
на, но она не очевидна, совершается в нашем созна-
нии, так что оно создается только результатом
этой вещи, а не сознанием, как она происходит.
"Из того, что одна вещь находится в сознании, следовательно
разно только в том, что в том же
механизме души, как в темной подвешенной матери-
е, непрерывно совершается работа, которая
становится расхождением для вещей созна-
тельных психических актов."

Автор старается различить все сознательные психические акты
на такие моменты, и тем доказать, что действие и действие психи-
ческие акты совершаются в душе безразлично. При этом главный
вопрос заключается в том, как происходит в той же душе, где мы
берем свое начало, и как там же реализуется ее на тысячи вещей, из
которых они состоят; как от процесса сознания в той же душе
процессам, котор. в той же душе происходит с сознанием души?"

Главным пособием к решению этих вопросов служит автору
не наблюдение, а эксперимент, как и вообще в науках естественных,
и при этом эксперимент, соединенный с изобретением и соверше-
нием из результатов в том же. — В том же поле, как степень
обрабатывать психологию в смысле естественной науки, почти
все начало ее основывается на экспериментальном изломе
вещей. Многие из этих изобретений уже довольно давней,
но ими занимались не психологи, а физики, химики, физиологи,
и даже исторические вещи свои изобретения, и потому много
дальше. Многие в новейшее время, из которых часть психоло-
гии отделилась от физиологии, и тем историческое основание для изобретений
психологии. Жизнь. — Хотя автор и воспроизводит эти изобретения
дальше, но много совершено дальнейшее, особенно же при-
ложено к психологии. Тут не только возможности производить
эксперименты, тем же образом уже употребил в том же историческом,
статистическом и вообще в каждом роде изобретения.

Во первомъ таинъ авторъ изложилъ теорію безсознательныхъ психическихъ процессовъ, а во второмъ попытъ на этой теоріи основать свои изслѣдованія о чувствованіяхъ, желаніяхъ и дѣяніяхъ.

Въ своей теоріи безсознательныхъ психическихъ процессовъ принялъ авторъ принципъ естественнаго окруженія и воспріятія. Онъ старался доказать, что въ чувствованіяхъ и желаніяхъ являющіяся въ сознаніи еще какъ результаты предметно-предметной безсознательной психической дѣятельности, и что въ этихъ результатахъ издается еще и другое такое, что можно указать на процессъ иль возникновенія. Отсюда онъ вывелъ заключеніе, что эти процессы совершаются въ безсознательной сферѣ души. Этотъ то процессъ старался онъ воспроизвести на основаніи законовъ безсознательной психической дѣятельности его предметно-предметной изслѣдованія. Наконецъ, онъ старался показать, что воспроизведенный иль безсознательной процессъ совпадаетъ съ тѣмъ его результатомъ, который являющійся въ сознаніи. Такимъ образомъ онъ свѣдалъ безсознательные и сознательные процессы и изслѣдовательно представлялъ предметъ Психологіи, душу, какъ единое цѣлое, чѣмъ и доказалъ возможность и необходимость Психологіи, какъ науки.

Во всемъ сочиненіи онъ не раздѣляетъ психическія и физиологическія изслѣдованія; напротивъ, онъ всегда проводитъ связь одѣихъ и въ тѣхъ же случаяхъ и изслѣдовательно и о тѣхъ же предметныхъ иль результатовъ. Максъ принялъ онъ къ предположенію единства *Витис* психическаго и физическаго.

Впрочемъ, авторъ не считаетъ, что онъ первый предположилъ тѣхъ же существованія въ противоположность дуалистич. явленій, но онъ утверждаетъ, что до него это предположеніе отбавалось и на немъ не основанного гипотезы, и что въ его изслѣдованіяхъ въ первый разъ предстаетъ

необходимая основа доказательства, которое
 это предположение превращается в основанное
 на опыте начало. Конечно, эти доказательства
 они в полном представителе только в отно-
 шении к одному акту чувственного ощущения,
 так что тогда в области надобно эти пред-
 ставит к каким-нибудь гипотезам. В отно-
 шении чувственного восприятия они имеют так
 же представителе только, основанную на
 экспериментальной теории, но только некое
 широкое, физиологическое они вынуждены быть
 доверительными в отношении характера,
 доброты и надежности, и по ним же
 пробуют типичные гипотезам. Наконец,
 в области представлений, памяти, чувств
 они и они ощущены быть по той, что они огра-
 ничены только указанными на зависи-
 мость психических процессов от физиоло-
 гических отклонений, и доказательства
 мы, что тогда по крайней мере и то та-
 ким образом, которая противоречит
 его предположения. Давидовича и по
 мало одобрений всего позволено возрос
 автор ощущает преимущественно от по-
 суждений физиологических исследований.

3) Психологические Основы
ответственности.

Психологи считают началом в наблюдении над ду-
 шью человека.

Душой называется субъекция, как объективная
 предмет опыта.

Декарт сказал: «я мыслю, следовательно я
 существую». Но если субъекция и бытие и неразрешимы,
 то из этого не следует, что человек всегда
 субъекция, а следует только, что субъекция и
 время всегда идут для нас неразрывно, и что
 они являются субъекцией бытия. Поэтому
 естественная мера времени — это субъекция,
 именно самая быстрая субъекция, которая все время
 не имеет извечную продолжительность
 во времени. Из этого следует, что как ни

сть устройства органов внешнего чувства; оную же вообще есть заключение, какъ первый психический актъ, которому предшествуютъ акты физические

Физикаки одни изъ ощущений почитъ быть анализированной не иначе, какъ психологически, а другие - не иначе, какъ физиологически, а между тѣмъ въ общій результатъ того и другого анализа одинъ и тотъ же. Это происходитъ отъ того, что сдѣлано въ анализѣ не сущъ различнае пути изъ сродованія, а представляются собою одинъ и тотъ же путь; но только пройденной въ противоположныхъ каналохъ. Изъ этого следуетъ, что есть противоположности между физиологическимъ и психическимъ процессамъ, въ насъ совершающимся, а не въ принятии узнанія на этой дуалистической идее, бытія и сущности, сродки и латки, изъ сродованія физиологического и психического, разлитыя въ сущности а только въ формѣ.

Во ощущеніи заключаются тотъ психический актъ, изъ котораго возникаетъ вся психическая жизнь; но не въ ощущеніи только состоитъ она, какъ утверждаютъ материалисты.

Ближайшія сродства ощущений суть рефлексы, а рефлексы находятъ въ непосредственной связи воспріянія внешнего впечатлѣнія, какъ соединенія сущности ощущеній въ одно цѣлое.

Воспріятія внешнего впечатлѣнія восходятъ къ представлению предметовъ, которыхъ сущъ уже въ полномъ сознательномъ психическомъ актѣ, и потому идутъ параллельно въ сознательномъ, какъ сдѣланнымъ самосознаніемъ. Такое сознание не есть то, что обыкновенно, въ общирномъ смысле, называется сознательнымъ, т.е. знаніе явленія что оно есть и какъ оно есть; но такое сознание принимается въ психическомъ, научномъ смысле, какъ познаніе причины, а сродованіемъ возникновенія явленія. Познаніе въ полномъ смысле называется иначе разубѣжденіемъ, пониманіемъ сущъ, а результатъ его - въ субъективномъ смысле - понятіемъ, а въ объективномъ - закономъ явленія. Понатіе образуется въ такой постепенности: 1) об-

определяют сущности действительности.

Чувствования ведут к пониманию, предметности
и делу, а потому и в силу расематри-
вать прецедент расематрирования. Сущности.

У чувствования возникает из безознательна
по процессу заимствования. В этом смысле можно
сказать, что в чувствованиях заимствуется
интеллектуальное знание. Даже самая неглубокая
анализ способ превратит их в понятие
только до определенной степени. Посредством
чувствования субъект никогда не способен познать
истину, хотя чувствованиями подготовляются
и ведут к этому познанию. Превращение
их в понятие совершается постепенно, и их
можно между чувствованиями можно разделить
на три степени: 1) чувствования, 2) чувствования,
3) чувствования, 4) чувствования, 5) чувствования,
и интеллектуальное, и 6) чувствования, 7) чувствования,
и интеллектуальное.

Из них чувствования интеллектуальные, интеллектуальные
и интеллектуальные называются как
состояние души. Оно основывается на
интеллектуальном знании, так что уже на-
учка, и много степеней интеллектуальных,
возводит их до понятия, когда субъект
возвращается к действительности чувствованиями.
Впрочем, и между этими чувствованиями
еще постепенно в отношении способ-
ности их превратиться в понятие; и все
способно к этому чувствованиям интеллектуальных,
интеллектуальных, и интеллектуальных. Но и
за всеми этими чувствованиями не все способно
превратиться в понятие, а всегда удерживаются
некоторые до некоторой степени, которые
обязательно означают субъективную-безконечность
идеи, но идеи прекрасного, благого и истинного
и суть чувствования.

Показать вообще, посредством какого процесса
совершается превращение идей в понятие, это
по философии, а показать в частности превра-
щение той или другой идеи в сознательную
идею, это дело специального научения.

Сущностное понятие энергии идеальности и понятия
 сути состоит в том, что понятие всегда идеальности
 есть, разложено на определенное число твердо
 определенных признаков, между тем как в
 идею, которую она имеет и старается разграничить ее,
 всегда останется верно такое, что не идеальности
 быть определено. Но это понятие между идеями
 и понятиями и показывается, как разграни-
 чение и в идеальности, не постоянно.

Окончив обзорные понятия и выяснив основы
 нравственности, перейдем к рассмотрению
 самой нравственности.

1. Нравственность.

Мы все не сознаем, как возникают в душе
 нравственные чувствования или идеи, как при-
 думать человеку к тому, чтобы принять нрав-
 ственные законы за норму своей деятельности,
 отсюда происходят все нравственные законы.

Мы находим в нас самих сознаний того, что
 все результаты процесса психического возник-
 нения нравственных чувствований или идей
 Задача науки и состоит в том, чтобы пере-
 вести в сознание, превратить в понятия нрав-
 ственные законы, которые мы находим в себе
 в форме нравственных идей.

Для решения этой задачи, обратимся пре-
 жде всего к фактам индивидуального со-
 знания посредством эмпирического и на-
 блюденного над группами людей, как ин-
 дивидуальными.

а) Факты индивидуального сознания.

Посредством наблюдений над индивидуальными
 мы все не можем заметить связи нрав-
 ственных чувствований в познавательных
 процессах, а только устанавливаем не раз-
 рывную связь нравственных чувствований
 в бытия своего лица, берущего
 свое начало из этих чувствований.

Но мы все не имеем никакой абсолю-
 тной нравственной сущности деятельности

Духовное единство по себе есть просто фактом; нрав-
 ственность же его безнравственно и условившаяся
 для истребления ищущих, зависит отъ характера
 его личности. Кантъ, а за нимъ и Крафтъ, сэр. Шле-
 гель и Бенкеръ, признаютъ потому за истинно нрав-
 ственности или безнравственности Духовнаго
 нравственное существование, совѣсть, душевное
 нравственное измерение, въ которое въ впа-
 дается нравственное категорическое велѣние
 практическаго ума, нравственный законъ,
 такъ что такъ нравственное существование
 и проч. вовсе не зависитъ отъ фактъ; признаютъ
 это существование за непосредственно и ничего
 элементна нашего духа, за врожденный элементъ.
 Вакъ нравственный законъ, что доказываетъ
 его существованіе (Allgemein-gültigkeit).
 Этими Кантъ, съ одной стороны, устранилъ вся-
 кій вопросъ о происхожденіи нравственнаго сущ-
 ствования или закона, а съ другой - ввелъ во
 всю внутренняго духа человека неразрѣшим-
 ное раздвоеніе и даже неконечную борьбу
 между двумя познающими или теорети-
 ческими, и дѣятельными или практическими.
 Напротивъ онѣмъ свидѣтельствуетъ, что
 нравственное душевное состояніе человека
 и его познание находится между собою въ са-
 мой тѣсной связи.

Безъ сомнѣнія, нравственно Братъ за истинно
 нравственности человека не одно какое ли-
 бо его дѣланіе, но все его душевное нравствен-
 ное измереніе, его совѣсть; но этии ни-
 сколько не рѣшается вопросъ: врожденна ли
 совѣсть человеку или она развивается?
 Если бы мы увидѣли утверждать, что нравствен-
 ность потеряется изъ нравственнаго закона,
 научнаго патріарха и знаменитѣйшихъ
 соціалистовъ, или совѣсти, и будучи потому назъ-
 вать нравственными вѣтъ, что согласно съ дѣлать
 законныи, то бы владѣли въ *circulus in demon-*
strando, въ безконечный кругъ, ничего не об-
 ясняющій.

Изъ того, какіи элементна въ насъ судаетъ
 тивности сознани нравственное существованіе

как уже готовый результат бесоснащенного про-
цесса, неужд непосредственно понятие того, как
это существование во нас возникает; напро-
тив, для этого необходимо исследовать, как
приводит оно объективно.

Из того, что нравственное существование не ве-
гда одинаково у всех людей, несправедливо выво-
дять заключение, будто бы не на эмпирической
почве ничего такого, что имеет объективное
значение, а что будто единственное истинно для
праведниковых существ людей, - это субъективное
нравственное существование. Не вторично и да-
же не первично введение, будто нравственность имеет
быть определена только пространственно, а не ма-
териально, так во всяком случае имеет место,
по которой бы судить о нравственности
или беснравственности действий, но эта область
различно определяется, что нравственно, а что
беснравственно, так что содержание ее, а следовательно
и содержание нравственности понятие,
неопределяемо.

Но неужд отрицать существования такой по-
нятия, которое содержание не вполне определено,
ибо иная часть остается по сути своей не-
ясной. Нередко понятие развивается постепенно,
все больше и больше приближаясь к совершенству.
Хотя нравственные понятия и нравственные
существования, из которых эти понятия разви-
ваются и из них вытекают с течением времени,
однако же то, что люди принимают во разны-
ные времена за истинно нравственные де-
яния, не до того различно, тогда неужд само
отнести их к одной из ступеней разви-
тия нравственности.

Впрочем, если бы даже и не удалось обнаружить
внешние на содержание нравственных существ
существований, то уже из их формы можно
вывести обратное заключение о процессе их обра-
зования. Как добро, так и зло, по их содержанию,
первоначально существуют во нас во форме
идей, как результаты нашего инстинктив-
ного безоснащенного знания; так же на-
уча, истинно и лжива, представляет нравствен-
ная идея во нравственные понятия, являя

возникнет чувство уварения; когда же намъ караетъ, то эта чувствительность не существуетъ, а проявляется въ насъ только въ минуты презрѣнія. Но и друге чувства питаеиъ и въ насъ и въ себя, и къ другимъ идеемъ вообще къ миру; что же касается до мира вещей, то это относительна къ нему чувствительность безразлична въ нравственномъ смысле. Когда же для осужденія того, замечаетъ ли грѣхъ наше увареніе или презрѣніе, видимъ себя изъ нашей собственной совѣсти; для наказанія же сужденія о поступкахъ другихъ людей, себя переносятъ въ ихъ совѣсть.

Но совѣсть есть не сила, но временная порога; напротивъ, она и существуетъ и живетъ постоянно, похолодевая и греясь. Въ карее такъ же добродѣтели или провиненія совѣсти совершается нечувствительная деятельность, именно замятеніе, которое предугадываетъ сужденіе о томъ, вотъ каковы ли наши поступки по ступкамъ изъ добродѣтели и душевнаго настроенія или нѣтъ, и соотноситъ ихъ ли намъ и наше душевное настроеніе нравственной идее нашей или чужой, или вообще нравственной карее, или же нѣтъ.

Изъ этого следуетъ, что душевное настроеніе можетъ быть и нравственно, и безнравственно; что оно отъ насъ зависитъ; что она и когда и бываетъ абсолютно-положительна, а напротивъ безприманно колеблется. Воля можетъ остановить это колебаніе, потому что на то время, пока предостерегается ея и не случится. Только тогда душевное настроеніе наше можетъ получить для совѣсти определенность, твердость, живость, когда оно и существуетъ въ дѣяніи. Совѣсть удовлетворяется только тогда, когда воля даетъ возможность доброты душевному настроенію одержать надъ собою побѣду. А когда же воля только тогда уваженіе или презрѣніе къ себѣ и къ другимъ и судитъ колеблется, когда душевное настроеніе обнаруживается въ дѣяніи.

Но именно тотъ грѣхъ, что увареніе и презрѣніе сматываютъ и колеблется, грѣхъ этотъ вообще

возможности существования того и другого, ибо если
 утверждается кем-либо поистине, что предполагала
 лишь возможность такого действия, которое,
 напротив, реализуется неизбежно, и наоборот
 утверждение и предзнание сущности вещи именно потому,
 что добро и зло, как руководящие правила цело-
 сточной деятельности, предполагаются следст-
 вующим образом, и следовательно основава-
 ные на ее совершенном достоянии или не-
 достоянии.

Единственный акт совести, как нравственной
 сущности, есть законченное выведение, или деду-
 ктивное, при котором мы принимаем во
 отношении себя суррогат абсолютное, а во
 отношении других — относительное; во по сущ-
 ности находится во связи нравственное выведе-
 ние и нравственная действительность.

Но всякое выведение, дедукция, предполагает, как
 ему предшествующее, наведение, индукцию. Выве-
 дение определяет нравственность только ко груп-
 пированно, наведение определяет ее материально,
 т. е. отбрасывает на сторону все лишнее содер-
 жание нравственности, нравственных идей?

Чтобы напасть на самую суть идей, ни само-
 наведение, ни наведение и индукция не мо-
 гут, как и индукция, не достаточно, ибо
 эти наведения открывают только нрав-
 ственную идею, мерцание в нашей душе,
 сигналы, как и в том случае, как и нашу
 совесть, как и наше душевное настроение, а
 известно, что каждому из нас передается как
 родовое содержание, достояние, множество уже
 готовых нравственных идей; при этом ин-
 дуктивное нравственное содержание чело-
 века содержится в себе только идя, а не в матери-
 алы, а не в материю всего развития нравственности,
 а не всю нравственность.

История сущности ничего во свете не объяснила
 во отношении нравственных идей, кроме того,
 что объяснило нахождение сущ. Как только кри-
 тика практическая ушла, как по суровой
 результату, до которого вошла натура, пред-
 ставила нравственную идею быть всякой

связи с познавательными процессами, и как гото-
 вый продукт, материальный процесс, в своем
 сознании, в своей совести. Вообще, мы знаем те-
 ми, которые держались данные доверия границ,
 принимали относительно тот или другой
 элемент процесса развития нравственных идей
 за принцип нравственности, а мы знаем
 теми, которые исходили из определенной
 спекулятивной точки зрения, поставившей в
 отношении односторонности какой-либо со-
 став нравственной действительности за прини-
 мать этикетные явления. У нас и другие не
 произвольно превращали в сознательную
 рефлексию безсознательный процесс нравствен-
 ных идей, или удовлетворялись просто резуль-
 татом этого процесса, как материальное
 явление сознания, в нашей совести границ,
 не представляя никакого действительного
 У нас, в сущности индивидуального созна-
 ния, как результата и внешнего наблюдений,
 и спекулятивного суждения, оказались не
 достигающими, чтобы показать процесс разви-
 тия и развитие нравственных идей.

Но это не значит, как объективное наблюдение
 и спекулятивное суждение, там еще
 не менее всего средства для решения этого во-
 проса. Наблюдение представляло нам только
 объективное индивидуальное знание, а суждение
 приключало к тому или к другому резуль-
 тату такого наблюдения; следовательно и
 наблюдение и суждение ограничили необ-
 ходимое индивидуальное сознание. Но инди-
 видуальное сознание не может быть ограничено
 в себе всего процесса нравственности. Но сово-
 купность индивидуальных, но этикетных явлений
 писем и народов, на сознание или нрав-
 ственных идей мы должны рассмотреть
 некоем образом изложение, чтобы попо-
 выдать, неодолимая и так или иначе
 возникновения и развитие нравственных идей.

В) Факты этикетной жизни народов.

Важнейшие нравственные идеи у народов
 сформированы не как взаимные или эти

какой эмиссии, а этикальная жизнь зарождается
 вместе с зарождением рода человеческого. Но воз-
 ник к этому вопросу не возможно. В таком же
 вопросе несовпадает жизнь так называ-
 емых первобытных, природный, всемогущий
 культ народов, потому что и эти народы
 имеют уже некоторое развитие, однако же
 культ много больше не остается, как культ
 в эти в народы.

Давно известно, по возможности, к первым су-
 ществующим этикальной эмиссии у них,
 а следовательно и вообще в человечестве,
 есть обратный путь: очевидно исто-
 рический и естественный - исторический или ге-
 нетический. Поэтому предположить более
 вторичный результат, и потому его следо-
 вать употребить, как главный, а первый упо-
 тредить только как вспомогательный способ.
 Но так как все изобретения так называемые
 первобытные писания имеют некоторое
 развитие, то среди них можно отметить
 и в которых ступень развития этикальной
 эмиссии.

Этикальная жизнь отражается в правах или эти-
 ческой области, правам же возникающим из
 этикальных идей, а потому можно взять пра-
 ва за основу этикальных идей и этикальной жи-
 зни. Права образуют объективную норму
 для объективности членов ветвь естественной об-
 щественной совокупности, видной нормой содер-
 жатых всегда вся совокупность правствен-
 ных идей общества. Эта норма есть объек-
 тивная правдивость, внутренний дух ин-
 дивидуальной правдивый закон, независимый от
 индивидуальной воли, в отличие от субъек-
 тивной правдивости, внутреннего нрав-
 ственного закона. Поэтому правдивая
 норма, объективная правдивость, внутрен-
 ний правдивый закон всегда объективно
 сел в правах, как объективно-всеприем-
 ного общества, обязательного для всех
 его членов правдивого величия, и следо-
 вательно можно считать права ввиду их из-

правовое. Но так как право расширяется во
различных своих сферах, и в различные вре-
мена вообще изменяются, то и сфера права и право
становится идею, и правозащитные законы, и право-
стительность.

Но смотря на эту же изменчивость, всякий
народ в всякое время чувствует, что его пра-
во и идея и что самая правозащитность, и по-
тому считают свои права правами добры-
ми, добрыми, справедливыми, сокровищем, добычей
тогда, пока они созидают и развивают го-
сударство, и охраняют и все же и охраняют
правотворного принципа. — В начале
право ищут в себе доброй волею, кака-
я в вообще всей деятельности, заботясь во
всем поощрительное законодательство. Но
право в течение все права и обязанности
внутри племени общества. В начале у права
право воздвигаются на элемент, кото-
рый созидают и развивают условия для
того, чтобы общество своего продолжать
свое существование, и принимают форму
поощрительных законов, которые, воздвиг-
ают форму для права, попра-
вить теперь свирепый облик.

Наконец, законодательство вынуждает
уже в том предельно, в котором оно и в духе
общества только необходимость условие его са-
мосохранения, предостерегая впрочем и ввержен
по праву. Тогда то отбрасывают право-
стительность общественная и личная одна
от другой.

Первая и последняя ступень этого развития пра-
ва, по отношению к законодательству, пови-
димому одинаковы; но в первом мере и в
различии то, что на первой ступени право охраня-
ется грубо физическим силой, а на послед-
ней — уважением к праву сограждан в обществе.
Право, предостерегая всякому законодатель-
ству, ищут другой образ происхождения,
и в законе законодательство. Но и далее происхо-
дит из договора, а право отсюда не про-
исходит, хотя в нем и в его развитии и в

зародками эмбриона эмбриона в области и направлении, до-
 та и в одно направлении, именно индивидуальности
 характеров. Показание развития эмбриона эмбриона
 совершается по типу развития, в том смысле, что эмбрион
 и в себе, который зародком является марке
 утмак насавляется природный характеров.

Триумфально семейство и государство рбавая -
 ая правление задан одиетва, но семейство и
 государство суть естественная основа эмбриона эмбриона,
 правление порядка общества, так как в семье
 есть и государство индивидуальности эмбриона эмбриона, обо-
 ествения, от которых эмбриона присутствуют свои
 потребности и интересы, и индивидуальности
 для себя то ограничение, которое необходимо для то-
 го, чтобы характеру индивидуальности эмбриона предо-
 ставлена возможность осуществления своего
 естественного индивидуального развития.

Но в семье и в государстве существуют зарод-
 ки в естественного характера, в том смысле, что эмбрион
 и индивидуальности не достигают предела в совершен-
 ном обособлении. А потому история общества до
 сина начинается в естественных первоначальных, всеобщих, ко-
 нечно, несовершенных формах семейной и го-
 сударственной жизни. Что касается до семейства,
 то эмбрион рбавая в полном господстве,
 существует и в том смысле, так как естественный природ-
 ный естественный эмбрион семейства, или эмбрион. Се-
 мейство основывается на браке, существовании. Бра-
 чная: существование и брак в природ-
 ный естественный эмбрион.

Для правильного решения этого вопроса, остается
 обратиться к анализу в пролетарии существующих.
 Хотя брачная часть не имеет и существующих
 функций, существуют всеобщие; но тем не менее, которые
 стоят в основе брака в отношении естественного
 развития, существуют семейно, в браке, как в
 многократных, как в в социальном, в
 ма редко в политическом. Так как эмбрион
 суть наиболее развитые существующие, то в том смысле,
 что они всегда и в семейно, и в существующих
 обрывают брака; это тем не менее, в том смысле, что всегда
 давшие кривую развитие эмбриона приним-
 каеть к тем же условиям жизни, которые оно

чине во всеобщей степени; происходит естественное
 разделение общества на сословия или нации ка-
 отвы (древний Египет, древняя Индия и древняя Персия).
 Античный и классический государства, Греция и
 Рим, происходят из обобщения. Новое государ-
 ства, называемая автором Христианско-Герман-
 скими, идут по своей конечной цели самопо-
 шанию, представляя другие проверенные приен-
 ции, нежели восточных и классических госу-
 дарств.

Но первая ступень нравственной образован-
 ности, права и обязанности индивидуальности
 логически основываются на взаимности; принцип
 посылка может выразиться в выражении: "око за
 око, зуб за зуб". Даже посылка того, как об-
 щество может дать для себя прочного государ-
 ственного союза, этот принцип остается пре-
 обладающим даже в односторонних правах; но
 государство принимает у себя от каждой
 вида суда и расправы. Само по себе этот
 принцип негоден. Государство не только при-
 знает взаимные права и обязанности ин-
 видуальности, но и дает ему права и
 государства в отношении к индивидуальности и
 обязанности индивидуальности в отношении к
 нему, лишь и полагая начало повороту
 нравственных идей от индивидуальной
 к общественной нравственности. Вскоре возни-
 кают сознание, что исполнение обязанностей
 со стороны индивидуальности в отношении к инди-
 видуальности есть совершенно исполнение обязанностей
 со стороны индивидуальности в отношении к обществу,
 а потому должно быть ему независимо от взаим-
 ности. Как само по себе принцип нравствен-
 ности становится обращенное к индивидуальности
 право: "то должно быть только для государства!"
 (древняя Греция и древний Рим).

Христианская нравственность опять указывает на
 индивидуальности со стороны нравственности,
 но без всякой взаимности. Ее принцип: "По эту-
 ный в отношении к тебе, так, как ты
 желаешь, так и он поступай в отноше-
 нии к тебе." Государство не было предметом
 этой нравственности. Пошла с одной стороны, запад.

наз христианская церковь поставила себя выше во
 крепнейшее отношение к государству. Приниме-
 ши через это участие во управлении, она стара
 иась укрепить союз дворян и крестьян и создала
 государство дворянское в сословии. Тогда
 как это принцип первоначальной христиан-
 ской индивидуальной правдивости, она при-
 ситила к себе принцип активности государства.
 Индивидуальная правдивая свобода, порав-
 ненная между двумя государствами, влечет к зако-
 нности, была с обеих сторон обманчива.

Наконец, новая идея востановляется к пер-
 воначальной индивидуальной правдивости, но по сути ей всемо-
 рально. Оно признает, что, исполнение обяза-
 ностей индивидуала к индивиду не возмощно, а
 совершенного исполнения обязанностей индивиду
 до к обществу, к государству, но полного
 права не может быть индивиду, индивиду,
 а может быть только государству, а что
 полное право может быть только индивиду так-
 же в государстве, которое пожелает своею
 волею осуществление индивидуальной правды.

С другой стороны, христианство, безусловно воз-
 буждает к правдивости и законное исполнение обязан-
 ностей к обществу вообще, свобода же полагает
 обширнее отъезд отъ ограничений востан-
 новить и активнее государство. Для христиан во-
 стока единства? Это единство, равное, равен-
 ства, равносоставленность, и т. д.; для Грека и Римля-
 нина единства? Это социальное единство; для христи-
 анства единства? Это равенство. Как христиан-
 ство ведет к порядку квадратному союзу всех
 людей, как гражданство мира, к созданию
 союзов, основанных не на физическом, а на
 правдивой индивидуальности, на союзе велика-
 го мира всего человечества, на единстве человеческого
 освобождения правды равенства народов, но
 всеобщее и не только в пределах одного все-
 объёмно и вообще.

Что касается до происхождения и сущности госу-
 дарства, в особенности по отношению его к про-
 чим обществам, то по этому во-
 просу существуют два противоположные мнения.

Одни считают во государстве происхождение естественной необходимости; другие, напротив, — природу же людей, производившей и насущнейшее, и в этом смысле является руководящим добровольного договора.

Оба эти мнения одно сторонники и потому истинны. Государственный организм разбивается, с одной стороны вообще по естественной необходимости, и влечет к себе преимущественно струю адуктивных и созидательных; но в частности, это разбитие совершается не без влияния со стороны свободной воли и намерений людей. Государственный организм организует себя по силе того, как уже начинал в области исторической жизни, а она всегда продолжается в свободное и намеренное вмешательство перед оком людей безразличней процесс общественной разбития.

А потому нельзя утверждать, в смысле из Аристотеля, что во государстве существуют прежде индивидуальной, естественной жизни и даже отчасти прежде жизни аргумента адуктивных, абстрактных, декретных, естественных (вспомните безразличней государственной системы). Но с другой стороны, как показывает история образования народов, государственная организация устанавливается уже по силе того, как является волеизъявление и стремление к этому, в качестве законодателя и преобразователя того общественного бытия, который он составляет.

Этим во государстве естественно отменяется от природы, если предположить общественный союз, возникающий из естественной необходимости, и влечет к себе естественную необходимость государства. А потому государство не имеет ни предшествовать себе, ни последовать из себя. Оно есть только такое новое явление, как естественное во отношении к индивиду. Все общественные союзы, равно как и индивиду, являются естественного естественного по своим волеизъявлениям и стремлениям. Индивиды, естественные и государственные не суть конкурентные круги, в которых одна одна другая, но только по необходимости одна волеизъявление, что вольно круг по краям часть естественного круга. Но и государство не есть еще естественный круг: надо иметь

восстанавливается общечеловеческий союз, отразивший
 находящийся себя в выражении индивидуальности в со-
 юзе. Законная между семейством и государ-
 ством может быть еще обобщенное обобщенное
 союз, вся форма которого соединяется вечно-
 венно под общее понятие гражданского обще-
 ства.

Итак, нравственность проходит в своем само-
 стоятельном развитии через индивидуальность, как
 индивидуальность, частная нравственность, и
 через различные ступени обобщенности союзов,
 как обобщенная нравственность, именно:
 семейная, гражданская, государственная, мировая,
 народная и общечеловеческая, но так, что
 была обобщенность и эта форма развития ока-
 зывает влияние на бытие общественное, одна-
 коже влияя на состояние, насколько последний
 приводит в соответствие или в отно-
 шение с первым.

Итак основ нравственности, май-
 денца в философии народов?

Нельзя ли еще нравственность признавать объек-
 венно односторонней или только как индиви-
 дуальную (как у Канта), или только как
 общечеловеческую, или хотя и как ту, и как другую,
 но так же в односторонней или принципов или
 внутренних для нравственной культуры (как у
 Шопенгауэра/принципы сострадания).

Справедливость индивидуальная проявляющаяся не
 в личном поступке, да не в чужом ряде по-
 ступков, но во всей действительности, осуществляю-
 щей нравственное душевное построение, осно-
 вание этого, что широко может изучившись
 нравственным характером, правом человека,
 как качеством действовать по твердым нрав-
 ственным основным принципам или нор-
 мам истинно существующим из нравственных идей
 или внутренних нравственных законов.
 Все в нем может служить примером для образования
 для нравственной его культуры. Из этого видно
 уже, как трудна нравственная культура одно-
 го человека, или как почти невозможно дости-
 жение индивидуальной его нравственности.
 Поэтому трудна нравственная культура народа;

и обществу, и къ которой они сами или через при-
 сутствующих посредство своего времени свать управлен-
 ный царь. - Свободо, справедлив, идержаніе прав-
 ственныхъ задуиъ сибъ могутъ ввѣдѣть изъ тѣхъ же пра-
 ктотъ, посредствою которыхъ оны сформированы; но
 идеальная правдивенная изъ абстракціи оснана
 Боже или менше тѣмъ, что дона изъ нѣко-
 гда не достигаются въ дѣйствительности.

Въ отношеніи индивидуальности управленія
 царь, замѣчено исторіей и философіей на-
 родовъ, что неустрашимость, вѣрность и
 благодарность суть тѣ качества славянъ,
 которыхъ на ранне время вѣсѣвлялись, какъ
 добродѣтели. Увареніе души совѣстности
 вѣрности также помы въ самое нача-
 ло. Того же помы вѣсѣвлялись многи.
 Личности несутъ много изъ тѣхъ тѣхъ же
 дѣйствій къ индивиду; потому что славянъ
 помыраетъ знаменіе какъ единоразъ, замѣвая
 какъ армію и маршальскіе войска какъ кельтскіе.
 Одушевлено несутъ много и такія дѣла, кото-
 рыя несутъ къ правдивенному знаменію. Славянство
 сначала сѣтъ только природный союзъ, чужды вно-
 сившій наладу для сѣбя правдивенную основу.
 Фізію ступеней развитія должно пройти славян-
 ство, пока оно не начнетъ помыраетъ свое квал-
 ное правдивенное задуиъ эпохеніе славянскіе
 правдивенную развитія свать знаменіе. Государ-
 ство сѣтъ и природный, и свободный, созна-
 тельный союзъ. Какъ продуктъ сознания, госу-
 дарство тѣмъ прототипъ ступеней развитія,
 пока придетъ къ тѣмъ, тогда помыраетъ сво-
 имъ властью правдивеннымъ задуиъ. Въ
 отношеніи къ индивидуальности, своимъ знаменіемъ,
 предословеніе или возможно полной свободы во вѣдѣть,
 что сироты эпохеніе славянскіе или правдивенно-
 стью развитія, и устраниеніе вѣсѣвлялись прототипъ, какъ
 митоты или правдивенно развитія, а потому

обязанности человека и общества, развивающаяся и сущая того, чего не имеет человек по природе своей. Ибо в том, что он сам обязан достигнуть дружеских. Мало по малу возникает сознание, что знание, хотя бы оно совершилось только индивидуальным и только для индивидуума, никогда не остается ограниченным только для него и тем же индивидуальным; возникает сознание об обществе, как о целом, в котором человек тотчас связан между собой. Вспомните с тем же и самая правдивая мысль полагает волею общеприятельное: можно начинать создавать, что в какое-либо время, при помощи делового делового только индивидуума, необходимо охранители безразличия. Такие возмущения, правдивости обязанности к обществу, к ближнему и к самому себе, непосредственно из естественных понятий правдивого знания, но эти обязанности суть только необходимые и естественные части одной всеобщей правдивой обязанности, одного всеобщего правдивого закона.

Контрактная политическая процесс, развивающийся сознание, общества и индивидуума, и общества, что правдиво и что безразлично, первоначально и не имеет вид сознания; но не смотря на то, не имеет вид сознательности и отношения к действительности этого процесса. Этот процесс оказывается единственно в великом законе развития процесса, когда мы разлагаем его в помыслы его или продукты, т. е. различные фазы, в которых развивается процесс. Это великий индивидуум тогда только достигает раскрытия своего смысла, когда он посредством права и правдивости закона или манифестации на себя организующего его действительного права, короче - это то никак не может быть из ответа и не, как посредством закона или. Но что первая была задана из действительного процесса, то было подтверждение сознательности помысла или. Возникновение помысла дается, с своей стороны, имеет силу действительного процессу. Поэтому этот процесс является в виде и развития естественного помысла на различных ступенях развития индивидуума и общества. Поэтому великое

различные нравственные идеи, представляемое нами во
 самим одиным сердцем, покажется как в этом возво-
 снайственного процесса. Вносимые же в этот возво-
 ступлений процесс принимают в себя элемент
 из собственного понимания, обманывая или
 и приводят нравственные идеи ближе к себе.
 Великие древние, поставившие свой совершенный нрав-
 ственный закон, как в самый совершенный; но ве-
 ковые древние считают еще волею совершенного нрав-
 ственного закона, — и это обидание еще никогда
 не было обмануто.

6. Нравственный животный.

У животных нравственные побуждения вна-
 чало преследуют целью для семейной жизни и в
 так называемых популяциях животных.

Отношение между животными выстраивается при на-
 самом индивидуальном ступенях на жизнь: живот-
 ное знает и имеет себя по своему, но не
 считает себя индивидуом, а только род и вид. Не
 воле развиться ступеням знания и имеют себе вид
 вид, так что ступень развивается то, что ступень об-
 уществ, которые ведут в чужую сторону ступеней
 и популяционных ступеней.

Что касается до семейной жизни, в ступенях популяци-
 ового союза, то она становится правильнее только в
 высших классах животных, у птиц и млекопита-
 ющих. Божья часть ступеней животных
 в моногамии, смешанной-дигамии, а в немно-
 гих — в полиандрии. При моногамии сочувствие са-
 ма и самки продолжается до смерти. Матрих ветви-
 парит в полигамии по свободной индивидуаль-
 ной воле; самцы и самки разделяются
 трудом шерсть своего. — Общай жесть в насто-
 ящих, тенью в дражной союз вавсе не зави-
 сит от ступеней интеллектуального развития,
 а зависит из убеждений. Но свобода воле и
 индивидуальность ступеней только в воле развития в
 интеллектуально животный.

Особенно укрепляется дражной союз популяцией
 во взаимной помощи и заботе, а также не-
 ходитая часть заботлив. Но не из одних
 организмов человек воле и дражной союз, а

и вводя в единство и единство индивидуальности
про Французского Либера и его индивидуальность, то возни-
кает социальная структура в общественном смысле
этого слова.

Иногда структура является объектом изучения толь-
ко для свободы людей - для неграмотных, для гонимых,
или, наоборот, для неграмотного гонителя индивидуальности,
знающего себя и не допускающего никакого посто-
роннего. Иногда, с другой стороны, структура является объек-
том изучения на время или навсегда, но ино-
гда оно упрощает себя последние в одноименном смысле.
В то время как структура является структурой и за-
бывает тогда структуру индивидуальности распределе-
нием совершенства или структурной организации.
В то время как структура является структурой и за-
бывает тогда структуру индивидуальности и се-
мейной жизни. Но структура является структурой
представительности еще только такие случаи, которые
взаимоотносятся совершенно из условий структурной не-
адекватности; но есть и такие структуры, которые
устраивают такое, что не могут не признавать в
себе для реальности свободной.

Есть структура, возникающая в структуре отделе-
ния структуры индивидуальности от того общества, из-за
чего и есть, и при том так, что для населения, ко-
лонии которого в структуре индивидуальности
поиском, отсюда переходят себя к себе, которые
затем и из структуры, так что начинаются в за-
рождение развитие, структурная структура. Но первая
первая структура, из которой в структуре в структуре
никогда, происходит из структуры семейства, от
которого в структуре индивидуальности в структуре при-
роды, предположительно и в структуре структуры
структурности и структурности.

Наконец есть такие структуры, которые образуют
структуру в структуре, структурного типа и типа.
Вопрос о работе. Это и есть первая в структуре структура
структурности и структурности.

Вопрос, в отношении структуры структуры у
структурности, или структуры структуры в структуре, су-
ществует различие структуры: структура, про-
исходящая из структуры, в структуре структуры структуры
структурности, и структура, происходящая

также нравственным естеством (aīnos).

б.) Р. У. М. -

У римлян не признается индивидуальное независимое существование личности, но только как гражданский, как семья или семья, как личность свои собственные интересы и цели, подавно государственную, при этом общественную личность и индивидуальность. Квинтилиан того же признает гражданское право на *ius publicum* и *ius privatum*. Принцип римского права основан на двух равноправных принципах: равенства и общности. Отношения естественные между личностями дома и вне дома признаются *ius gentium* - право гражданских вещей, необходимых для индивидуальной свободы, при этом не было бы свободы личности в союзе, установление права свободы против граждан и сосуществование свободы государства, как единичного человека.

Различия между частным и общественным существованием личности подготовило римское различение права и правдивости или не в теории, то на практике. - В теоретическом, научном различении права и правдивости римляне не могли возвыситься потому, что теоретически, научный, философский взгляд не был еще свойствен. Римляне не прямо признавали к одной из греческих школ, или еще более прямо изразительных школ то, что не было связано с ними в римском духе практической жизни.

Поэтому метод державы даже самознанием изразительных философских учений. В его философской философии были три основные понятия: 1) о верховном блага (summum bonum); 2) о законе природы (lex naturae) и 3) об обязанности (officium).

Верховное благо полагал Цицерон в божестве, соответствующее природе. Показательное проведение его основного принципа посредством высшего составной части души, разумная, иррациональная, которая по своему естеству *"animi habitus, naturalis modo atque rationi consentaneus"*. Разум законна и есть в отношении: 1) к истине, 2) к общественному порядку, 3) к душевной независимости

стимулы, къ примиренности, честному (honestum).
Законы физики, или морали, котораго установленъ
гармония всего мирового пространства, иль законовъ при-
роды, естественный, верховный, всеобщий, всеуниверсальный
и всеобщесудный, или просто природа (lex naturalis, natu-
ralis, summa, coelestis, divina et humana, natura).

Объяснюсь возмущающъ изъ примирения закона приро-
ды къ разумной части души всеобщесудной. Показан-
ная воис напоминать такую обязанность и есть
добродетель. Состоитъ же именно сего подобно
разумна, законъ природы поставляетъ сего подобно
и подобно: 1) разумность (sapientia), 2) правосудие (justi-
tia), по правосудию и на на правду доброты и
сего и на основе къ сатисфакции и благо-
бытию (beneficentia), 3) великодушие
(magnanimitas) и 4) умеренность (moderatio).

Та обязанность, къ которой относится требование закона
природы, состоитъ изъ четырехъ сего подобно и
естественный порядок, есть обязанность права, или пра-
во (jus), а именно: 1) добродетель, 2) правосудие, 3) благо-
бытие и 4) великодушие. Она на-
зывается естественный законъ природы (lex naturalis). По-
тому законъ природы есть основание естест-
венного порядка, права. Благодаря сему есть право
есть правительственный порядокъ мира. Возникло
законъ природы и его всеобщий составитель сего
подобно. Деление же всеобщесудной природы, и сего
подобно впрочемъ всеобщесудно, но только взыс-
комъ, въ обязанности сего подобно, а потому требуется,
для своего раскрытия, усилить со стороны всеобщесуд-
ка. Правительственный законъ природы изъбрелъ
образомъ и сего подобно сего подобно и сего подобно
природы. Законъ образъ всеобщесудно, при которомъ всеобщесудно
сего подобно природный всеобщесудно и сего подобно
сего подобно природный, иль примиренный, сего подобно
сего подобно, во всеобщесудно сего подобно (honestum),
но только такъ обязанность впрочемъ всеобщесудно (offi-
cia recta seu perfecta), которой сего подобно и сего
подобно, впрочемъ и сего подобно погнущимъ
законъ природы; а притомъ обязанность сего подобно
сего подобно и сего подобно (officia
media). Всеобщесудно законъ природы со-
ставляетъ примиренный или сего подобно (honestas), во
отношении сего подобно сего подобно

отдельно сферу частной жизни от сферы общественной и государственной, не допускает никакого незаконного посягательства против первой и поэтому исполняет все законное требование по-судней. Сдерживание же правды в тесной связи с союзом в возмущении кардоту своего, дофи царя / *summi eique tribueret*).

Отсюда уже видно, что и цезарь далеко не поставил вопроса об отношении сферы права к правдивности.

У римские юристы не усматривают теории, научно права и правдивности. Трехкратная философия возмущения на иудейском царском вилание: Урагено по средству, расширив их кривозорь, прикрыв их к обличительности, а вилание ищущий, сиематическому сублименту, и изобретив их логическое суждение, и урагено непосредственно, что возмущение в то и, что они царям некажд, с одной стороны, сиематическую основу для сиематического возмущения, а с другой - толком оно рою в сиематическую для сиематического, раздольный и т. п. Но в сиематическом суждении это вилание было почти ничтожно, и состояло лишь в том, что они погнали сробави из греческого зрения о правде до ко некаждою отидущива сиематическую помяти, но и то без приведения их в связь с сиематическим римского права.

Согласно правдивности они одобренно ученым подъярб сиематического права от правдивности. Так, например, *Nabens* говорит: *"Sola cogitatio furci faciendi non facit furem"* или еще обывре *Sabinus*: *"Cogitationis poenam nemo patitur"* и т. п. Конечно, не иль а твердого присуждения для сиематического суждения между правосью и правдивностью, и они неправо сиематическая иль. Так, например *Sabinus* говорит, что *qui estis prorsus, bonos, non solum metapoc naturam, verum etiam preciorum quoque exhortatione, efficiere.* Так и у нас они как сиематическая *juris naturalis*, сиематическая

3. Выше. еше права.

Первое ступень развития права к самостоя-
тельности представляют Римские Юристы, от-
казавшие на практикѣ положительное право
отъ нравственности въ сферѣ частнаго права.

За второе ступень можно принять самое христі-
анство, признавшее индивидуальную свободу каждо-
го и его личности. Но эти начала не были еще проведе-
ны во всемъ правѣ впрочемъ средняго вѣкова. С другой
стороны, писатели средняго вѣкова-теологи и схола-
стики, симологаши касавшіеся юридическія понятий,
въ своихъ сочиненіяхъ считивали право самообразительнаго
христіанскаго моралиста, придерживаясь въ естественномъ
право-Аристотелии, а въ положительномъ-римскаго
юрисстовѣ, и выводили право, выходящее изъ мо-
рали, и выводили право, выходящее изъ мо-
рали и того же источника-Откровенія. Вопросы, что
считивали право еще не общественнымъ правомъ
вообще, а изъ личного моралиста, не общественнаго національ-
наго, а изъ обще-христіанскаго, и отделили право и мо-
раль отъ политики.

По Лактанцію (+4^{вѣк} // *Institutiones divinal*), естествен-
ное право возникаетъ изъ естественнаго божія, а по Аврели-
ану (+4^{вѣк} // *De officiis ministrorum*) - изъ нравств. Тимон-
ний Августинъ (+420) // *De civitate Dei*) отнимаетъ за-
конъ божій и законъ временной. Врочной законъ есть
самостоятельная или самостоятельная воля. Второе,
еще прежде, эти же свои самостоятельной законъ въ
Откровеніи, выходящее въ сферѣ христіанскаго такой за-
конъ: *Quod tibi non vis fieri, ne facias alteri*.

Петръ Ландсбургъ (+1164) утверждаетъ, что естественное
право есть право божеское, потому что самъ первоначаль-
но произошедъ отъ божія безприманчивъ.

Вилла Арванатекій (+1214) // *Summa theologice*) разли-
чаетъ законъ божій, естественной и христіанской. За-
конъ вообще есть *declaratio practicae rationi in principio*,
qui gubernat aliquid cum communitatem. Законъ божій
est *ratio gubernativa totius universi, in mente divina exis-*
tens. Законъ естественной есть *motus законъ по комо-
му, и аскетички поетупающа по природѣ, не шата*
Откровеннаго закона. Правда есть *общее и совершеннае*.
Правда *общее или законная опредривеніе iustum само*

ны правительности и на подвиги.

1. *Ноль протестантская: I, Ломберг / томиус и др. законскому Эррику Иоанну; / Смодер вен модер Соум итине христиане, то неволи Соу мучасе и нацерио Пназса, кораше, мекс и право; иво по чему все это случило? Праведный самс собою гнихетъ вѣ и герио Давиде мво, что предуетиа велии праведни. Но такъ какъ и прѣведные не поеступаютъ праваширо, то они мѣждѣются въ прѣвѣ, которое насъ гнимо-Соу, приуцѣдено и наштавено гниамъ вѣ, какъ сѣдѣемо?*

2. *Меланхтонъ / Ethicae doctrinae elementa et enanti- / o) отишаме прѣвобогниѣ ома прѣвѣвѣннѣи оуди- / соверѣи мѣмъ, что первое рѣшешу публице прѣсептѣ де- / редѣнда disciplina, рашуана подъ днмис actiones externae.*

3. *Бонифациусъ Мейереръ (+1626) / (De summo bono) / дра- / митъ прѣвѣвѣннѣи оудио ома на днмис, Рошуми- / ку и законшкы. Первая мѣрѣмъ вѣ вѣдѣ сѣрѣамъ и, / мѣловѣка bonus vir, втораѣ-bonus civis aut magistratus, / а мѣрѣмъ-bonus paterfamilias aut alius in familia con- / stitutus.... Lex habet vim non solum directivam, sed etiam / activam, scilicet in foro interno conscientiae et in foro ex- / terno poenae. Lex civilis est constitutio, legi naturali con- / veniens, et habens utilitatem publicam, praescribens ali- / quid, quod sit a subditis necessario observandum, in salu- / tem et commodum communitatis.*

4. *Гасковичиу еуменѣамѣу емеѣвѣннѣио прѣвѣ: / Олодедорнъ (+1561) / (paedagogia iuris naturalis gentium et civi- / tis), Темминъ (+1600) / (De lege naturali methodus apodictica) / и прѣвѣвѣннѣио Вунксеръ (+1648) / (Principiorum / iuris libri V). Вунксеръ рѣшешу, что иус натуралѣ прѣвѣ / дашамо рѣшешу публице вен гѣдрѣгнѣмѣ, и что поѣрѣ- / емѣмъ омао прѣвѣ, модѣгнѣмѣ емаѣсѣвѣе еѣсѣ- / мѣвѣннѣио макоу прѣвѣвѣннѣио Соумѣ, по мѣрѣи гнѣвѣе / Соу и мѣмѣмѣмъ jus naturale posterior, seu jus gentium, et / jus civile: Nos quoque vitam ita instituire oportet, ut juris / gentium et civilis impexio non sit opus: vivendum pacifice, / ne opus sit bello; suum cuique ultro tribuendum, ne praec- / toriis coactionum remediis indigeamus; fecte amur veri- / tatem; honeste et amice conversemur, ut nullis opus erit lit- / tibus. - У неѣо како оѣвѣвѣа маѣе, адѣо прѣвѣвѣннѣио бонѣвѣ: / Quid in doctrinae juris humani iureconsultus differat a the- / ologo? По неѣи, мѣвѣдѣу прѣвѣвѣннѣио рѣшешу ма: jus humanum / non tantum ad juris consultorum, sed etiam ad theologorum*

doctrinam pertinet. Cum vero non oportet scientias conjungere, videamus quid iurisconsultus in doctrina juris a theologo differat. Theologicae finis est salus aeterna, ideo omnia eo dirigit, ut illam commendat, et quomodo obtineri possit doceat. At juris consulti finis est seclus politica, ergo eam tantum legis particulam spectat, quae ad salutem politicam pertinet. Cum vero obtinuit aeternam et civilem iustitiam, finem suum assecutus est et in eo quiescit. Quiddam in cordis non scrutetur aut puniat, ratio duplex est: prima, quod humana vita virium non est de cogitationibus cordis iudicare; altera, quod cogitationes quantum sunt merae cogitationes, politicam disciplinam non offendunt et ad juris consulti finem non pertinent, cum eo fine non sit institutus magistratus, ut omnia hominum peccata arguat, puniat et genus humanum extirpet. Quam primum autem prava consilia in conatus erumpunt, vel alio modo gliscunt, ut ab homine probari possint, puniuntur in jure ob dolum, scandalum et damnum, quae omniae publicae privatoveque civium tranquillitati adversantur. Sic juris prudentia theologicae parum est. Salus populi suprema lex esto, dicebant romani legumlatores, quod et nobis erit observandum. At hoc fine et a mediis ejus non excludimus pietatem, quae extra deum nulla est salus; erit ergo verus finis noster, ut salutem populi temporalem cum deo et ratione obtineamus. Erant tamen, qui opinantur iurisconsulti, finem esse utilitibus forensibus quaestam facere, vel litibus tantum et privatis negotiis praesse. Multo nobilius obiectam habet iurisconsultus, nempe salutem totius reipublicae, ut tota civitas in publica tranquillitate bene gubernetur, virtutibus exornetur et theologo praeparetur... Omnes casus, in quibus coactione aliqua opus est contra invitum, pertinent vel ad jus gentium, vel ad civile (sive et jus naturale). Quod praeter jus naturale praeter introducta sunt jura, causa duplex est: inscitia et inopitiae, seu juris naturalis ignoratio, quod quisvis ex sua cupiditate plus aut minus in eo statuere vellet, et violatio, quod nemo sponte ab injuriis abstineret. Ideo ergo jus gentium conservamus, ideo leges civiles ferimus, ne jus naturale amittamus, nam hi sunt mures, quibus naturae jus cingimus... Docere enim esse veras acerbis, promulgare bonos: A violatio legum (sive) civilium laedit conscientiam, cum: an hominis conscientiam obligare possint? Ab omni umbrae omni ymbergumetio bonos curibus, cum homo capere est omni jureque cognatione. Hanc esse, cum veras acerbis:

An recte constituantur duplex ius (Sovieticae u renovatae) et forum, aliud soli (secundum iura), aliud soli (mediana)?
 Una omnino bonorum et malorum omniumque ymperque ubi-
 no u noemaducimus uti bōmaxae omniumque: Nec dubi-
 tatur posse aliquem eorum iudice humano in foro soli,
 propter externam disciplinam et defectum probationis
 evidentioris, vel etiam respectu eius finis, quo humana iudi-
 cia constituta sunt, iustum pronuntiari, qui tamen eorum
 deo in foro soli, propter internam legis inobedientiam et
 respectu eius finis, quem deus sibi propositum habet iustus
 non sit. Iure humano cogitationis poenam nemo patitur,
 et tamen pravae cogitationes nostra iure non pronuntiantur
 iuste. Alia enim est quaestio: an ius nostrum omnem occultam
 cordis malitiam punire possit vel debeat? quod negatur;
 alia: an eam injustam et iuri contrariam pronuntiet? quod
 affirmatur, quia ius noster jubet colere iustitiam.

Умберто империо наноимени обово Дувиу Тиро-
 проциу (+1845), призвавемусиу омисеи наука естемверна-
 ко права. Дува прмериа бонпора онрелва дайна и импер (de
 iure belli ac pacis), оар абреимеетнае ко омрипречеконуму иуа-
 дованнио прирвора реовнречеконой, сомаемо нидеимеиуеиу воз-
 спрмио на омисафвио, комограе Ругендофрехъ капреи не-
 ружема макс: Dabunt est homini ut varias res, quae
 in hoc universo occurrunt, possit cognoscere, eas inter se
 conferre et harum occasione novis sibi nationes formare.
 Мануодрамеиуеиуеиу назубаму нидеиу омрипречекон-
 омв гуа (ratio), и новнораму онеобфугимомум баде-
 гениа иуе офано гуа оуиескано понатива адофр. На офове
 омрипречеконуму нуну омриескхий прииципн предефв-
 амим иуе вовадр независимемо омв ваим прирвора
 виеиену, прииципано реовнречеконой прирвора. Советвенно
 Тиро-проциу нафадити, что реовнрае по прирвора ои-
 содеиу сознаваити одиция керива гуа еваей гуириемоности
 и гуириемоности на оиому неовануиу; маиетий ердуе
 о прииципн, или неприиципн, гуае аредуиал по-
 симеиуеиуеиу своуе пофунковъ и маиетий гуириемон-
 вант, оеовнривае на такоум реиуиному еубидеиу,
 на подваеиав на наемонимимеиу некуиетивамеиу, на етра-
 тамеиу. Это противоречит такому реиуиному еуб-
 идеиу, то противно преиву реовнречеконой прирвора, или
 естемверному праву коавимирному еубидеиу, т.е. сово-
 кунному венге оуиескнхъ аеконовъ. Въ предметахъ орой
 оуиескной обиаему Тиро-проциу нафадити во реовнречеконой

Они отрицают право от нравственности преимущественно потому полагая, что образовывая естественное право, мысли некоего действия ввиду действительного поощрения или наказания, стараются найти для него разграничивающую основу и искать его утверждения в законах. Но, рассуждая о нем, соударяются требования и мысли требования только соударяются в высших границах всего поощрительными законами; а подлинное соударение стоит в церкви, не признавая откровенности; и подобно неодолимо решительно кельежному грабительству и для обладания определением высшей грабительской для земного состояния, а подлинно отнесения в обязанности правотворения; и определение внутренней грабительской и социальной сферы для сферы жизни-внутренней для небесного властительства в нравственной теории.

Макс Штребендорф (+ 1894) *De jure naturae et gentium; et de officio hominis et civis* отличает форум гуманитарий и форум *divinum*, хотя и ставит в Историю вопрямления их сфера, а также отличает естественное право от нравственной философии по сути, а также и сущности, сфера же отличает по сути: право имеет и право земное состояние; а нравственность - и бесное властительство.

Понятие о право и также понятие означает и эту и сущность сути. Сутью же сути не есть отменительный признак права и нравственности. Поэтому законники в древности признают: юридические законы устанавливают совершенные обязанности; а нравственные - несовершенные.

Макс Штребендорф (+ 1894) *Fundamenta juris naturae et gentium* старается отличить *justum* от *honestum* и *decorum*, и полагает, что 1, право определяется кельежному высшему миру; а нравственность - внутреннему; 2, юридические обязанности означают быть ввиду закона основы, а нравственные - и нет; 3, юридические обязанности есть отрицательная (не быть другим) и относится к форум *exteriori*; 4, юридические законы могут и должны быть обусловлены высшим законом, а нравственные - и нет; и 5, Историю отличает на два отдельных качества: право и естественное право. Впрямую Штребендорф не вовсе отрицает право во нравственной сфере характера закона; что во юридические обязанности суть *verum esse* и нравственные; хотя и не наоборот.

Понимая Штребендорфа и Штребендорфа, удерживая все выше и выше отрицают право от нравственности. Число хотя естественное право вообще есть совокупность всех законов кельежной грабительской; но в особенной, отрицающей

субсидиумъ — тотъ совокупность такихъ превращенныхъ законовъ, позависимыхъ изъ разума, которые обязываютъ человека такъ, что если онъ не будетъ исполнять своей обязанности, то другою-то въ силу помощи установленна эта обязанность, сприведливо можетъ принудить его силою к исполнению обязанности. Они не только юридическія обязанности, но и самыя права и законы юридическія называемы совершенными. Изъ нихъ:

Буддильманъ (+1729) говоритъ уже прежде, что естественное право имется ввиду вышшняго совбразовенія дѣлій законодателя (legali:tas), не обращая вниманія на чувствованія и проч., въ которыхъ они совершаются; между тѣмъ какъ Этика смотритъ преимущественно на эти чувствованія, и что право человека есть свобода, данная ему закономъ, такъ что насъ можетъ принудить, се если другой помалаетъ ей препятствія.

Восворъ (+1754) различаетъ двоякаго рода обязанности; совершенныя и несовершенныя, смотря потому — могутъ ли обязанности быть приписаны къ насъ исполненію ея, или не могутъ, и, совбразно съ тѣмъ, дѣлать и права на совершенныя и не совершенныя. Но спрашивается: какія же имен-но права и обязанности совершенныя и какія несовершенныя? Отвѣтъ: совершенныя тѣ, которые установлены юридическими положительными законами, а не совершенныя — положительнаго христіанскаго религія.

Этихъ этирическихъ признаковъ не одобряли сѣбовалии. — Вспрашивали се только о томъ, какія суть совершенныя и не совершенныя права и обязанности въ политич. правѣ и политич. правстввенности, но какія должны быть тѣми или другими признаками въ политич. правѣ и правстввенности, и почему такими признаки.

Основавшая на здешнихъ принципахъ, утверждая, что все вышшня дѣлій двоякаго рода: одни изъ нихъ таковы, безъ которыхъ невозможно достигнуть общественной безопасности, а другія таковы, которые только спостъшествуютъ фактически этимъ дѣлій; первая неодо-димо должны быть исполнены такъ, что изъ исполненія волежно быть даже вырѣдимо общественной ея, а по-сѣднія не непременно въ такомъ вырѣдении.

Но этотъ признакъ — только количественный, здѣсь можно говорить только о большей или меньшей степени и мѣрѣ необходимости тѣхъ или другихъ дѣлій для достиженія указаннаго дѣлій, а не о различномъ характерѣ ихъ; количественное же опредѣленіе безъ качественнаго здѣсь представляется не твердымъ, шаткимъ.

Тогда обратимся к отысканию сущности принципа для права, поименовав различия относительно принципов, как принципа безотносительного, абсолютного, или и характеризуется шестая и последняя ступень развития права к самостоятельности. Эта последняя ступень называется собственно скалтан, но она была подготовлена уже прежде.

Взглянувши опять на положительное право изнутри или вовне, что оно очерчивается около найденно еще круга, который ограничивает его свободу. В пределах этого круга право не только предельно суждено, но и ограничено и суждено. Это и есть область права. Так. обр. оказалось, что право есть средство для ограничения свободы и в то же время и есть право есть свобода.

Для понимания такого противоречия в самом принципе права, применим же принцип права так как называемого неотчуждаемого свободы, к которому право должно стремиться, как к своей цели. Для этого необходимо ограничить абсолютную свободу найденно на столько, насколько это нужно для совершенного существования свободы прочих людей в обществе. В состав положительного права должно войти только то, что необходимо для того, чтобы свобода найденно еще была совершенна во свободе прочих людей; это и значит право в широком смысле; это и должно быть признано правом, юридическим правом и обязанностью. Определяя же принуждение, как силу, применим к тому, что сила есть воля; именно: эмпирическое содержание воли индивидуальное возводит силу в право.

Также Ж. Ж. Руссо (*De contract social*) утверждает, что люди, от природы абсолютной свободны и равны между собой, добровольно вступили в общество, подчинившись, посредством первоначального договора, воле всех (*la volonté de tous*) воле общины (*la volonté générale*). Временная воля общины воле и есть право.

Но воля большинства не есть воля общины. Каким образом она старается войти к истинной всеобщей воле. Для признания истинного права общину воле уже не реальную, а идеальную, как практический член. Право у него есть совокупность условий, при которых возможно совершенное существование свободного произвола каждого во свободе всех прочих на основании общего закона. Поэтому, если произволение свободного будет препятствием свободе на основании общего закона, то противопоставленное такому неправо-

импринцип позозовенно принудженіе социалитета со свободно
на основаниі общаго закона, и потому правоспрво. Сандов.
сопрредомъ соединена возможность принудитъ силою того,
кто нарушаетъ право, къ исполненію обязанности, соот-
вѣствующей праву. Но 1, свобода по Канту есть раз-
но прощивая; 2, право опредѣлено только формально, а
не материально, и 3, критерій права, принудженія, форм-
но отрицательный, а не положительный. Кантъ, впрочемъ,
признаетъ и другой критерій для права — отрицатель-
внутренняго побужденія при внешней дѣятельности, руко-
вождающей только внешней побужденіемъ, между-
тѣмъ какъ правый веленіе предположаетъ необходимо
внутренняго побужденія и дѣятельность ради самаго ис-
полненія обязанности. Оба эти признаки права заклю-
чаютъ въ себя уже начало совершеннаго разрыва между
правомъ и правотеленіемъ, провѣщеннаго Фирме (теоріи). —
Фирме, по своей сущности принципъ права волю
субъекта; — 1, наименѣе на то, что право не имѣетъ
никого общаго съпретвѣтвенія законодателя, и въ свое стараніе
применитъ — провѣститъ себя в такомъ же имѣемомъ при-
нудженіи въ области, которое дѣйствовало бы съ такою же
непреломленностью, какъ меритуръ вопреку, вовсе не при-
дается одоброй, не свѣдѣющей волю лишь въ обществѣ, и со-
крушая свободу волю, т.е. Эгоизмъ составляетъ субъективнаго
1, для того, чтобы юридическій порядокъ былъ вообще воз-
моженъ. Предметъ правотеленія, по Фирме, есть такой
образъ дѣятельности индивидууса, по которому она дѣйствуй-
етъ существенно на основаніи почтенія въ абсолютной
самостоятельности, свободы своей 1, и имѣетъ неогрѣды-
маго субъекта, но само въ опредѣленіи лишь самого себя, и по-
тому предпринимая вообще въ такія грани, которые
непрерывно привидѣетъ его 1, какъ поной самосто-
ятельности, свободы, и ея подвѣтвенно съправа дѣят-
венія этой абсолютной свободой. Напротивъ, предметъ
1, правотеленія есть отношеніе между людьми, какъ ко-
нечными и свободными существами, ограничивающими
свободу свою абсолютную свободу въ пользу свободы прочихъ
для того, чтобы возможна была свобода другихъ, подъ усло-
віемъ, что и прочие почтатъ предѣлы своей абсолют-
ной свободы. Если законъ юридическій дѣйствительно ис-
полняется свободными существами во взаимныхъ от-
ношеніяхъ, то это объясняетъ только то, что каждая
изъ нихъ постоянно дѣлаетъ этому законъ само

quia se via законная, или всякое юридическое отношение между людьми зависит от того, что они взаимно признают друг друга существами свободными. Напротив, закон нравственный требует, чтобы люди существовали в свободном образе и подвиге божие. Если бы общество находилось под властью закона нравственного закона, то возникновение свободы было бы вовсе невозможно, и следовательно, закон юридический вовсе не имел бы смысла.

Шеллинг утверждает, что как вся жизнь вообще, так и жизнь права в совершенности, не может быть выведена только из воли или чина субъекта, и имеет внешнюю, объективную форму; поэтому представляется собой живой, природный и духовный организм, в котором ищется, в approfondение его исторического развития, различие между правом и нравственностью, между естественным и положительным правом, между свободой и необходимостью. Так образ Шеллинг представляет собой переход к осуществлению права и нравственности. Но и вся реальная сущность организмов имеет свою свободу и ограниченность, возможность свободной деятельности вечно процессу. Деятельность не представляет собой, произвольную-необязательную принуждение, вытекающее из неадекватности объективной воли. Однако же это принуждение не может быть выражением непосредственно против свободы реального существа, которое может быть только побуждено само себя принуждать к чему-нибудь; а может быть направлено только против эгоистического стремления собственного индивидуума. Внутренний мир должен быть организован так, чтобы он представлял это стремление, как скоро оно переступит свои границы, действовать против самого себя, т.е. противоположительно этому стремлению нечто такое, чего свободное существо может хотеть только как существо разумное. Физический мир, всякая природа это не может, потому что она относится безразлично, во нравственном отношении, к деятельности свободных существ; а следовательно, должен быть устроена такой мир, такая природа самим разумным существом. Над первым природой форма быть устроена, создана вторая, высшая природа, в которой выдвигается бы закон природы, закон естественный, но чуждый от внешнего от закона естественного, властвующего во внешней природе ответственной, а именно: такой естественный закон, который существо бы ко выводу свободной

благотворности разумных существ. В то же время и непреодолимую необходимость, которая во внешней природе за природной силой имеет действительное или естественное, равномерно и равномерно, во сфере этой второй природы, же второстепенным разумного существа вообщи есть полной свободы, противоположное такое второстепенное, такому эгоистическому стремлению. Этого-то закона, второй природы и есть закон юридический, а вторая природа, в которой всафораспичает такой закон, есть юридический порядок, - первоначально. Отсюда следует, что юридический порядок не есть порядок нравственный, а порядок природный, на который свобода имеет такое слабое влияние, как и на порядок внешней природы, на юридический порядок главным образом как на машину, изготовленную на изобретение случая. Напротив превентивность есть чувствование безподобное, при котором человек не определяется ничем извне, возносится во область всеобщего, блаженства.

Ну Кант, ни Рихте / Схарий /, ни даже Шеллинг не изобрели всеобщего самонравия, законного закона в их понятии права: право всё таки является, ограничивающим, то, к чему обращается оно, как к своей цели, т.е. ограничивающей свободу, и само право как бы само себя ограничивает. С другой стороны, у всех их примерение является естественным признаком права, всеобщим или как примерение 1, например 2 и во сфере превентивной, даже во сфере безразличной эгоистичности; 2, не всегда вытиснено, 3, не всегда начекино и 4, может быть и наоборот для самой свободы. Вот почему современные мыслители перестали читать примерение за естественный признак права во всем от нравственности, хотя и не считали его совершенно, не ввели его на сферу средств для ограничения неестественной свободы, и противопоставили ей произвола и всеобщее. Там возросли право во такой почве, что оно, есть ^{не} ограничение, а во всем, осуществление свободы. Но там как и безразличность нравственности законодателя в то же время, то начали искать обозначения и ограничение свободы не посредством одного примерения, но и произвола и всеобщего, противопоставив свободу, а обратившись к доброй нравственной воле и к обществу, которая есть во всем и во всем правосудия, как существующее разумно свободное. Там перешли к соединению права и нравственности как разумной сферы бытия осуществления и естественной разумной свободой.

* Телль / J. B. Telles Grunden der Philosophie des Rechts, oder Naturrecht und Staatswissenschaft im Grundrisse herausgegeben von Dr. Eduard Geus. Berlin 1833.

Телль называет свое сочинение философию права по тому, что он имеет слово „право“ у него предмет в абстрактном смысле, различие между ним и право в том смысле, судья, индивидуальную мораль и общественную превращенность. Такая как и у предшествующих софистов духу в смысле древних, то это сочинение есть система духа в смысле вольного смысла. Система Телля есть система пантеистическая и деистическая по методу.

Телль переходит из абсолюта, из абсолютного существа, из бытия. Этого абсолюта постепенно развиваемая и существующая сама по себе с помощью отвлеченных атрибутов, которые Кант называет категориями. Духовный дух открывается в нас себя как природа, и наконец, прошедши чрез различные классы существ природы, возвышается в человек на ступень духа как самоосознающий себя. Но это самоосознание абсолюта совершается постепенно; окончательное же самоосознание является в философии, етд. философия есть самоосознание абсолютного духа. Телль развивает абсолюта как бытие, все в себе заключающее, от чего и философия его извлекается пантеистическою (свободной). Телль первой уничтожает различие между моралью и правом, он соединяет индивидуальную и общественную нравственность с правом в одно целое, удерживая однако из различия. Но в нас и в предметах его пантеистически-диалектический характер. Право, мораль и нравственность у него суть ступени объективирования абсолюта как духа. Абсолюта как духа становится свободным; бытие его свободы есть право в абстрактном смысле, и развивается в трех ступенях: вопрее в том смысле, смысле, во индивидуальной морали и во общественной нравственности. Если вопрее, в морали и нравственности объективирется абсолютный дух, то из этого следует, что перво право в абстрактном смысле есть перво духовная, а точка начала права есть воля, потакая воля, которая по существу своей свобода, так что свобода совершается с необходимостью определенности; без которой она (воля) не может быть волею. А потому право в абстрактном смысле есть перво общественная свобода, есть мир абсолютного духа. Вследствие чего Телль относит также и волю к праву в абстрактном смысле, потому что она совершает свободу абсолюта духа.

* Отсюда духа вопреевния изданию профессора на стр. 141, при Краусе.

Каждая ступень, говор. Телль, является правом в абсолютном значении, ибо каждая ступень есть бытие свободы; и потому подобно спорам о противоположности морали и превращенности по отношению к праву, то подобие превращенности отрицательное, и потому прибавляет их в столкновение между собой. Эти столкновения имеют то же значение, что право без морали и превращенности было бы не правом; мораль и превращенность без права не были бы ни моралью, ни превращенностью; следовательно они ограничивают взаимно себя. Более ограниченную сферу имеет то право, где осуществляется бытие свободы, где право означает бытие содержания; но бытие содержания, чье право, имеет мораль и превращенность, пот. что оно содержит всеобщее добро; следовательно при столкновении превращенности с правом и моралью, превращенность всегда подчиняется праву и моралью подчиняется праву.

О праве в ттвом смысле. На этой ступени свободы вы видите, что вы совершенно осуществляетесь, далее вы даете бытие волеиной природе. Первый материал, в котором осуществляется вы есть вещь. Эта первая форма ее осуществления называется осуществлением права, или правоспособности во всеобщем смысле. Но это право в ттвом смысле так же развивается по ступеням. Ступени его развития суть: совершенствование ттвского смысла, договора, и преступление с соответствующим наказанием. Совершенство есть то право, где человек властвует над собой вообще без всякого внешнего вмешательства; но того же можно достигнуть другим образом: через посредство воли других людей. Такое посредственное осуществление свободной воли вообще есть договор. Третья ступень есть преступление с соответствующим наказанием. Но преступление Телль рассматривает как нарушение осуществленного права вообще; от того преступления есть понятие, сводимое во себя оба предыдущих ступени, которые суть ее элементы. Преступление, как оно рассматривается в сфере права в ттвом смысле, есть отрицание права осуществленного; но кроме того преступление имеет еще значение отрицания права во всеобщем смысле. Действие такого двойного характера преступления его сводит к передаче от права в ттвом смысле к морали.

Телль принимает две значения преступлений: Фрейдера и Чоловица. Фрейд. есть нарушение осуществленного, а Чоловиц. есть отрицание индивидуальной свободы. Но Телль как преступление есть отрицание права, а право не может быть отрицанием, ибо отрицание права есть отрицание свободной воли, следовательно самое пре-

ступление фактно быть отрицаемо. Таков отрицание отрицания и есть наказание. Форма его есть форма силы, формы принудительного насилия; в оном смысле наказание составляет необходимое соответствие сопреступлению. Въ оном смысле принудение может быть названо характером физических признаков права, в том смысле смысле отпихивающего его от морали и праведности, а потому принудение есть признак отрицательной не существующей, а сущийшей - в сфере нарушения права. Въ этом нарушении с точки зрения не права, право отпихивает от морали. Мораль не может быть возмущаема, в морали не может быть принудения, потому что сущность морали состоит в том, что она есть воля добродетельная по совести, по сознанию, по памяти, а потому добродетельный закон не может стараться о том, чтобы распространить свои силы на фактуальное нарушение. Другой, особенно существующий, признак отпихивающей право от морали состоит в том, что в праве не различается между тем, что является, между тем, что в морали обращают внимание на объективность, которая отпихивает моральную фактуальность фактуальности сущности, не обращая на величину фактуальности. В моральной точке зрения не всё равно, как и физическое приращение что нибудь, - до права еще оно не касается, а потому, совершит деяние, всё, что относится до объективной - есть в праве нечто безразличное. Это дело происходит то, что индивидуаль, который держит не только права, но обращая внимание на мораль, обращает во внимание, которую можно назвать управлением. Так напр., кредитор может по праву требовать уплаты долга от такого фактуального, который чрез уплату может умереть естественной смертью. (Пример. см. см. Венецианский купец Шекспира).

Так. обр. совершит деяние, право, добродетельное крайности не право. Только естественная мораль настаивает на своем праве, а великодушный смотрит и на другую сторону кроме юридической; а потому хотя право (статутное, формальное) и дает право лицу, но не никак не отрицает возможности, чтобы лицо пренебрегло свои права, но оно имеет только возможность настаивать на своем праве, а возможность есть такая форма воли, которая может быть и не быть. Своб. право, как правоспособность не есть еще действительное право, не есть еще нечто отрицательное. Если право с точки зрения чисто юридической есть только возможность, то своб. оно есть возможность или исполнение, оно есть полностью все

на исполнение, а не есть необходимое, не является в обязанности исполнения; оттого могут быть только запрещение права, а не повеление. Иногда кажется, что будто юристический закон заключает в себя кроме запрещения и еще повеление. Это кажется оттого, что он выражается словами в отрицательной форме, так что всякому позволено делать то, что запрещено другому, превращаясь в утвердительную: «Вопосланный договор» это значит иное означать, как «не нарушай договор» «факт» и «юристическая ответственность» это значит: «не нарушай факт ответственности». В этом состоит, говор. Тегель, суть сербской отличительной признака права от морали.

О морали. В области морали воля сама по себе определяет что следует и признавать добрым по воле сознания, что называется совестью, так что совесть есть принцип морали. Но это добро не есть вообще добро, вообще добро есть и то, что выше духа совести; это требует закона превращенный общечеловеческий, но дух не признает. Если это так, то, с другой стороны добро морали есть частное и добром поднимается всеобщему, и это поднимается и добром выражается во факте вестий. Мораль имеет реальный характер по отношению к свободе, но имеет содержание предполагает существование понятия добра, а не есть пустая форма без содержания, подобно праву в материальном смысле. Мораль заключает в себе не только вестий, но и «милосердие». Если это выражается в отрицательной форме, то будет не «милосердие», то и тогда оно вестий будет иметь положительный смысл.

Наконец по отношению к развитию права во области субъективной общественная нравственность. Во этой нравственности идея добра вносит развитие и определенная твердость, которая была очевидна /объективной/ образом /объект нравственности/ так что человек знает, что он должен знать и не поддаться. Это и есть первый отличительный признак нравственности от морали. Превращенные законы не образуются одним только требованием, вестий, но они представляются осуществляемыми во восточном мире, а именно во общественной сфере, советами и нравственными предостережениями, с их идеями добра в качестве народного духа, являясь под видом общественной правды, реализованная в семействе, гражданском обществе и государстве. Тем более, как судья абсолютного духа, имеет живое сознание в нравственности во отношении, что восточная природа не является не только наглым никакой властью, что она является действительной и по своей природе страстной, на которую и поведением, но что она принадлежит во восточном духе, с ее всеобщим превращением в духовное, с ее сущностью

всестороннего духа. Во нравственности человек выдвигает, что вы
 должны думать как члены семьи, общества и госу-
 дарства, а не как человек — во всеобщей истории. Поэтому
 человек оценивается не во власти, а во обществ. нрав-
 ственности. Поэтому естественная власть человека не должна со-
 держать только во власти нравственности. Владелец,
 нравственность отличается от власти человека — то
 они предполагают человека доброго и субъективную власть.
 Во сфере нравственности человек выдвигает свои
 принципы. Это не есть чужие принципы. По-
 этому во власти нравственности человек устанавливает
 свои принципы. Во сфере нравственности — нравственность
 должна развиваться и отвлеченные принципы и субъективную власть,
 и во власти и то, и другие формы, содержат и власть
 развиваются. Естественная власть человека предполагает бы-
 тие власти, что есть идеальное, что есть то, что
 предполагает над всеми человеческими во власти, или
 во власти и то, что законы, которые провозглашают не закон,
 в смысле закона субъективной и во власти субъективной
 потому, что это есть субъективная (визуальная-субъективная).

Эта нравственность имеет три ступени: 1, семья; 2,
 общество и 3, государство.
 1, Во семье человек является нравственность как субъективная
 власть, природная, естественная и субъективная в себе. Любо-
 вь соединяет человека семьи в единую, природ-
 ную общественную связь. Но семья не есть нечто посто-
 янное, оно развивается вследствие отчуждения человека се-
 мейства; вследствие отчуждения человека семьи
 отчуждения как-бы отчуждения от семьи семьи,
 которое развивается во род, и наконец, мало по малу
 развивается чужий народ. Народ есть, как совокупность
 людей, является с различными потребностями, которые
 развиваются между индивидами. Такая является другая ступе-
 нь — гражданская общность, есть вот гражданская; есть охранения
 интересов во при помощи власти и власти. Индивиды не мо-
 гут сами предоставить своих чужих, поэтому они соеди-
 няются в ассоциацию, в организацию; политическую же ступе-
 нь представляет государство. Здесь общество является
 со своим национальным характером, со своим интереса-
 ми; и потому здесь нравственность является полной
 своей чужей. Это человек здесь предполагает агрономическую
 культуру, который на вопрос агрономический как есть воспит-
 тель своего общества? — отвечает так: „важнейшее дело,“

Во всяком механическом управлении соединяется извне и сверху, ~~тогда~~ и снизу, корнями внутри обязанности - в народном сознании, имеет место только случайный, временный центр и показывает весь своего несовершенство. Сидит вдруг наверху в вышних отношениях, и ни хвост и предвещает от народа сознание.

Будничие права и правительственные формы и проведено в России, но проведено спешно, а не реально (по форме); формально-чужды, а не генетически, а потому вообще однобокого. Но во время отношения великая земля в России в том, что она первый доказательство на человечестве общими принципами необходимости соединения права с правительственным, всеобщим, того, что она внутри себя связана, а не механически соединены ^{аб.} неразрывно.

Однобокого в России соединяет его признает государство в том, что соединяет, во всяком признавании его в России не истребляет, потому что соединяет в себе первоначальные принципы, и которые не имеют возмущения от гражданственности до человечности, которые не принадлежат и принадлежат другим знакам, и промис знаменити чужды государства. Государство у России имеет только знаменити и у человечества государстве в отношении к индивиду и семейству, к государству и гражданскому обществу. Государство имеет над всеми правами, потому что государство есть единственная форма. Оно имеет право регулировать все - и право и мораль и правительственность, искусство, религию и наконец науку. Индивиду, семейство, народ имеет право только через посредство государства, а не само, в отношении к себе они имеют только обязательности и никаких прав. Правительственность для индивидуальности возможна только тогда, когда она имеет единство и только в государстве, и только как часть государственности, потому что она имеет только единство в государстве. Однако же, с другой стороны, семья не возмущается до правительственности и потому всеобщей, человеческой, гуманистической, соединяющей всех людей в народ в человечество, - даже само государство не есть единственное. Все народы семейства, государственности, общности соединены в самостоятельную государственность, семья во своем правительственном, который не есть такая государственность, как у народа индивиду, как в семье, но в развитии самостоятельности и потому индивидуальности, и потому, потому, потому был единство только в развитии индивидуальности, как единство, разделение-свободного. Как индивидуальность стоит без права перед государством, так и государство не имеет права перед всеобщей человечностью. Вина только всеобщая форма, имеет права;

ибо в ней развивается абсолютный дух до полной, идеальной
 свободы. Самопретмение, самоогнание, составление по Канту
 и Фихте существа правейственности, чуждым Гегелю. Индивиду не имеет
 никаких прав, вся его обязанность состоит в подчинении правосаву за-
 конам государства. Но в существе, если внешняя форма индивидуальности, у
 иль некое понятие обязанности, то что всякая обязанность пред-
 полагает существование свободной воли, а у Гегеля вся действительность ин-
 дивиды отрицательна не свободной, а абсолютной душой. Индивиды суть
 только органы абсолютного духа, сами по себе вовсе не свободные существа.
 собственно обязанности не существует для индивиду. Поэтому воз-
 вращение автономически над законом, и предположение своего го-
 сударства со стороны индивиду есть равносильное правейственности,
 которая принимается Гегелем; другая правейственность же не существует.
 Но даже и этого, по Гегелю, нечего собственно называть законом, —
 это есть только не произвольное отношение индивиду, соот-
 ветствие в процессе всемирного духа. Это очевидно невозможно по
 Гегелю. Но самонадеянность, — как индивидуальность духа может
 возматать против всемирного? Конечно, — партия Гегеле-
 вой философии сосредоточивается у нас в духе в партия-
 ми политическими и всемирно историческими. Государство есть
 действительное абсолютное право над всеми и всеми обязанностями.
 Но государство имеет такое значение только
 по отношению к себе предельно всемирному духу. Но такое же
 отношение оно имеет к себе всемирно-историческому, а все
 прочие государства безразличны.

Не смотря на то, что Гегель считает в том, что он посто-
 янно противостоит Канту и Фихте, признавая объективную объектив-
 ность. Но он парализует и привел его к абсолютности объектив-
 ная принцип, но такой принцип гораздо обширнее чем принцип
 индивидуальности. Это есть всеобщее право, и индивиду
 не имеет самостоятельного произвола. Да то Гегель впадает
 в другую крайность через свой материализм. Вместо того, чтобы
 прибавить к субъективной правоте объективную объективную,
 он только соединит субъективную индивидуальную объективную
 правейственность с объективной субъективной, и задачу ста-
 новит в том, чтобы рассмотреть правейственность
 во всемирном ее развитии и ее субъективной, и ее аб-
 солютной точки зрения. Но такая задача невозможна.
 Со другой стороны он показывает, что право, как возмещение
 личной свободы человека не имеет, с парадоксальной точки
 зрения, быть истинно с морально безразличной иль само-
 оторченности.

Всем Гегелем явился при нас в виде вытеснения с точки зрения
 нами, но все же в нем во Фихте и у Гегеля философия Гегеля

при свидован Фелисити. Сговорили, что посидоварем Селемь реу-
 тичности на центр, правую и левую стороны. Предсказыва-
 емые центры являются Розенкропф, прагм. Кемпбереского Ушв,
 который стареемса развито философия Селемь сообразно отре-
 бованиям времени. Предсказываемые правой стороны являются
 Селемь и его единичными лицами стареемса абсо-
 лютное начало Селемь, выражаемое выражением абсолютное,
 представит в форме Демонстрации Высшество, и ттм
 теологизировать философия права. Наконец, по сидоварем
 этой стороны Селемь учений кемпбереского есавот. Между ни-
 ми, по самому свойству этой школы - анархии и безначалию,
 можно назвать только одну, совершенно безначальную школу
 Фелисити Розенкропфа. Посидоварем этой школы - школе
 Селемь, стареемса развито учение Селемь во всем мире ре-
 лигии и во всем мире науки, - философией. Каждый из от-
 носимых они противоположно к философии Селемь, но ка-
 до признать, что это все единичные, которые разви-
 ли философия Селемь, форма и форма Фелисити Розенкропфа
 философия, а потому и сами едн. Но смотря на
 свои недостатки они имеют достоинства и Селемь
 некоторым образом, а именно то, что у Селемь во Ф-
 логии в духе является признание абсолютное, что
 иди вих философия перед абсолютным, что является
 философией перед высшеством. Поэтому эти несообраз-
 ности Селемь философия, они имеют то, что в себе
 вих является начало к высшество, и ттм есавот,
 признание философией высшество, они на это
 абсолютное поправим индивиду и при этом есавот то,
 что признает Селемь высшество. Они есавот... :
 «Абсолютное есть Бог и во Ф-логии есавот есавот Кри-
 стианства, - поклонение Богу-абсолютному покаянием
 самому себе.» / и ттм на это Селемь имеет право
 индивиду и индивиду ^{полюс} полюс правым, это
 Фелисити Розенкропфа. Словом есавот, они признают
 то же начало, как и Селемь, но только есавот и
 кемпбереского, - вих абсолютное они поправим есавот. Это
 было есавот по сидоварем, но ттм развире Селемь
 есавот есавот вих индивиду есавот и она про-
 шла, как прочие и другие есавот. Но она является
 отлученной есавот, которые гораздо есавот, не есавот пре-
 сии и никогда не есавот, пока не есавот есавот.
 Поэтому есавот по сидоварем и ттм развире есавот
 есавот. Поэтому есавот Фелисити Розенкропфа.

Крайзе / К. Chr. Fr. Krause, Grundlage des Naturrechts, oder philosophische Grundriss des Ideals des Rechts, 1te Abtheilung, Wien, 1803. - System der Sitten lehre, 1er Band: Wissenschaftliche Begründung der Sitten lehre, Meiningen, 1810. - Abriss des Systems der Philosophie des Rechts, oder des Naturrechts, Temmunderb, 1828/.

Истинна Крайзе наименования. Абсолютно объективное и только в нрав и нравственности, но и в разум и разум. Относительное самостоятельное существо / das Wesen / есть не только абсолютное, но и конкретное самознание существо в мировом пространстве. „Мир-в-Госе и над-Госе / in unter Gott /, как под существование единичное и единичное, а также как Горе и над-Горе / ausser unter Gott /, как под существование безличное / das Urwesen /, как существо, такое и единичное / das Urwesen / есть существо 1) само себе противоположное / das Gegenwesen /, заключающее в себе нравственно-положительное между духом и природой, и 2) соединяющее в себе две противоположности / das Vereinwesen /.

В этом смысле Горе есть все или все-Горе / пантеистич., всеобщее /.

Но Горе, как существо безличное / das Urwesen / первоначальное / die Urentheit / есть существо разнородное от конкретного духа и мира / menschl., individualis /; от него Горе соединяется уже в единичное и в разнородное, именно в конкретное, соединяющее в себе дух и природу / das Vereinwesen /.

Наконец Горе есть единичное / die Zueinigkeit / единичного организма вместе конкретного существа и всех отношений между собой.

Так разнородная нравственность Горе: 1) как существо безличное, абсолютное / das Urwesen /; 2) как существо безличное / das Urwesen /, всеобщее и над-всеобщее; 3) как существо безличное / das Geistwesen / царство духа, нрав; 4) как существо конкретное / das Leibwesen /, природа и 5) как существо, соединяющее в себе дух и природу / das Vereinwesen /, конкретное.

„Поэтому основой Крайзе первоначально соединяется единичное в единичное конкретное, самознание, разнородное существо: 1) разум, или единичное конкретное самознание, разнородное существо в единичное / Sittlichkeit / 2) знание, 3) нравственность в себе единичное / das Gottgeföhle /, сознание / Gottähnlichkeit /, и 4) сознание в своей форме конкретное Горе, как единичное единичное / das Leibwesentliche /.

Поэтому высшая форма такого соединения, единичное конкретное самознание существо в единичное, есть разум; на нем основывается такое общественное единичное, который есть союз в Горе / der Gottvereinbund /, церковь.“

„Грехи этики есть конкретные конкретные и конкретная единичность, и нрав и содержание или Горе, как также единичное единичное / das Leibwesentliche / конкретного самознание существо, которое конкретное существо единичное и единично конкретное в единичное / darleben /, конкретно своей единичной единичности / die Eigenwesenheit /, как единичное

или существенное предназначение / die eigenwertliche Bestimmung / или
 или существенное его бытие / eigenleblich /. Таким как единое добро есть
 сущность бытия, благодаря этому состоит в том, чтобы на-
 учно определить, какая часть этого единого добра выпадает на
 долю человека, на предмет его в конкретности и определенности человека.

„Таким свое определение / eigentliche / добро реализуется в себя на-
 гдый человек и означает его. Оно есть его основное внутреннее бы-
 тие / der Grundtrieb /, а потому задано этому даме состоит в
 том, чтобы уяснить себе это основное веление в области конче-
 ного понятия и единства добра / der Urbegriff des einen Guten / и
 через то постигнуть конечное понятие о зле / der Injunkturbeg-
 riff / и образовать или идеальное ее / der Zweckbild / во отношении
 к человеку. Поэтому человекская воля должна со-
 обрабатываясь с ними, можно смотреть на них как на дозволение
 / das Sollen / обязанность. Безусловно обязывающее или веление / das
 Pflichtgebot /, можно назвать нравственным законом, обязанность
 или обязанность есть его и форма, и содержание, и формула для это-
 го веления такая: „знай сам ты добро, как зле“. В этом
 основном велении к такому безусловному, безусловному добру,
 разрываются все прочие, подлинная или, второстепенная влече-
 ния; а в безусловности этого веления заключается понятие об
 истинной нравственной свободе человека.“

„Такое безусловное веление безусловно-обязывающее людей к
 чисто-нравственной жизни относится не только к каждому
 человеку, как единичному конкретному, самосознательному существу,
 но и к обществу людей. Необходимо, чтобы и основная
 община / Grundgesellschaft / заключила между собой союз го-
 добности / der Tugendbund / для выполнения нравственного закона,
 для чисто-нравственной жизни. Внутреннее чувство ее благо-
 стивия / die Göttingkeit / и единения ее с нами общины / das
 Gottvereinleben / есть принцип нравственности, действующий
 через волю; а союз добродетели, единения людей / das
 Tugendvereinleben /, есть принцип нравственности, возвышаю-
 щий силу воли людей к внутреннему чувству или свободе-
 ствию / die Göttingkeit / так, что абсолютный закон нрав-
 ственности людей был выражена в такой формуле: „Сей-
 ся внутренне с Богом / Gottinnig / и подрадай Богу во
 жизни.“

„В состав этики входит и учение о праве, связанное с
 нравственностью, ибо и право, как и нравственность, требует,
 чтобы все конкретные разумные существа так определялись
 свободно и сознательно в своей конкретности и во своей ответственности,
 чтобы каждая из них своим проявит в жизни, суще-
 ствует то добро, которое очевидно для него существенно, и жить

достигнуть своего предначертания. И в области права это требование относится не только к единичному существу, но и к целому обществу этих существ, как к организму."

Во *Grundlage Naturrechts* Краузе определенно идею права так: право есть "органическая цельность волеи внешних условий соответной с разумом жизни или разумности." Но впоследствии он замечает односторонность этого определения, а потому он дополнил его объявив, что право есть одна из тех внутренних сущностей общества и волеи конечных разумных существ, во силу которой сущности волеи проявляются волеи внутренние, внешние и из тех же и других составленных условий, зависящих от свободы для соответной с разумом т.е. с разумностью жизни, волеи богородно содействующей обществу и все конечные разумные существа, с своей стороны, волеи конечной душевной области." Наконец, *Abriß des Systems der Philosophie des Rechts* есть попытка представить всеобщее развитие идеи права, то есть, органическая временная от свободы зависящая цельность единой жизни, на основании результатов, добытых путем аналитическим и синтетическим, или метафизическим, в форму как всеобщей философии права, так и подчинить ей философию права человека и человечества.

"Философия права, заключающая в себя и философию государства, есть познание права и государства как истинных объектов, как истинных феноменов, как истинной истины. Она есть часть философии вообще, которая есть органическая цельность систематического познания всего познаваемого, как истинной истины." А потому философия права принадлежит в основание, принадлежит в области философии."

"При аналитическом обосновании права, оно представляется нашему разуму: 1, как известное свойство или качество конечных существ разумных существ, проявляющееся волеи во взаимных отношениях между собой, и притом как свойство разумных существ, которые свободно направляют свое хотение к осуществлению своего разумного предначертания и 2, как свободное свойство или качество собственной духовной жизни каждого человека самого по себе, во силу которого человек является, как свободное самное существо / das Selbstwesen /, индивидуально-личное разумное существо, разумный индивиду, внутренне состоит и живет во таком отношении к самому себе и к другим разумным существам, которые составляют сущность права и на котором человек является внутренне справедливым к себе самому и к другим разумным существам. Право во первом смысле есть внешнее право, а во

послуживает внутреннее. В то же и другое слово слово право за-
ключает в себе понятие об отношении, между тем как
правовенность не содержит в себе понятия об отноше-
нии, а только самостоятельную сущность или свойство раз-
личного существа, человека.

„Внутреннее право устанавливает взаимные отношения между
людьми и определяет все, что каждое разумное существо дол-
жно делать для каждого другого разумного существа и что
ему должно быть дозволено каждами другими разумными суще-
ствами, дабы могло быть достигнуто их предназначение в
общей или жизни.“ Прежде всего, внутреннее право предполагает, что
свободные разумные существа, которые в высшей степени развились от-
ношения заключают в себе и юридический отношения, вступа-
ют друг с другом в высшей, общей или сфере действитель-
ности. Такою сферой является для нас прежде всего и непосред-
ственно известная область в чувственном мире, на которой мы
посредством нашего тела находим и признаем друг друга,
и на которой мы соединены для общей или деятельности, вооб-
ще независимо от нашей настоящей свободной воли; но, во всем
на ней, как на основе нашего произвольного сведения мы сво-
бодно соединяемся в общества для известной разумной цели.
Напротив внутреннее право и внутренняя справедливость
предполагают внутреннюю область, которую мы должны обрабо-
тывать свободно человека, как разумного существа. По-
тому право относится к разумному существу, внут-
ренне движущему свободой, хотению и действующему внутрен-
но, оно и по своему содержанию есть чисто внутреннее отноше-
ние; поэтому же право касается других разумных существ,
оно предполагает, что разумному существу, в его внутренней
жизни, в его силе и сердце, присущи (sind zugehörig) другие
разумные существа, и свободно воспринимает или в свое внут-
реннее движение. Определенное личное отношение, как внут-
реннее, так и внешнее право, выражается в нас (kündet
sich uns), как всеобщий обязательный закон. Закон вообще
есть общее, пребывающее в ряду равноправных, как во времени
и во времени вещей. Закона в области происходящего во вре-
мени суть движущие законы (Lebensgesetze). Эти законы суть,
поэтому, нем закон неведомо-совершенствующаясь, — физический закон,
такой природы в темном смысле или законы для свободна-
го самостоятельного собственной силе в существе или сознании
цели в хотении и для свободной воли свободной деятель-
ности — законы свободы, практический закон. Первые определяются,
как существа, необходимо, единственно-возможным образом, фор-
мируются, — какими они необходимо должны стать и быть
и быть во времени; вторые — какими существа могут и должны

стать и быть во времени, свободно, по советственному выбору из того, что возможно. Вот закон-то права и представляется, как закон свободы, потому что юридические отношения привносятся таковы и неизменяемы отношения свободы различны существе, которое и должно быть проявлено для свободного существования различно предназначений. Единый, чуждый, самостоятельный, всеобщий и всеобъемлющий закон для хотения и для свободной с хотением действительности всякого, личного, личного различно существе, а следовательно и человек есть правительный закон, который должен быть выражен так: „Предвильная к проведению добра, чисто и единственно потому, что оно добро“ или „свободно думать и делать добро“. Но добро есть существование для жизни, или то, что должно быть осуществлено или проведено в жизни; а потому добро /das Gute/ есть содержание, предназначения конечных свободных различных существе, а следовательно и человек. Самое добро /das Gute/, поскольку оно не претягивает, и находится в жизни, и поскольку оно как и рассматривается, есть благо /das Gut/, и в этом отношении всякое известное добро есть известное благо. А потому и право как известное существование отношения, которое должно и должно быть проявлено свободными хотением и свободной деятельностью, каково бы, впрочем, было содержание этого жизненного отношения, есть и известное добро и известное благо, как известная существование часть всего предназначения конечного различно существе и человека. По этому единый правительный закон заключает в себе и ему подчиненный известный закон - представлять то жизненное отношение, которое есть право. И так закон права, как практический закон, есть подчиненный правительному закону как его, а так как это основывается на всеобщем различном предназначении всех различных существе, то это представляется себе, как всеобщий всеобъемлющий закон для правительной свободы, по законам абсолютных в отношении к правительному закону.“

„Теперь, чтобы познать, что есть право и что оно содержит, необходимо рассмотреть все предназначение различно существе и человека, во всем его содержании.“

„1. Предназначение человека состоит в том, чтобы он во время существования в действительную свою сущность понимал, с безконечной определенностью, индивидуально, как индивид, или чтобы он стал и был человеком, лично существующим, совершенным, равноправно-равным человеком во всем самом и во отношении к другим людям и ко всем существам, состоящим в нем в жизненном общении. Все содержание его предназначения состоит в едином добре, которое осуществлено во времени повелевает ему правительный закон. Так как

хрест это именно человек и есть разумное существо и так как себя наказывает, то предназначение человека может быть названо также разумным предназначением; во этом же смысле можно сказать, что его предназначение — жить согласно в разуме, или, короче, есть разумная жизнь, разумность.

„ 2, Каждый единственный человек есть самостоятельное существо, которое должно осуществлять свою собственную жизнь со свободой своей собственной жизни, индивидуальности, или должно прежде всего выполнить свое разумное предназначение в своей собственной внутренней жизни во чрево и сердце. Но внутреннее совершение прежде всего зависит от свободного пользования своим собственными силами, но при этом оно состоит и под внутренними условиями, которые оно прежде всего само формирует внешне, также со свободой.”

„ 3, Но существенная часть предназначения и жизни единичного человека есть само истинно вышнее, и может быть проявлена и выполнена только в обществе. Человек находит себя не только общедоступным существом телесно и духовно, которое потому может достигнуть своего разумного индивидуального предназначения только как член человеческого общества. В такое время является социальная в разумной жизни человека связанная внешними условиями, при которых только она и возможна, и может быть развита.”

„ 4, Но этому человеческому предназначению во его условиях соответствует вся жизнь его условий, которая есть частью внутренней, частью внешней, частью недвоякой области человеческой свободы, частью она же зависит. Вот и эта жизнь условий социальной в разумной жизни, поскольку они могут быть выполнены свободно, и сами также составляют часть человеческого предназначения.”

„ 5, Но так как человек имеет безусловную ответственность жить и действовать для своего предназначения, — ибо во этом и состоит содержание нравственного закона, — то на этом основывается право требовать, чтобы вся жизнь зависела от свободы внутренне и внешне условий разумного предназначения была осуществлена и сохранена во всей сфере нашей жизни. И так в такое время находим мы себя также обязанными действовать во этом направлении, потому что и во толь состоит основная существенная часть добра, чтобы и во нашей стороне были выполнены условия разумного предназначения.”

„ 6, Внутренняя собственная конечная разумная существа, зависящая от свободы условий ее разумной жизни есть духовная, телесная и соединенная или так и другое, или человеческий во том смысле. Но все условия внешней, зависящие или совершенно или от части от свободы условий разумной жизни заключаются

в себя, как себя подчиненная высшая часть, во-первых, все что есть внешнего и внутреннего условий, все что есть внутреннее, совершающееся в общении духовных существ, условий духовных и, наконец все что есть соединенное из того и другого условий, данное в общении людей, как людей. Здесь также представляется уже и вопрос о внешнем возвышающемся над природою и над всеми помыслами духовными существами условий, которые представляют образованные сознанием, но крайней мере в религиозном отношении."

"Г. Если потому человек не должен действовать для своего предназначения для общества и должен выполнять его только в обществе, а общество есть для него нечто внешнее, то жить в обществе есть вообще для всякого единичного человека внешне и, в отношении к нему, даже высшее условие его разумного предназначения; следовательно и это условие входит в состав всей единой целостности всякого внешнего условия разумного предназначения, а потому оно должно быть осуществлено и выполнено также только во всей этой целостности."

"В. Наконец так как все разумное предназначение человека в его целостности должно быть достигнуто только в социальном общении, то такое самое условие скажут и об осуществлении всякой целостности внешнего условия разумного предназначения. И это есть определенная общественная цель, или основывается социальное общение, которое потому и само опять есть высшее условие достижения разумного предназначения, а следовательно также должно и должно быть осуществлено во единой целостности всякого другого условия. Поэтому всякий человек, как таковой, обязан и должен право принимать участие в этом социальном общении."

"Целостность всякого разумного условия разумного предназначения, которая должна быть свободно осуществлена, означает также и право. Следовательно сознание с правом быть есть та самая определенность и то устройство единичной общественной жизни, при котором есть во действительности и становится таковой вся целостность условий внешнего и внутреннего, зависящая от свободы и свободно осуществляющей осуществление условий разумного предназначения. В смысле предметности объективности и в смысле всеобщности, человеческое право в его целостности может быть определено так: право есть целостность зависящая от свободы условий разумного предназначения, или сознания с разумной жизнью, разумности человека и человеческого общества. А так как единичное условие называется органическим или организмом, когда и помыслу оно, как целое содержит в себе части, которые все определяются целым и взаимно являются частями и которые все связаны и соединены между собой и с целым, то вся целостность разумного предназначения, как и вся целостность его

в сравнении с аналитическими сами в себе безусловные, объективные и безусловно существующие, синтетическое на принципах вечного, безконечного, безусловного существа. И так необходимо признать также субъективный анализ во познания и приращений Бога, как единичного, безконечного, безусловного существа и во такое время как приращение кетель существа и кетель сущностей, - всего сущного и сфа-повещающего как основы вечного познания и кетель коучков познаний в определенности как принципа науки."

Результаты такого синтеза суть:

1, Так как право есть единственное отношение, то прежде всего здесь следует возразить против, как одну из сущностей божества, влндрствие его будет возразительно и право, как одну из сущностей жизни божества. Существенное, сфрннруемое, создаваемое Богом в безконечном времени, есть сущность Божий, божественное во божество, как единое добро, а поскольку оно существует в мире - как единое благо. Но самопроявление, самооткровение во времени божественной сущности - есть Божий бытие. И такъ Богъ безусловно и безконечно благо, т.е. Онъ самъ есть единая, безусловная, безконечная благо, единое верховное благо. А потому сущность жизни всякого конечного существа есть проявление во времени своей собственной сущности, как часть единой сущности Божией, и в сфндръ него существенное, его определенность есть его добро и его благо; во толь, что оно проявляет его во времени, состоит его благо. Поэтому и конечные разумные существа вносят благо во толь смысле, что они проявляют во времени свое определенное добро, - ибо оно есть часть единого добра божественного, во организмическом общении с единым живым Божием и в сндръ существовать и вносить в существование его своим определенным и единственным образом. Ибо единое добро проявилось в безконечное время, это существенно, следовательно оно непрерывно бы-ваитъ, приспосабливать, оно необходимо, оно есть сущее во все время. Поэтому для необходимого отношения к каждому моменту времени единой жизни Божией, оно есть единственно возможное для этого времени. Наконец поскольку необходимо существует во времени, как вносить свершенное конечное, оно есть действительное. Возможное как толькое, во отношении ко всему ряду моментов времени, есть то, чему Действ быть. Ибо единое добро, которому должно быть, становится действительным во каждый момент времени, во единичной безконечно-определенной форме, во сфндръ и состоит единое существующее, общее всему безконечному ряду моментов времени, следовательно во этом состоит единый закон жизни Божией. А потому и для высшего конеч-

наго разумного существа едине побывающие. во времени со-
 стоить в то же, чтобы оно проявилось своим особенным
 и единственным образом свои побывающую сущность, как
 органическую конечную часть сущности Божией, во един-
 ственной единичной с Божией и конечными существами во
 безконечное время. Это и есть единый единственный закон
 каждаго конечнаго разумнаго существа. Добро же какъ
 единственное есть жизнь жизни. Следовательно Божь, какъ еди-
 ное добро, есть также единая жизнь жизни вообще; а для
 каждаго конечнаго разумнаго существа его особенная един-
 ственная жизнь состоит в томъ, чтобы оно индивидуально про-
 явилось во времени своею сущностью, какъ часть сущности Бо-
 жией, своею доброю какъ частью безконечнаго добра.

„Образъ осуществленийъ единичной жизни по закону, или
 образъ сообразнаго ей законныхъ осуществленийъ во времени су-
 щественнаго, или образъ того, какъ побывающие во времени
 возможно и стаивающей действительности, есть свобода без-
 конечная, безусловная; свобода есть тотъ образъ, та форма,
 во которой Божь во времени осуществляетъ единое добро,
 согласно съ единымъ закономъ жизни. Сообразно внутренне-
 му подобной с Божией сущности есть конечный самостоя-
 тельный существъ, который или принадлежитъ въ Божь осо-
 бенная, полная, конечная свобода. Эта свобода каждаго
 такою конечнаго существа условлена безусловно свободою
 Божией и свободою другихъ, состоящихъ съ нимъ въ об-
 щении свободныхъ существъ, она представляема или отъ
 Бога навсегда, и следовательно никогда не уничтожается
 во времени видима свободою, но ею то допускается и
 споспешествуется, то ограничивается и ограничивается. По-
 тому свобода конечныхъ существъ условлена, она являет-
 ся во времени и сама выходитъ въ составъ единич-
 ной жизни, т.е. сама данная есть поставлена свобод-
 но жизнью жизни, ее условил данная есть свободно суще-
 ствующимъ въ жизни. А потому свобода конечныхъ раз-
 умныхъ существъ не есть единая жизнь и единичное
 прилежание и соудачество, а только какъ одна изъ этихъ су-
 щественныхъ частей.“

„Божь есть единая безусловная, безконечная воля, безуслов-
 ная, свободное самопредметие, направляющее свои деятель-
 ности въ единому добру, къ его осуществлению въ безконечное
 время есть всеобщая воля. А потому и индивидуальной во-
 ей конечныхъ разумныхъ существъ стремится къ добру, о-
 предмеченная сознаниемъ и чувствованиемъ добра, влечениемъ
 къ добру. Самъ же направляющий правительностью Божь подобно

сущность конечного разумного существа быть свободной при-
 шью добра, какъ таковая, т. е. свободно хотеть добра и совер-
 шить его; а нравственность, какъ постоянное состояние, назы-
 вать добродетелью, то этишь еще наконецъ познавши божес-
 твенную сущность, божественное происхождение и безусловное
 достоинство нравственности и добродетели. Умать единой,
 безусловно-объективной и вечной конечной разумной
 сущности законъ нравственный или законъ добродетели та-
 кой: „ будь свободной приливо добра, какъ добра“, или
 „ делай и совершай его, ибо то, чего ты хочешь и что ты со-
 шествываешь, есть часть во времени проводящейся сущ-
 ности божией“. Если конечное разумное существо такъ
 хочет и такъ действуетъ, и предстоитъ во всякое време-
 ние придумать свое индивидуальное хотенье и действитель-
 ность опрелеленна божия, то оно вноситъ подбавляетъ Богу, какъ
 свободной вынотку жизни и всего добра ивентомъ въ
 твоемъ состоитъ въ божественной гармоний съ определеннымъ
 божиемъ, и тогда оно есть въ конечной божественной
 соучастникъ въ безконечной вѣчной божественной
 жизни божией. —

„ Божественная сущность замыкаетъ въ себя, наконецъ,
 свободную во времени условность органическаго конеч-
 ный сущности, каждаго единаго себя и всего вселен-
 ный, въ божественной общении обболивъ, есть право; а сво-
 бодная во времени условность жизни божией ивентомъ конеч-
 ный разумный сущности означаетъ быть покаяна правую
 условность. Право не есть вся условность жизни, но только
 свободной во времени, т. е. временной, поощению она зави-
 ситъ отъ свободы. Право есть часть единого добра и еди-
 ного блага, а следовательно и часть божественной божественной
 жизни и божественного божественного предметнаго. Божь
 есть единая правда. Онъ, какъ причина жизни во време-
 ни, осуществляетъ вноситъ право, въ безконечное время и въ
 каждаго шовлетъ его, индивидуальнымъ, абсолютнымъ образомъ.
 Божь хочетъ права вноситъ для всего безконечного време-
 ни. Божь хочетъ въ каждаго моментъ того, что право для
 всей безконечно-развивающейся жизни. Божь, наконецъ, какъ без-
 конечная безусловная сила, совершаетъ, осуществляетъ во
 каждаго моментъ право. Такъ какъ все это вводитъ
 есть правосудие, правда и справедливость, то Божь без-
 конечен и безусловно-правосуден, праведен и справедливъ.
 Божь есть правда, Божь водбавляетъ правду вступитъ конечный
 сущности; въ единой жизни божией не совершаемая ни-
 правда волю и действительность божией. Но такъ какъ ко-

нелый разумный существа раскрывают свои смысл при широ-
 вом ограничении, тобовое безконечная время совершается и
 всякая возможная неправда; однако же божь, какъ безконечна
 и безусловна правдивое существо, отрицаешь и уничтожаешь
 въ смысле неправды, т. е. саму по себѣ нисходную неправду въ
 отношении въсшней сущности, уничтожаешь и въ времени. Такъ
 какъ задана права состоитъ въ томъ, чтобы смыслъ быша
 совершаема свободный выполнений ея условности, а единствен-
 ное сдержаніе жизни есть добро, тобеліе право означаетъ
 быть вынуждено такъ: Единая добро, похочу ея условлено сво-
 бодой во времени, должно стать действительностей посред-
 ствомъ быть свободный во времени условій. А даице, такъ
 добро есть чинъ жизни, то это великіе смыслъ быть допр-
 сурмировано и такъ: Вся временная зависима отъ свобо-
 ды условность достоянствъ бажнейшій иудникой чинъ даице
 быть осуществлена. Иакоже, такъ какъ божь называется
 безусловный, абсолютный разумный, иевообще разу-
 мный, то право означаетъ быть отрицательно и такъ: оно
 есть отрицатель временной зависимой отъ свободы чело-
 вѣчности жизни абсолютного разума или абсолютно-разу-
 мной жизни, или разумности, или разумной абсолют-
 ной предназначений, — иеи же, короче, право есть вре-
 менная зависима отъ свободы условность разумности."

"Такъ найденное аналитическое объяснение человече-
 ского права теперь познано научно во его первой чин-
 кинь и выветъ отъ тѣхъ признаю, что право человеческое,
 т. е. челоствство и едунимый едой есть тель-
 но часть единого права быть конечный самостоятель-
 ный существъ въ божь и что оно есть внутренняя
 подлинная зависима часть единой самкой, безко-
 нежной и безусловной правды божией; даице, что че-
 ловчское право единой подобной правды божией и асп-
 довативно есть внутреннее иеиаментны право въ отно-
 шении челоствства и челоства, что правда и справедли-
 вость челоствства и челоства есть также внутренняя
 правда, но что наконецъ все челоствское право въ отно-
 шении къ высшей правды божией, есть совершенно отъ
 ней зависима и чрезъ то условна."

"Право воздаетъ и сохраняетъ конечному разумному
 существу свое, т. е. божь временный зависимый отъ свободы
 условій разумной жизни, такъ что каковы конечны
 разумные существа иеиуряетъ отъ права то, что
 ему сдвудеть и признавающихся. Но вырощение-право

что то, что каждая разумное существо имеет ввиду-
мый образцов грешит или негрешит — относится к ва-
сти права, именно к внешней праву, и обнимает
только ту его часть, которая относится к внешней сво-
боды."

"Права всех конечных существ определены и це-
лосоставлены взаимно. Все конечные существа имеют
права, но не равны, а каждая имеет право только
на то, что составляет условность его предназначения.
Права всех конечных существ состоят во времен-
ной зависимости от свободы органической условности, а
потому каждая конечное существо имеет интерес в
правах других существ; отсюда вытекает требова-
ние, чтобы права всех были охраняемы ради права каж-
дого, поскольку они соединены между собой в единую, предше-
ствующую им ради закона Коалиции, которая соединяет
все конечные существа."

"Право всякого конечного существа, как внутрен-
ней органической части правды Коалиции, есть внутрен-
не вытекающее и следовательно из него. Внутреннее пра-
во каждого конечного существа есть воля внутренняя
временная, зависящая от свободы условности его собствен-
ной души, какое право он должен воздавать се-
бе по внутренней справедливости. Напротив, его
внешнее право есть все выходящее, временная, зависящая
от свободы условности его души, поскольку его душа услов-
на и имеет и имеет получить право и быть, а также по-
скольку в его душе других существ, какотой условия
потому и должен понимать свой мир. Но право
каждого существа соединяется из внутреннего и внеш-
него права, вытекает внутреннее право во внутреннее,
путь и осуществление его во внутренней справед-
ливости, а также соединяет внутреннее право с
внешним, так что оба права, и его внутреннее пра-
во, и его внешнее право, осуществляют и охраня-
ют одно вместе с другими и одно предшествует дру-
гому."

"Все учения о праве, которые пытаются познать и
определить естественное право, не прибавляя ему во всем во
взаимной правде и справедливости, не избежали однозо-
ронности и неправильности в своем отношении, относительной

к различным областям человеческого права."

„Посредством такого научного понимания права, правды и справедливости, какъ одной изъ сущностей Будней, завершается научное обоснование права, ибо въ правдѣ Будней найдемъ принципы, какъ ея части. Этотъ принципъ права, какъ абсолютное понятие можетъ быть выраженъ такъ: временная зависимость отъ свободы условность единой жизни Будней, или, короче, временно-свободная единичная условность. Содержание этого понятия есть свободная условность жизни, а форма этого содержания - организмический характеръ ея, т.е. что право есть право во всемъ организмическомъ существе Будней. Входя въ определенныя принципы, и избирая форму ея, мы получимъ различные такъ: организмический временной, зависимость отъ свободы условности единой жизни Будней. А если поделить принципы и такъ, то отнесемъ къ понятию разумныхъ существъ, то этотъ принципъ можетъ быть выраженъ такъ: организмический временной, зависимость отъ свободы, условности единой жизни Будней и жизни свободныхъ разумно-смысловъ существъ совершающихся въ организмическомъ существѣ.“

„Право основывается на правдивости потому, что всеобщая предвещаетъ этический организмизмъ. Оно имеетъ принципиально неотрицательный, а индивидуальный характеръ: всякий имеетъ право на все, что составляетъ условия ея признания, а это должно быть дано ему неодушевлено; сперва создается индивидуально устанавливаетъ этический порядокъ, а отсюда уже выводитъ предвещаемое предназначение предвещаний къ ея осуществлению, взаимное ограничение другъ друга. Право предвещаетъ, что бы всякое разумное существо осуществляло свои собственные сущности, свое добро, а такъ же, чтобъ оно могло осуществлять и вообще единое добро. Но жизнь этакая: внутренняя и внешняя, - а следовательно человекъ имеетъ и внутреннее и внешнее право: внутреннее, по которому человекъ имеетъ право къ самому себѣ, а именно, требовать отъ себя и внутреннею условий для осуществления своего предназначения; однако же такъ что сущность этого взаимного внешнего права не состоитъ въ принужденности. Внешнее право имеетъ человекъ потому, что онъ имеетъ исполнить свое

предназначение только в общении, в общении с другими людьми. Форма общения между людьми существующим есть союз, ибо само бытие есть существо, соединяющее в себя, как бы в союз, дух и природу, и состоит в союзе с другими существующими индивидами."

"Организмы человеческого общения, объединения, общения формируются в три этапа: 1, первоначальный союз / Grundpersonen /; 2, по существу группы / Grundwerke /; 3, по существу формы или сущности жизни / Grundformen /."

"Основными элементами человеческого общения являются: семья, община, племя, народ, союз народов, Великое Человечество, Человечество вообще во вселенной, в Топосе и под Топосом."

"Основными группами являются: наука и искусство и объединение их. Отсюда образуются: группы, практические общества, ассоциации / werktätige Gesellschaften /, или отраслевые практические союзы / Werkbünde /: 1, научный, 2, художественный и 3, объединительный / Vereinbund für Kunst und Wissenschaft /."

"Основными группами являются: справедливый и добродетельный человек и справедливый и добродетельный народ, т.е. справедливый и добродетельный союз. Отсюда возникают следующие союзы: 1, союз правды и справедливости т.е. государство, поскольку оно существует в правду; 2, союз справедливости или добродетели, 3, союз искусства и красоты т.е. добродетельный союз и 4, союз религиозный."

"Но самым высшим союзом есть союз человечества / Weltbündnis /; предназначение каждого индивида есть часть предназначения всего человечества; самым драгоценным, священным, первым делом человечества работа на земле состоит в том, чтобы все вместе, быть представителями собой единую гармоническую группу, чтобы люди во всем отношении объединились, соединились между собой все теснее и теснее дабы быть единичным человечеством, и таким образом войти в единую общность, быть единым, быть одна и природой, и стремлением своим"

собственного ума и сердца. Единственный человек без одуше-
 ния от природы является и доводит себя, не имея в
 себе возможности исполнить, да и того, к чему он спо-
 собен; только в человеке человекство его состоит в
 исполнении своего предназначения; ибо существо и предначи-
 ние человека и человека первоначальное одно и то же: он
 радишь только как тело и его члены, представляя себя
 одну и ту же вещь. Человек и человекство могут
 достигнуть своего предназначения только вступив дру-
 го с другом и предвостать друг другу. Божественная
 идея человекства, гуманности есть всемогущий источник
 всякой мысли и всякой любви. Высочайшая мудрость и
 благовест видима в человека только по дружию людей,
 стремление к общению с ними, к любви ближнего; и уже
 это никогда нескорошнее, крепкое влечение есть нача-
 ломство в толь, что люди, только Божией благодатью
 составляют единоеобщественное целое."

Второе обожение человекства совершается посредством
 союза для его образования / der Bund für Menschheit-
 bildung/. Союз человекства должен быть таким, чтобы
 дать своим членам такое вообще и исто-че-
 лическое воспитание и образование, посредством ко-
 торых человек вполне, истинно становится чело-
 вечком, посредством которых он достигает рав-
 ностно, религиозного и истинно гражданского совер-
 шенства всего своего существа, и посредством кото-
 рых только и возможно исполнение идеи в челове-
 честве и достижение цели своего предназначения."

Устройством этого союза человекства, представите-
 лем которого является масонство, является автором
 в конце его сочинения: Das Urbild der Menschheit, 2^e
 издание, Петербург, 1851, — которое /сочинение/ вообще
 основывает во многих отношениях величайшую
 истинную автором, по естественному праву и
 дружбу.

Изъ приговора швейцарскому Крайовскому на-
 казу подмечать: Аренс и Федерт.

Аренс /H. Ahrens, Cours du droit naturel au de
 philosophie du droit, 5e édition, Bruxelles, 1860/.

„ Краузова теория права и государства резюмирует собою весь свершившийся прогресс науки и заключает в себя все основывая идеи, как и только появлялись в позитивистическом развитии системы. Она есть органическая система права и государства. Во-первых она соединяет в себя два главных элемента: анализ и синтез. Могла бы исхода есть анализ человеческого природы, в которой преобладает, во всем преисполненную идею, элемент права. Но затем человек и человекство возведены к их функции, к богу, и понятие права становится синтетическим. Понятие права и государства берется и доводится к человеческой природе, оно представляет органическое упорство во всех условиях, осуществляемых богами и человеческими делами того, чтобы различные существа в различных сферах жизни могли достигать своих различных целей. Далее, право строго отделимо от нравственности и религии; но в то же время право представляет в какой-то мере свет в темноте и совести элементарно человеческой жизни. Оно выражается и в чуждую сторону, сообщает и в чуждую среду и существование и развитие и становится результатом и прогресса. Такого обращения право кажутся. В связи со всем индивидуальным и социальным существом человеческого вообще, потому что и в той стороне человеческого жизни, до которой не было бы оно в свете; однако же, оно выливается в них не в том, чтобы ограничить их, а преимущественно в том, чтобы способствовать осуществлению нравственной и физической деятельности всех людей. В Краузовой теории о государстве не упоминается ни человек, ни общество. Краузе предугадывает различные образы различных общественных функций: деловые функции нравственности, религии, науки и искусства, промышленности и торговли, но ставит позитивную организацию или государство в тесную связь со всем человеческим существованием, со всем общественным существованием. Государство призвано поддерживать всеобщее развитие на пути правды и справедливости, и обеспечить, для всех отраслей человеческого существования, средства к их всеобщему осуществлению. Государство есть посредник между индивидуальным и социальным существованием. Вообще принцип

права, который одомашнена наука Г-ну Кроузе и который служит основой этого курса /т.е. вышеупомянутого сочинения Аффенса/, указывает столь предостерегающе в предисловии, что все важные юридические вопросы могут быть разрешены гармоническим и примирительным образом.

Ареню старая роль философия основы права ставило помехой, дабы право могло быть лучше выражено в своей связи с высочайшими истинными нравственными порядками. Здесь принцип и все вопросы права являлись в мир связи с великими принципами блага и нравственности. Этика науки обман под его осуществлением в жизни, но не понимается как верховный источник, общий кодекс чести о праве и нравственности, который суть нечто иное, как ее развилки ветви, между тем как в большей части философских школ право отделяется от этики и блага словесно, и основано на свободной воле, здесь представлено право как принцип, регулирующий жизнь людей во виду общего блага, который должен быть осуществлен, а государство, как юридическое учреждение, призвание которого состоит в установлении законов, при которых все его члены могут приобрести, приобретать и распределять между собой все блага человеческого, нравственного и общественного. При движении со временем, что есть благо, право и политическое учреждение представляется также в зависимости от общественной нравственности, которая оценивает или не одобряет, если она порошна. Некогда не было важно, как теперь, показать в принцип и в выводах тесную связь права и политики с нравственностью, и указать или как на этикетку общему или этике, но гармоническое осуществление волеи осуществлено, нравственный и общественный блага общества и человека.

Но с другой стороны теория права, именуемая в этом курсе, представляет принцип права, отличный и неопределимый от волеи прочих принципов, правящий миром нравственным и общественным. Конечно она устанавливает она различие между правом и нравственностью, которая сличима часто всеми сличима.

Анализ наших систем, устанавливающих принцип права, ясно доказывает, что ни одно из учений о

правъ, къ какой бы категоріи оно не принадлежало, не
целесообразно и даже вредно, какъ принципъ объектив-
наго всеобщаго, вѣчнаго, ибо вся теорія выводитъ принципъ
права изъ исторіи, факта или даже изъ природы, т. е. изъ
воли, равною понимаемой и объясняемой.

Но воля, будетъ ли она принята индивиду, или породу,
или ея вѣдѣнству, никогда не сводитъ фактъ историческаго
права потому, что право означаетъ правильно быть волею,
а правило есть принципъ неизбѣжный, состоящій выше
всякаго произвола.

Относительно челоѣческой жизни первая основа права
есть природа челоѣка: изъ этой природы должно быть
выведено понятіе блага, которое есть правило и цѣль
жизни, потому что право, какъ принципъ справедливости,
приводитъ къ объекту принципа всякой справедливости,
индивидуальной и общественной, т. е. къ принципу блага,
по отношенію къ которому право есть
свободная форма осуществленія блага въ жизни. Такимъ
образомъ является свобода, посредствомъ которой благо
осуществляется справедливымъ образомъ, т. е. совѣст-
ливою и совѣсною отношеніемъ и добровольно-
сти, въ которыхъ челоѣкъ поставленъ. Въ самомъ дѣ-
лѣ, благо влечетъ къ себѣ отчасти частна-
го и общаго права: во всей индивидуальной и об-
щественной справедливости, — цѣль, къ которой стремит-
ся люди, есть благо индивиду и ея общества.

И такъ мы видимъ, что философія, не довольствуясь наукою,
должна взять за точку исхода принципъ блага и попытаться
опредѣлить съ точностію свободное отношеніе, въ которомъ
право находится къ благу.

Философія права есть часть этики, а этика есть наука
о благе вообще и о нравственныхъ осуществленіяхъ
всѣхъ свободныхъ людей, въ смыслѣ содержанія.

Благо вообще есть все, что дѣлается согласно съ зако-
нами, съ принципами, которые правятъ предметами
и выражаютъ ихъ сущность. Следовательно благо есть об-
щій принципъ для всѣхъ дѣлѣній, къ какому бы роду
они не принадлежали: все, что имѣетъ челоѣкъ, должно
быть благомъ. Благо заключается въ себѣ все, что стрем-

ведливо, нравственно, религиозно, есть все, что ни делается
в сфере духовной и физической сообразно с выходящими
нами надъ теми принципами. Давне была есть благо, когда он
переходит в жизнь, когда она осуществляется.

Право рассматриваемое с андегитической точки зрения.

Отличительный характер человека есть личность. Животное
есть индивид, а только человек есть лицо. Вследствие личности
человек существует сам по себе и для себя. А - это есть вы
ражение личности. Единство двух элементов в человеческой
душе, бесконечного принципа, муча от существа бесконеч-
ного и абсолютного, и индивидуального элемента, по которому
человеческий дух принадлежит к сфере конечной и условной.
Это единство и составляет личность.

Ум есть бесконечный принцип или орган, который
соединяется с конечным духом и возносит его к области
эти существа относительной и ограниченной в области
бесконечного, абсолютного, непреложного. Умственно истинно
свободен бесконечный ум. - Свобода - это есть воз-
вышение духа, потому что в самом духе свобода во-
носит нас надъ эмпирическими субъективными фактами
к принципам, по которым мы должны направлять
всю жизнь, следуя по пути истины, добра, правды и исти-
ведливости, так что свобода есть следствие ума и лич-
ности.

Ум - это бесконечный принцип, - есть принцип
бесконечной совершенности во всех способностях человеко-
го духа: мышления, чувствования и хотения, который не-
мощен, потому что они беспрестанно стремятся к
нечто, предельно бесконечный принцип, все конеч-
но область вещей и их отношений.

Ум дает человеку познание о его предназначении
вообще в кармическом порядке во всех существах. Пред-
назначение существа всегда соответствует его приро-
де, т.е. совокупности тех свойств и способностей, ко-
торыми оно одарено. Это предназначение существа, по
его содержанию, есть благо: все, содержащееся в приро-
де существа, есть благо, ибо вся сущность истекает
из божества, и божество, в своей бесконечной и абсолют-
ной сущности, содержит верховное благо, в котором
участвует каждое существо, смотря по занимаемому
им месту и ступени, выработанным его природою.
Человек, как существо синтетическое во вселенной, во

которым гармонически соединяются безконечные и конечное, должны выполнить свое предназначение в соединении с Богом, с природою и с подобными собою. Человечья одарены способностью понимать порядок, гармонию, единство во всей величии, и понимать бесконечность, как абсолютный принцип, Верховную причину всего бытия. А потому его предназначение состоит в том, чтобы установить порядок во всей индивидуальной и общественной жизни, и, посредством разумной свободы, проводить во ветвях правительственных сфер ту гармонию, которую бесконечность установила на ветви во физическом порядке вещей. Это предназначение раздвигается на особые цели, относящаясь к религии, науке, искусству и воспитанию, и представляющая содержание человеческого предназначения. Но это предназначение должно быть рассматриваемо еще во двух главных формах или особенных образах его существования: во правительственности и праве; эти образы действительности человеческого суть также цели по формальным.

Некоторые все эти различные цели осуществляются, они составляют в них единство и гармонической связи, благо жизни человека и человечества. Вообще благо есть принцип жизни, потому что всякое живое существо осуществляет благо, соответствующее его природе. Все существа благо, исходя из творческой силы, и все имеют предназначение осуществлять, во всем организовать и во всеобщей гармонии всеобщего блага, то именно благо, которое досталось им в уделе и которым отличается ступень, занимаемая ими в лестнице существ. Благом называем существо есть цель, которую призвано оно осуществлять; соответственно своей сущности.

Ученая, рассматривающая благо, его принцип, его виды и образы его осуществления, есть этика. Ее отличает от других наук то, что она рассматривает благо только по существу, поскольку оно проявляется в форме морали / правительственности, во тьме или Силе, между тем как этика занимается всеми благами, всеми его видами и формами. С другой стороны этика оценивает право и обязанность, потому что и право имеет своим источником принцип блага, и должно быть организовано во обществе гармонично со всеми благами человеческого жизни. Вообще этика есть наука о человеческой жизни, организованной органически по прин-

и, и ну блага. Все практические науки, а следовательно и наука права, имеют свой общий корень в этике, т. е. в науке о благе, которое осуществляется каждым из нас и всеми сообща.

Благо осуществляется двумя различными способами: правдивостью и правдой.

Во правдивости вся человеческая осуществляется благо по идее божественного блага, ради общего блага, абсолютного блага, потому что благо исходит из абсолютного божества, и что благо есть высшая категорическая, абсолютная, живая воля божества, открытая человеческой совести. Во правде воля человеческая осуществляет благо с ее относительной и условной стороны, поскольку она должна быть применена к различным условиям, к различным обстоятельствам, в которых находится индивиду, к времени и месту, когда и где случаются они. И здесь благо выпячивает свой абсолютный характер в том отношении, что оно имеет единую по сути образ и цель применения, с которыми оно осуществляется.

Между тем как нравственное достоинство этики является в применении или мотив, истинный и бескорыстный, с которыми оно совершается, — право не принимает в соображение вынужденный мотивы, а рассматривает человеческую этику в их соответствии с идеями чести и добродетели.

Когда кто помогает неосторожно не из чистого побуждения оказать услугу ближнему, а из тщеславия или из другого корыстного мотива, то конечно он совершает также благо для и также внешне есть во благо объективной точки зрения, но оно не нравственно. С другой стороны этика может быть нравственной, но не благой. Человек, который совершает этику без эгоистического мотива, руководимый объективным благом, но который ошибается в соображении своего этики с совокупностью условий, в которых он находится, совершает действие нравственное, но не благое.

Человек обязан не только сохранить чистоту своей совести, и нравственно свои воли, но также исследовать, что само по себе благо, это образно с божественными идеями истинны, справедливости и гармонии, которыми должны царствовать в жизни. В соединении общих элементов блага объективного блага, и субъективного — нравственности, состоит нравственный идеал, который он должен осуществлять во жизни все помыслы и помыслы, так как это не совершенство, а самоусовершенствование во благом — его добродетель.

Это самоусовершенствование имеет своим последствием слабое, когда дух претвращается в слепое, как слепое, и сливается с ним. Соизволение блага, как принципа со слабию, как его последствием, есть проблема, которую человек должен решить своим самоусовершенствованием.

Управленность, во силу которой человек стремится к благу с полным разумом свободой, при истинности мотива или миссии в виду только блага абсолютный образцов, независимо для полного осуществления блага, потому что ответственность возлагается только внутренне субъективные отношения между мотивом и благом, означая мотив или намерение, побуждающее человека действовать по совести. Благо и не имеет преимущественно объективную реальность; оно существует само по себе, независимо от нравственной или от нравственной воли, потому что благо также абсолютно в том смысле, что оно требует своего осуществления, такого именно, каково оно есть, не смотря на его раннюю или позднюю намерения человека. Вроде блага есть сущность жизни: не индивидуальная, но общественная не только в бытии совокупности вещественного и духовного блага, которыми она могла бы поддерживаться. Следовательно существование блага индивидуальности быть осуществлением, независимо от нравственности людей, так чтобы люди свободно совершали благо, как для общего блага, так и для общества. Нет сомнения, нравственность есть основной элемент человеческого совершенства: она возносит волю к абсолютному, и таким свидетельствует о подобии человека. Но это внутреннее совершенство есть цель для разумной воли, которая не имеет быть достигнутой средствами чувственными. Благо же, как объективная реальность, непременно должно быть осуществлено, и если не достигается доброй воли, то все, таки надобно найти средства привести до содействия своим или другими действиями, не смотря на неведение и слабости людей. Самый же инстинкт самозащиты возмущается людей найти эти средства.

И так мы видим, что дойдешь быть другой образ осуществления блага: это требует прежде всего добиваться не мотива воли, но осуществления блага или его реального существования в жизни. Благо, которое во своем верховном источнике абсолютно, переходя в ограниченную жизнь людей, становится относительным или условным: соответственно старому

методы науки, относящейся именно к человеческой жизни, а потому это условия жизни, которые всегда выражают отношение между материальными существами, внедренные свободной или принудительности. Но есть еще другие роды условий, необходимых для развития человеческого; это будут те условия, которые зависят от воли, от действительности идей, индивидуальной или общественной. Эти условия, которые люди должны выполнять для или индивидуального и общего блага, таковы: равенства, как и у всех жизни, т. е. те блага, которые люди стараются приобрести или сохранить. Но эти или блага человеческой жизни являются составными частями, каждая из которых взаимно определяют себя; а самая социальная жизнь есть то высшее общество, где индивидуальное, которого индивидуальность сама по себе недостаточна, должна найти помощь и помощь со стороны себя подобную. Следовательно условия быть и совокупная и целостная условия, которые должны выполняться свободной деятельностью всех, дабы каждая часть могла быть осуществлена в согласии со всеми другими частями и дабы каждая часть человека, находящая себя в обществе, не была недостаточна по силе и ее действительности, могла выполнять и достигать своей цели в социальном организме, регулируемом для блага всех. Поэтому, что такие условия должны быть исполнены независимо, что они не могут быть предоставлены на произвол индивидуальности, потому что от этих условий зависит вся жизнь, ее развитие, ее благо; так что их невыполнение ведет к прекращению всей жизни и к потере ее блага. Но такой своей объективной важности, эти условия имеют быть узнаваемыми и выполняемыми образом, потому что здесь дело идет не о том, что требуется для правды, - не о мотивах, с которыми совершено действие, но о самом действии, которое есть условие осуществления блага. Ответственность есть свободный, внутренний, субъективный образ осуществления блага; напротив, те условия, от которых зависит это осуществление блага в человеческой жизни, составляют образ объективный и необходимый, исполнение которого должно быть обеспечено, во всяком случае, преимущественно. Конечно, эти условия всегда должны быть в согласии между собой при совершенной жизни; если же условия бы выполнялись добровольно условия, необходимые для раз-

вмѣстѣ съ тѣмъ подобны, ибо самыя эти условія вхождутъ въ составъ блага; однакоже эти образа различны: они представляютъ благо - одинъ образъ со стороны его абсолютнаго характера, а другой со стороны характера условнаго, - и всегда должны быть отнѣсены въ социальной жизни, гдѣ общественная власть не захватила себя того, что прииде все принадлежатъ къ области индивидуальной жизни - совѣсти.

Такимъ образомъ представимъ философскаго вовада, или нашимъ тотъ образъ существеннаго блага, который, въ некоторомъ смысле, есть именно противоположные образу праведности, но который влечетъ въ себя составленъ образъ полный или цѣлостный существеннаго блага и осуществленія челоѣческой предкачествъ. Это тотъ второй образъ, стель важный для жизни, и называется правдой.

И такъ право есть совокупность условій, зависимость отъ свободной деятельности челоѣка и подчиненный для существеннаго блага, составляющаго роль челоѣка и общества. Такимъ образомъ право не есть отвлеченно, не существуетъ само по себе, но оно должно быть направлено къ тому благу, условій осуществленія и сохраненія, котораго и пользованію потому что оно регулируетъ благо, которое существуетъ, и въ виду вещей и каждаго, наоборотъ въ тѣхъ условіяхъ индивидуальнаго и общественного блага, - вотъ это и есть право, а право, какъ правило въ исполненіи, называется истиной, правосудіемъ.

Понятіе о правѣ принадлежитъ къ ряду идей, называемыхъ нравственными; потому что эти идеи представляютъ условія, а priori, и что они представляютъ несовершеннаго и неполнаго или существеннаго. Эти идеи суть принципы, основы вещей дѣланий и вещей фактовъ реальной жизни. Такими идеями истины, красоты, правды и справедливости. Эти идеи принадлежатъ въ возможности во всякомъ челоѣкѣ и составляютъ роль челоѣка существо челоѣка: они суть первые элементы жизни, - светъ, который бьетъ или светъ освѣщаетъ и руководитъ всякой жизнью челоѣческой. Въ челоѣкѣ эти идеи право представляютъ ту обязанность, что оно существуетъ только въ жизни и для жизни. Въ отношеніи то къ жизни и къ установленіямъ, идея права открываетъ связь въ тѣхъ главныхъ фактахъ:

1) всякий сознает в себе способность звать и осуществлять то, что не справедливо; эта способность не есть свободная, а только свободное применение силы. 2) Мы имеем также приращение судить о существующих законах и учреждений по тому понятию, впрочем или совершенному, полному или неполному, каки они есть составили о справедливости; это показывает, что мы, в своей совести, не смотрим на существующий закон, как на положительную причину справедливости, а подвергаем все существующее суду нашего ума. Наконец 3) как положительный вывод из предвещающего, а не предвещающего, то бы признания или не справедливо в душе нашей есть приращение в душе, стало судимое и совершенней, которое следует отсылать в закон, и чтобы оно служило основой новых учреждений. Эти три факта свидетельствуют, что идея права является в нашей сознании принципиальное, стоящее выше опыта, и применимое, которое все осуществляется в нашей сознании.

Далее, наше сознание свидетельствует, что правамы мы называем отношение между людьми существами, особенно между одаренными умом и свободой. Первоначально является коллективное отношение, между людьми как равенство обнаруживает просто отношение / в праве/. Это отношение есть по крайней мере отношение взаимности в том, что должно отсылать. Но то, что должно отсылать, - это и есть благо. Следовательно право представляется сознанию как отношение взаимности или принципов блага.

Благо можно рассмотреть с двух точек зрения: 1) как благо само по себе или как содержание человеческого существа, и 2) как благо в отношении к форме, образу. В положительном отношении благо также двояко соответственно двух указанных образом своим осуществлением: благо в отношении к содержанию, к мотиву; руководящему движению и благо в отношении средств и цели, подлежащих для его осуществления, по линии широкого и узкого содержания движения. И так благо само по себе представляется в отношении образа своего осуществления, в двух указанных образом, и в том, что только одна устанавливается правительством другим, а правами.

Также мы намерены в этом высшем единстве для нас права и правотворчества. Теперь нам легко определить иль общую основу, иль разделение и иль отношение.

Всякое человеческое действие едино в своем принципе и в своем последствии, от его начала и до конца. Оно едино в отношении к объективному принципу блага, иль оно или благо или неблаго. Оно едино к объективному принципу правотворчества, иль оно право или неправотворче- ственно. Нет такого действия, кото- рое не представляется бы в itself или другим ха- рактером, потому что благо и правотворчество одни- маются все жизни все жизни человеческой. Отсюда следует, что нет никакого юридического акта, ника- кого юридического отношения, которые не были бы в та- кое время правотворчества или неправотворчества, блага или неблаго. Однако же есть и различие между ними, а именно:

В правотворческой области принадлежат все действия, поскольку они имеют достоинство сами в себе, поскольку иль достоинство должно быть объективно собствен- ным и поскольку иль субъективный характер заключается в на- ших или мотивах, чувств и безответности с од- ной стороны, виновности при иль совершении. На- против, в юридической области принадлежат все дей- ствия, поскольку они суть условия бытия и развития инди- видуальной и поскольку осуществление этих усло- вий должно быть независимо от доброго или дурного намерения. Иль достоинства относительны: они зависят от индивидуальности или общественной власти по иль вышнему последствию.

Все различия, существующие между правотворче- ством и правом, могут быть приведены к следу- ющим пунктам.

а, правотворчество смотрит на мотивы, по ко- торому совершено действие, а право смотрит на действие само по себе; правотворчество рассматривает действие прежде всего в его истинности, а пра- во в его последствии.

б, Правотворческие понятия абсолютны, несуетны, независимы от места и времени; юридические правила относительны и индивидуальны, потому что условия существования и развития инди- виду-

нельзя выводить ее безусловно, с юридическим догматом, с правами. Есть сомнения, и основной принцип права также не безусловен, впрочем: он всегда и всегда налагает обязанность осуществлять условия, необходимые для человеческого развития; но сами эти условия разнятся в зависимости от разнообразия природы и индивидуальности и народов.

6, Совет есть единственный судья правотворчества, но так как право имеет быть только в том, что реально существует, то имеет и должно установить такие социальные законы, которые применяются бы в соответствии с властью для этой цели установленной.

7, Отсюда следует, что исполнение юридических обязанностей имеет быть требованием, в случае необходимости, и посредством принуждения: оно принудительно. Впрочем этот признак, отличающий право от правотворчества, есть признак второстепенный, потому что различие между ними существовало бы и тогда, когда человеческая правотворчество была бы стала совершенна, что все же принуждение оставалось бы необходимым.

8, Наконец учение о правотворчестве есть наука формальная и субъективная, ибо она смотрит прежде всего на личность субъекта, обнаруживающего свою правотворчество; напротив, учение о праве, рассматривающее действие и отношения самих людей, есть, в этом смысле, наука преимущественно объективная.

Мы не говорим, что правотворчество относится к индивиду, а право к общественной жизни, тем, что право есть правотворчество, примененное к обществу, потому что и право и правотворчество относятся равномерно и к индивидуальной и общественной жизни человека.

Мы не допускаем также того, будто правотворчество существует только для духовной жизни, и лишь только как право относится к человеку, как существу и физическому и духовному существу, потому что человек должен обладать правотворческим и свои физические отношения.

Равно отвергаем мы воззрения, выдвигающие в разрыв между правом и правотворчеством только что простой вопрос времени и человеческой культуры.

туры, - воззрение, которое смотрит на право, как на ту безличную расширяющую часть правственности, которую приливает общественная совесть за действительно произошедшим в обществ, и исполнений которой можно требовать, во сиречь природы, далее. приращивания. Различие между ними основывается на фактах свойствах, которые не могут быть индивидуальными.

Но этой же природы мы также утверждаем, будто прилив бытия права заключается во управленности несовершенств или надежд человека, и будто юридический порядок быть бы бесполезен, быть бы без объекта, если бы все сознавали и исполняли свои обязанности правственные, потому что право имеет основу в присущей человеческой природе неразрешимый элемент, - в той природе, которая всегда ставит различие между человеком и абсолютными существами. Право никогда не разрешится в правственность, как не разрешится управленность в религию, религия в философию.

Отношение, существующее между правами и управленностью, имеет быть обратным индукцией.

а, Все, что повелевается или запрещается правами, повелевается или запрещается управленностью, потому что управленность включает в свои обязанности все юридические правила и деяния, придавая им силу санкцию. Управленность предписывает человеку, как нечто должное, исполнить свои обязанности, не только во виду внешней власти, которая имеет принудить его, но прежде всего во доброй воле, свободе. Эта санкция юридический правый, функциональный управленностью, не уничтожается, впрочем, юридического или характера, точно так же, как и внешняя санкция, придаваемая им религией.

б, Но не всё, что повелевается или запрещается правами, повелевается или запрещается управленностью. Это не значит, будто право имеет за-прещать то, что повелевается управленностью, или предписывать то, что ею запрещается. Но так как управленность, по своему формальному характеру, имеет права, то прежде ее единичность, в ее единичности это-

раны, все юридический смысл, между тем как обоем права, не столь широкая, относительная. не в форме, содержания мысли, не касается вовсе правительственной власти. Во этом смысле все правительственное, но не внутреннему историчности, не имеет в себе сущности права, право не занимается или, и не имеет ни предписывать или, ни запрещать. Для выражения такого различия между правительственностью и правом, мы утверждаем, что право дозволяет то, что воспрещает правительственность. Но это выражение не точно, потому что дозволение предположает нечто, средство между правом и истинным, правительственностью не дозволяет, между тем как права не исключает и не в каком отношении с такими различиями; оно не чуждо, оно не существует для права, оно не признает его, оно в его области. Можно развить мысль скажем, что право дозволяет то, чему оно не воспрещает, так как право дозволяет в каждом правительственной свободе.

Изъ изложенных нами замечаний о различии между правительственностью и правом и об отношении между ними очевидно оказывается, что нет между ними противоположности: не имеет быть ни правительственности несправедливой, ни права бесправительственного. Изъ области юриспруденции и философии, но исключают между собой в многозначности и двойных отношении. Правительственность и право ведут к одной цели, к утверждению личности человека и общества, но путем различия. Правительственность занимается утверждением внутреннего смысла, как историчности, а право, дабы обеспечить для жизни средства к ее развитию, требует или не зависящими от доброй или дурной воли индивидуальности, что служит гарантией правильного хода общественной жизни. Мало того, право, которое по установлению от правительственной власти полагает жизнь свою, помогает, с своей стороны, развитию правительственности, потому что правительственное утверждение существенная цель человека и общества, и это право, доставляющее всем чужим жизни средства для их существования, должно также предлагать и индивидуальности и общественной условия для удовле-

своей нравственности. Жажда права и нравственности
 властно себя поддерживают; раздвоенный или еще
 сомнамбульный, они произведут беспорядок в обществе;
 раздвоенный еще и соединенный, они суть два источника
 всякого истинного прогресса.

2. Право развешиваемое в симметриче-
 ской точке зрения.

Антропологический анализ одв историче- и при-
 рава принципа права привел нас к понятию то-
 гому, которое доводит нас к понятию, во всем об-
 щественных отношений, своего рода отношений, уста-
 новивший правды. Правда представляемая нами как
 основная идея, которая вытекает из человеческой при-
 рава, развивается и завершается в обществен-
 ной жизни. Но единичный или двойной человек удовлет-
 ворять / только психическому / горю; философий
 еще, стараясь привести все принципы, властвующую
 в разный науки, к принципу справедливости, ко-
 торый один только человек представляет равенство и
 равенство между всеми операциями вещей, дающая воз-
 возмущает и к верховному историче- и идею права, да-
 бы лучше определить связь между наукой права и все-
 ми теми, науками, которая находит себя приме-
 нение в жизни. А потому мы востановили анали-
 тический анализ симметрическим сравнением

Право, относясь к чужой стороне человеческой
 жизни, чуждается природою, конечно, ограничен-
 ной, чужда и чужда. Если бы человек гов-
 ать сам себя, не осуществляя с другими суще-
 ствами, которые живут и развитие предмета-
 ный в его собственном существовании, то прав-
 да не была бы в принципе применима; она огра-
 ничивалась бы регуляцией внутреннего отно-
 шений личной жизни, которая была бы неизбежно
 совершенной. Но правда, в жизни ограниченной и
 чуждой, есть преимущественно принцип
 взаимного покаяния и взаимности. Постав-
 ленные один над другим, т. е. противоположные
 друг другу, люди эти взаимно зависят друг
 от друга и должны удовлетворять своим
 чтобы каждый мог убедиться о себе собственной

жизельности, и чтобы пониманы вобщей или единич-
 ности. Это отношеніи единичнаго и обще-
 ства есть отраженіе всеобщей жизни. Все во все-
 ленной связано и находится во взаимной зависимости.
 Никакое существо не может жить или развиваться
 изолированно. Вселенная есть организм, который каждая
 часть составляет в свете со всеми прочими частями
 и исполняет отправленія ведущія къ одной и той
 же цели, къ сохраненію /общаго/ порядка и гармоніи;
 всякое отдѣльное существо охраняетъ собственную сферу
 въ общности и въ солидарности всеобщей жизни.

Вселенная дѣлится на двѣ главныя части или обла-
 сти, находящіяся между собою въ связи, соединенныя од-
 ними для нихъ верховными принципами, но такъ что
 каждая развивается закономъ, вытекающимъ изъ ея
 свободной природы. Область духовная и область физиче-
 ская неразделимы, но различны одна отъ другой, и
 управляются преимущественно: одна законами разво-
 димости, которыми не могутъ противиться индивидуальное суще-
 ства и которыми можно или нельзя удовлетворять не можно;
 другая — правительными законами, которые относятся къ
 духу и свободѣ людей; которые могутъ быть не понимаемы,
 нарушаемы, душно принижаемы, такъ что это одно мо-
 жетъ противити замѣшательство, безпримѣрно въ жизни
 индивидуальной и общественной. Но область физическая
 и правительная устроены такъ, что они находятся
 въ связи между собою: одни и тѣ же основныя законы уп-
 равляютъ ими, и только принимаютъ различный ха-
 рактеръ въ своемъ примѣненіи къ этимъ двумъ раз-
 личнымъ областямъ. И вотъ это-то единство центри-
 ства вселенной въ этихъ двухъ областяхъ ея; это
 связь между этими частями; эта гармоніи обезпечиваю-
 щая индивидуальность всякаго существа и разнообра-
 ніе между ивъ видами всеобщими ивъ единичными; эта
 постепенность въ твореніи, начиная отъ перваго заро-
 дка жизни и до человека, который своимъ умомъ
 постигаетъ и первоисточникъ жизни, причину всего существу-
 ющаго, — все это свидѣтельствуетъ о единствѣ верховнаго
 существа, безконечнаго и абсолютнаго. Это существо
 ни есть субстанція не подвижная и слѣдая. Будучи
 истощивъ ума, она должна быть безконечнымъ
 умомъ; будучи истощивъ нашей воли и нашей мо-
 вѣ, она должна быть емомъ и любовью безконечною.

Богъ абсолютенъ, но въ мирѣ все относительно и условно. Эта условность, которая присуща природѣ соответственныхъ существъ, дающая исказываться во время проявленія или жизни. Такимъ все движется, все связывается, все условливается, вездѣ и всюду; вездѣ Богъ, какъ существа живое и разумное, какъ Творившій, вливающимся во всеобщую жизнь, дабы обезмерить вездѣ разумныя существа вообразеніи цѣли, или указанной. Правда, Богъ даетъ каждому или нить средства, сообразная цѣли и организмія; но эти средства, состоящая въ силѣ или способностяхъ, могутъ быть употреблены конечными существами и даромъ и дурно. Потому, а также и для сохранения порядка и всеобщей гармоніи міра, которые могутъ быть возмущены тѣми употребленіями. Богъ оберегается исполненіе законовъ, отъ него происходятъ законы. Будучи вливающимъ истощающимъ всекаждому, Богъ есть вездѣ и организаторъ всякой жизни, какъ Мировецъ существа конечныхъ и конечныхъ, онъ порождаетъ какому средству мысли и разумна, сообразно его естественной природѣ и митя въ видѣ всеобщей нити міра.

Эта Божья деятельность называется правдою; это действительность всеобщая, совершающаяся какъ въ физическомъ, такъ и духовномъ мірѣ, и проявляющаясь въ природѣ. Богъ сообразуетъ все въ правдивомъ отношеніи; повелеваетъ вездѣ въ пространствѣ по индивидуальнымъ законамъ видения и организационной жизни; въ этой сферѣ действительности Божественная воля однообразна, волею обаяна, волею непрерывна, соизволенъ съ характеромъ, свойственнымъ природѣ. Въ порядкѣ духовномъ Богъ, создающа существа свободныя, ставитъ нить свободными поступитъ принципы во вездѣ сферѣхъ бытія, соблюдая самъ себя, митя своей природѣ, управляетъ индивидуальными и общественными по законамъ единаго, гармоніи естественности и условности. За тѣмъ также, чтобы и устройству нить жизни было преимущественно вездѣ нить нить свободы. А потому Богъ вездѣ вездѣ въ естественномъ порядкѣ тѣмъ потому, потому допустить то свобода разумныхъ существъ и все располненіе или жизни. Даровать каждому силу познать истину, добро и правду, какъ Божественная идея, по которой Богъ располняетъ все, Богъ также устанавливаетъ и идею общественнаго устройства, на основаніи

правды, какъ поспраду за нихъ чужимъ, какъ поспраду чужимъ
 имъ постепеннаго совершенствованія. И на этойъ пути
 къ пониманію и приобщенію правды, болше и болше совер-
 шенному, приходитъ великой, въ связи вещей и частей,
 въ единствіи вещей существъ къ общей имъ чужей надъ об-
 щими имъ законами, множить существа и обращаетъ и
 величье руководителей, ведущему духъ къ первому ис-
 точнику права, къ высшей правды, въ сферѣ
 фритическомъ и нравственномъ проявляющійся.

Итакъ понимаемая правда есть идея Совмествен-
 ная, абсолютная, вѣчная. Проявленная пониманію
 чужей въ возмужности, она свидѣтельствуетъ о един-
 ствѣ духа намеръ въ собой; какъ чужей разумной сво-
 боды она открываетъ, проявляетъ устрояющую силу
 человека. Разсуждаемая въ этой высшей морали зря-
 ній и понимаемая въ единствѣ общественной она вод-
 влечаетъ человека надъ самимъ собой, освобождаетъ его
 отъ чужой индивидуальности, поставивъ его въ един-
 ственное общеніе со всеми владущими существа-
 ми; наконецъ она придаетъ вѣстную санкцію вѣстнымъ
 законамъ, вѣстнымъ учрежденіямъ, побуждаетъ ихъ единство-
 вомъ исполненію всеобщаго предназначенія, установленнаго
 Провидѣніемъ, и такимъ образомъ приводитъ насъ въ
 единствію и въ существованію человека, къ единству

Редеръ / H. D. A. Röder, Grundzüge des Natur-
 rechts oder des Rechtsphilosophie, 2e édition, Leipzig
 1860-63, два тома.

„Такъ называемое естественное право или философія
 права должна вести насъ къ прочувствованію тѣхъ по-
 нятій о правѣ и государствѣ, которые независимы
 отъ времени и места, отъ случайности и произво-
 ла, и которыя неизмѣнны, какъ неизмѣненъ чужей и
 его идеи.

„Для общепонятнаго рѣшенія такой задачи, приему-
 щественно необходимо признать все, что о правѣ и
 государствѣ, въ ихъ связи съ существомъ и единствѣмъ че-
 ловѣчества, вострагается какъ фактическия прозрѣнія,
 въ нашихъ востаніяхъ, при безпристрастномъ его изслѣ-
 дованіи; но потому неслѣдуетъ имѣть въ виду предубѣ-
 жденія этого внутреннею опрѣделенія, а также и тѣхъ востан-
 ній данныхъ единствѣ, къ которымъ относятся сдѣланныя

ные идеи, т. е. вышедший опыт, можно вывести и править всеобщий понятия и основные положения, составивший предмет нашей науки, - потому что только таким образом возможно твердое, внутреннее и внешнее, прочное субъективно и объективно обоснование этих идей права и государства. На метода, так называемый субъективно-аналитический метод, который один только способен привести нас к принципу нашей науки, касаемся поэтому наш единственно целесообразный и для предметности опыта / социальный /."

" Если наука должна передать нам основные правила как организовать физическую жизнь, - правила, которые соответствовали бы всем ступеням жизни и всем бытам, здоровым и болезненным, постыдным и прекрасным, - то она должна быть построена на знании всей природы человека, как разумно-чувственного существа, со всеми его существенными способностями и силами и на знание его развития."

" Если мы с точностью станем извещать, что мы, в наших сознании, представляем себя под понятием о праве, то мы заметим следующее: под правом без сомнения мы представляем себя определенное свойство жизни, определенности и определенности, существующее разумность т. е. так, как, которые сознательно самоопределяются в определенности по чужим; мы требуем от всех людей, живущих на этой земле в невольном судении, чтобы они были разумно живя, а с тем же вместе, чтобы они устроили свое личное отношение друг к другу так, дабы это отношение имело то определенное свойство, которое называется правом. В этом существующем отношении, требующем при всех обстоятельствах; во всех возможных случаях, от всех людей как таковых, без различия, существующим по этому необходимому преданию, как для человеческого жизни, и при этом вот что должно возникнуть у нас."

" 1, Это понятие о праве в отличие от ответственности, почти всегда требует определенного соотношения внешнего с внутренним, именно такого взаимного соотношения многих разумных существ друг к другу, с которыми все они связаны взаимно"

невынужденно основу нашей жизни, называются законами естественными или законами необходимости. Напротив мы признаем, что право относится к этике, и по-этому она до сих пор имеет такую, а не другую историю, и так и имеет долгую историю, безусловно-необходимо, а следовательно сама по себе, независимо от человеческого действия, для того, чтобы вообще могла существовать, а по-этому она во времени изменяется, и при том в своей организации зависит от свободы самоопределяющей человека во внешнем, чувствования и деятельности. Но создавая таким образом в нас самих принцип определения нашей деятельности для формирования нашей жизни, как вообще, так и в особенности в отношении к праву, мы в то же время находим, что то, к чему мы хотим и не вынуждены /физической/ необходимостью направлять свою волю, мы к чему мы одинаково можем и /привольно/ должны направлять ее, именно добро вообще и право во действительности, не есть нечто чисто произвольное, но есть нечто требующее нашей естественной природы человеческого, от того нас и на все другие наши; есть нечто существенно для всего равновесия всей нашей свободной деятельности; следовательно, есть закон равновесия для нашей свободной воли, закон свободы или воли."

"А потому как верно то, что право имеет быть действительно только посредством человеческого действия, а следовательно, что оно есть определенная форма для нравственно свободной воли, так и именно верно и то, что оно есть часть всего, что свойственно нашей природе, т.е. что существенно для достижения цели, или выполнения предположений нашей духовной и физической жизни, а следовательно что для нас есть добро, и что потому должно быть вообще действительно во жизни свободной самоопределяющей. Чтобы мы вообще имели добро и этики добро, потому именно, что это добро, следовательно добровольно и безнравственно, — по этому именно вообще требование нравственного или практического закона. Но таким образом можно и нравственный закон обращать к душевному настроению /Gesinnung/ человека, как так называемый субъективный закон, с определенным требованием, — со-

ди право и поступай правомерно потому только, что это право, следовательно потому, что и исполнение права есть одна из обязанностей. Право является с этой стороны, подчинением правящему закону, т. е. всему высшему закону действующему, поскольку право есть определение добра, которое должно быть воспринято в себя свободно волею, и поскольку следовательно обязанность в правде и справедливости принимается / только / на часть всего высшего добра. И так же право должно состоять чисто ради его самого, как такового, не ради обязанности воздающей право, потому что это право и это, как таковое, принадлежит волеи свободной, волеи или разумного предположения, т. е. потому, что оно есть условие существования этого предположения; равным образом право должно быть воздано каждому без исключений, не смотря на личность, но не ради воздающего, — не из благодарности, потому что ему так же трудно, тяжело или удобно; не из милосердия, благоволения и милости, или приверженности и предпочтения или какого-либо отягчения, как страсти, как пристрастия или личной или из упрямства / *stat pro ratione voluntas* /; так же как пристрастия понадеявшись видяща довести не делая того, что наказание принесет, судить быть, как-нибудь взыскать вылату или удовольствие обидчивому и т. д., и не потому, что преступный предвидит какой-либо вред. Судя также смотря на право свободно, как на дарение по милости *pro deo* по имени / *Lenz, Ueber die geschichtliche Entstehung des Rechts* /; или как на религию знания / *Jhering, Geist des römischen Rechts* /; так же необходимо держаться с истинной силой права в правдивости, а следовательно и внешне относительного безусловного требования со стороны правящего закона в отношении душевного настроения / *Berlin* /; требования как отвлеченная не равносильному, так и по великому добру и справедливости.

«Тогда то только, что учение о правдивости и о справедливости налагает на нас обязанность правды и справедливости; т. е. предельно от нас, чтобы мы осуществили добровольно право и из чистой ответственности, а не из страха или наказания, или еще никоим образом не ущемляя, волею волею»

право, следовательно, что мои должники должны, по чему
они должники направляют свои воли, дабы оно осуществ-
ствилось. Делу этому недостаточна сила сама
лучшая воля, самое чистое душевное настроение / Jesin-
pingu/, а недостаточна помянутого, что само по себе
есть право, или что есть право само по себе, что оно
есть по своему содержанию, объекту. Но как впрочем
то, что право не есть дело человеческого произ-
вола, так же не имеет впрочем и то, что это поня-
ние не может быть погрязнуто или же быть пред-
видено, или же воли всей общества, хотя оно и дол-
жно быть ведомо только из самих движений от-
ношений, в которых право дано божие-
ственным решением, оно требует своего призна-
ния, как неодолимое разумное проявление дел этих
отношений. Ничего не впрочем того, что дабы вообще
возможна была разумная жизнь во обществе совершен-
но неодолимое тот же высший порядок человеческого
дела, который мои представляется себе под иже-
нием права; а поэтому он должен быть осуще-
ствляется и охраняется, все равно: пойдут ли от
неодолимости отдельные люди, или которые или мно-
гие, и хотя бы они этого порядка, или хотя бы да-
же как бы не было иже непригодности и утвержде-
нием этого порядка, то объективно является при
исполнении наказательного права. Ничего не вопро-
ситель, что приведение в исполнение права дол-
жно быть вообще независимым от случайного прив-
ного настроения воли, следовательно, что во слу-
чай нужды, некому это возможно, смотря по ка-
честву известного юридического отношения во си-
лу чисто объективной основа права, право может
быть приводим в исполнение даже посредством
правосудных учреждений, ибо если ма-
гистры будут судить, пока все же будет пред-
но самим судить или не делая то, чего
требует право, то ясно, что при том же или во-
се не имеет соответствия чужие во общества или
чужие будут не истинно страдают от этого."

"Трагично, которое чужие иже дел нашей
ответственности, дел то, что бы право вообще, сколь-
ко это от нас зависит, было охраняемо
и исполнено посредством образцов, дающих

Быть выводимо совершенно независимо от нашего я, из внутренней сущности предмета, т. е. из права самого по себе. Из обязанности других есмды право истекает только, то же было бы возможно юридические принуждения для защиты себя, например, от феодализма и детей, ибо хотя они имеют сущность, а следовательно правоспособность, но не имеют способности к обязанности. Следовательно, это должно определить и надлежащее направление обязанности, но ее существованию едновременно, и сперва решить вопрос, в чем состоит это содержание; что это когда забывают, это, между прочим, объявляется тем, что в самом деле и чаще о праву, не имеет как и чаще об обязанности, предполагать для всего обоснования знания существенных задач и целей человеческой жизни, излагаемое этикою, наукою искусства жизни / *Lebenskunstwissenschaft* / и что оба вышеназванные учения могут быть развиты только в свете об этикою."

" Упомянувши нами, что право есть определеннейший, объективный и внутренний субъективный закон, действующий свободной формой жизни / *Lebensgestaltung* / разумного существа."

" Теперь остается еще развить вопрос о содержании этого определенного субъективного отношения, которое мы должны осуществить в жизни как право."

" Наше сознание говорит нам, что мы надеемся правом самим по себе, но его содержание или предмету, представляем себе определенное отношение человеческой жизни к действительности и необходимости, которые есть разумно-необходимые, а следовательно составляют часть нашей жизненной задачи. Но так как всякая часть должна быть только в свете об цели, к которой она принадлежит, то очевидно, что важнейшее исследование права и юридического порядка предполагает, что поперек зрения себя, что вообще должно быть задачей всей жизни как индивида, так и общества, или человеческой предметности."

" Цель, в которой мы видим разумное назна-

чение нашей души, и на которую несомненно и требовательно указывает вся наша человеческая сущность, состоит просто в том, чтобы мы были помыслимы истинными людьми, т. е. чтобы мы так ощущали себя в жизни идею человечества, как это составляет нашу свободу; другими словами, мы должны развить и прилагать все способности и силы нашей души и тела сколько возможно полноте и равносильности, и при том не только в отношении к себе самим - внутреннее предположение, но и в отношении к прочим людям и к природе, и наконец к самому Творцу и миру - внешнее предположение."

"Если мы будем рассматривать некоего человека и все задану человеческой жизни, или разумное предположение человека, по его содержанию, то мы знаем, что оно заключает в себе систему отвлеченных действий и целей, которые достигаются только посредством себя мысленно, как нечто существенное для жизни человека и человечества, т. е. как нечто такое, как благо для жизни, а исполнение всего человеческого предположения как добро, как истинное благо для себя и каждого, так, что они имеют природу, как принимают ее, так и воздают другим и ему удовлетворяют, сколько это до них относится. Но содержание того, что в этом отношении для нас возможно, и от нас требуется, определяется вполне всяким его содержанием и исполнением, вообще и вообще, человеком и природою."

"Богословная, заключающаяся в благом и добром и в том или основные принципы / Grundwesen / состоит в том, чтобы мы представили себя мысленно Богу и миру, так как они суть в действительности; следовательно, чтобы мы понимали все существа этого мира, во их высшей, непосредственной или общей основе в Боге, чтобы познавали истину, и это познание как чувственное, так и интеллектуальное, судимым в науке, как истинное, потому что все знание разумного порядка мира, т. е. законов, по которым основывается вся жизнь всего существа, по всем законам

как Творца, устроителя и хранителя мира, или
 великой роль повергаемая опасности не ждали
 вторгаться в этот порядок, а следовательно ин-
 тересу ему или же действовать на него погуще-
 тельно, и таким образом злоупотреблять до-
 стоинством свободного волепроявления; ибо этот дар, по-
 лагающий нас в некотором образе выходящим
 творений, без сознательной воли быть данъ намъ
 только потому, что мы имеем соединены къ
 естественному знанию и следовательно къ действитель-
 ности, свободной от сущности мира."

"Со этимъ находится въ своей дальней-
 шей задаче, относящаяся къ искусству или творче-
 ской способности: действительно прилагать и къ жизни
 добытое знание, и при томъ свободно от законов
 естественной жизни. Самые же искусство и волепроявление
 правлены къ достоинству и выполнению существенного,
 действительного, безконечного въ возможности, единичного
 раздельного образа - иными словами, искусство, именуя
 оно искусство смиряться до того, что оно будетъ
 действовать какъ такое же усугубляющее дей-
 ствие средствъ къ выполнению чего-либо другого, су-
 щественного для жизни, т. е. для другихъ жив-
 ныхъ существ - полезные искусство / сельское хозяйство,
 промышленность, торговля /; наконецъ искусство ио-
 суете быть влиять и извлекать и полезный
 / какъ и при строительстве /; выше всего вида отно-
 сившаяся виды стоит, безъ сомнения, искусство обра-
 зования человека, обучение и воспитание, также само
 образование духовное и телесное во всемъ отдели-
 тельно и искусство самобытной жизни - искусство жизни
 вообще или этика; всеобщая взаимная часть послед-
 ней составляетъ искусство права и государствен-
 нымъ политиком."

"Наконецъ, что касается до философии, т. е. до то-
 го, какъ образы жизни совершаются вей тел-
 естною действительностью, то эта философия зависитъ
 отъ тройного закона, съ которыми находится въ
 связи три дальнейшихъ задачи: 1) все люди, при
 всемъ, о чемъ они думаютъ и что они делаютъ,
 должны помнить о своемъ вей своей жизни и
 деятельности, во всемъ отношении, отъ Творца;
 следовательно во вей время, они должны быть
 внутренне исполнены благодарности и благодарны ста-

роится всю жизнь свою устроить наведение и реализацию в благополучной красоте и достоинстве. 2, Все должно хотеть и осуществляться то, что они считали как существенные для человеческой жизни, или как добро, т.е. должны быть нравственными. 3, Все должно направляться по тому порядку человеческой жизни, который необходимо учитывать в жизни и условиях жизни конечных существ, т.е. должны уважать право и приводить его в исполнение.

» Воля способна быть совершенно чистой и доброй, когда она приводит к тому, что мы должны существовать в жизни в том, что это имеет своим истинным и вполне человеческим, дружеским содержанием, — в существенном содержании нашей жизни, в добру, которое мы должны поставить перед собой постоянной целью. Этика, т.е. учение о добродетели, если мы будем рассуждать о добродетели по своему разному содержанию, — учение о благой жизни человеческого существа, по которому они должны существовать в воле, следовательно, быть целью и мотивами нашей деятельности, — есть объективная основа всякого учения о воле, потому что всякая попытка научить нас, как мы должны поступать в жизни, при которой / попытке / мы вообще не можем обратиться внимания на это существенное содержание жизни и воли, на то, чего мы должны хотеть, — такая попытка, очевидно, будет содержать в себе внутреннюю противоречие: такое учение о воле, как если оно указывается Кантовским учением о нравственности и праве, непременно будет совершенно пустым / без содержания /, формальным и ни к чему не ведущим, так что наконец придется поставить в зависимости содержание волепривлечения главным образом от неидеального и никакого твердого оснований благоумопреждений, напротив, каждая воля есть истинно справедливой волею, это означает волею введено только в сущности самого права. А потому хотя Этика и занимается преимущественно реализацией, нравственностью и правом, как ставившим формальным содержанием жизни; однако же никак не следует ограничивать ее только этикой; напротив, она должна вместе в собою

объект все основной духа / Grundwesen / или чь-
 ли души, который должен быть выполнене духа
 образом, в этой форме, потому что только при-
 ная или в соответствии, можно сказать, как
 следует осуществить или судить сам. Сутью,
 истинная жизненная мудрость, в которой должна
 привести нас науки об искусстве жить или эти-
 ка, распространяется на все важные для жизни
 мысли, поэтому роль идет об их соотношении
 с объективностью выполнения и в отношении
 для этого произведения сам в действительности."

"За твоим автором поставлен вопрос и по-
 шествие его следующим образом: В чем со-
 стоит та сторона или та часть всего / челове-
 ческого / предназначения и всего сознательного в нем
 порядка человеческой жизни, то жизненные отно-
 шение, для которого мы употребляем слова -
право и юридический порядок?

Зная несовершенство вещей конечных разумных
 существ и на нем основании потребности в
 в самоусовершенствовании и в помощи ему, нем
 воспоминания его, мы знаем также, что следует
 для удовлетворения этой потребности нашей при-
 руды хотя каждая прежде всего должна искать
 в самом себе, т.е. в своих способностях, вы-
 тренивших сил, но в то же время он как
 часть высшего мира вынужден в действительности, он
 должен искать / средств / и в отношении к другим
 и во всех прочих частях его, который следо-
 вательно предназначен одна для другой - и который
 образом по взаимному воспоминанию, самодвижению,
 в расширение области его свободы; другим слова-
 ми, мы видим, что наша жизнь во всем ее
 отношении и условия зависят не только от
 внутренних условий, в смысле твоей связи
 с остальным миром духа и тела, но в отношении
 и от внешнего мира, в смысле настоя-
 щего внешнего отношения, в котором состо-
 ить наше внутреннее, от всего, что нахо-
 дится вне нас, и от людей. Сутью, живо-
 расчлененной целостности представлять целый

соответственно надобности или абсолюта расцени-
вая целостность разнородных внешних и внутрен-
них условий, которую необходимо для того, что-
бы люди и все человечество могли выполнить
свои разумные предположения!

„ Если мы посмотрим на силу, посредством
которой существуют условия нашей разумной
жизни, то мы найдем в них следующие ос-
новные равения: 1, или эти условия нашей жизни и
их цели вовсе независимы от свободной воли,
т. е. это такие условия, приличия бытия кото-
рых лежат или в законах мышления, или
действующих независимо во всех временах одинако-
вым образом, которые законам подчиняется
все бытие и жизнь, как в духовном, так
и телесном мире, — во так называемой при-
роде вещей. Все эти условия без исключения
даются сами собой. Большею частью и в мире до-
ставляют так называемая вивиская природа
или природа в телесном смысле, например, свет
и тепло, воздух, вода и земля, все эти и другие
называемые живыми и неживыми произведе-
ния; если бы природа не давала нам пищи, то ни-
какая человеческая сила не в состоянии произ-
вести эти природные условия. Во отношении при-
роды, без сомнения, не может быть и речи
о праве на то, чтобы она доставляла нам
эти необходимые от нас условия человеческой
жизни, если она и не доставляет нам ни ко-
торых из них, напр. по случаю невроза;
равно не может быть речи о применивой нам
природе неправды, ибо слово право и неправо-
миность имеют только тогда и потому, где и
покояны воля может быть велика как
причина жизни и следовательно мо-
жет быть велика во отношении к воле тре-
бования, обращенные к ее применивой деятельности.

„ 2, Или же условия нашей разумной жизни
зависят от деятельности, определенной сво-
бодной волей людей, — словом, от человеческого
воли и человеческого действия. Ясно, что та-
кая только условия впадают в область права

а именно: как верно то, что необходимо должно быть
возможным влечение человеческого предназначения,
также верно и то, что цель обращается ко-вечной
идеи с требованиями, - в чем для нас и за-
ключается основание или правительств объедине-
ний о правах, - тогда они и для себя и для дру-
гих двисловенны так, дабы, сколько то могут
качественное восопределиение и сути, - стоишь возмож-
ным достижением всех целей разумной жизни
доставлением и сохранением нужного для того
целей и средств. Вот всекий-то раз, когда
мы встречаем такие существенные требования или
цели в состоянии существования и правлений истинно
человеческой жизни, которые цели и идеи, если зако-
нны, могут доставить друг другу, и которые са-
модовольно они могут требовать друг от друга
ради своего предназначения, все равно - будет ли оно
состоять в действительности или в ответствен-
ности, - мы говорим об ответственности прав: эти
разрешаются так, что доставлением такого целе-
вия воздается нам наше право, а недоставлен-
ие или отнятие его - приносится нам не-
право; мы требуем, как правосостояния, такого
нашего устройства и качества человеческого обще-
жизния, в котором осуществляется все без из-
вестности этих условий."

"При дальнейшем исследовании оказывается, что
этими еще не исчерпывается все понятие о пра-
вах, напротив, недоверенный факт единично-
ного индивида вольно порождает право по-
тому, что понятие о правах распространяется
еще далее, а именно - на то внутреннее
цели разумной жизни, которые могут быть
выполнены каждым для самого себя, так что,
покажи его сути. Для того достаточно, ника-
кое единичное или одиозительное лицо не должно
заступать его места."

"Таким образом право вообще, по своему по-
нятию, в отношении к выполнению всей задачи
разумной жизни или человеческого предназна-
чения, представляется как зависимость или до-
жизния от таких условий, которые должны быть

исполнены "проявлением в действительности человеческой воли, — короче, как свободный человек человеческой жизни. Со стороны же было такое всеобщее требование и стороны права: всякий долг себя и дела других должен способствовать, сколько может, достижению этого условия."

"Вообще право есть определенная необходимая отношение / Verhältniß / единичной и совокупной жизни и при том, такое качество, т. е. направление и порядок всего состояния, отношений / Verhalten / всех ко всем, как в действительности, так и в действительности, посредством которых ставятся в водородный деле всех индивидов и деле общества делить свободно со своим предположением, так как и в деле этого достигаются условия, как и деловые быть достижены человеческой воли. Хотя и в юридическом смысле, так как впрочем, только как одна составная часть всей человеческой общественной жизни, но как такая часть, которая важна для всех ее частей, столько же, сколько и нарушить право — для всего человеческого организма."

"Если мы будем рассматривать жизнь индивидов и общества, в какой бы то ни было форме ее бытия, ее отношений, напр. в браке и семействе, но только со стороны того, что должно быть вводимым или мидем, как юридические дел удовлетворений или потребностей соответствующими средствами, — а именно, в отношении или свободной личности, — то мы будем рассматривать жизнь именно со стороны права и юридическим интереса."

"Так как жизнь во всех отношениях зависит от таких свободных условий, — ибо только посредством или, т. е. посредством права, могут быть достигнуты цели и блага жизни, — то право вообще относится ко всем / ко этим условиям и благам /, хотя и не так, как прироста и условия, а как удовлетворяющее ко удовлетворяемому, или как то, без чего другое не может быть, подобно тому, как в царстве природы птицы для того, чтобы развиться в растение: земля, свет, воздух, тепло-

та, благожелательность. Право должно соотносываться с нами / в чувствах и волеях жизни /, так как средство обращается в цель. А потому право имеет силу как право, поскольку оно соответствует чувствам жизни, способствует ей, и в этом смысле само, являясь помыслим. Такое качество права, - это оно есть средство для достижения благо и в этом смысле служит интересам индивидуальным и обществу, чрез что и проявляется и само адмнеть из жизни благо. Такое существующее отношение к чувствам жизни и определение его, имеет было верно, но крайней мере тем же, как свидетельствует о том самый разумный законодательства, поособно ясно было признаваемо субъектами разумными. Это является не только из некоторых из выразений, что признают право spectat vel ad singulorum utilitatem, vel ad republicam, но и из того, что они постоянно руководились во всем юридических учреждений не турманскими представлениями, но чисто разумными соображениями, иными же в виду целесообразности."

Определив отношение права к жизни вообще, автор в особенности рассматривает отношение права к пользе, к правде, к справедливости и к счастью. Мы ограничимся здесь указанием только того, что прямо относится к рассматриваемому теперь нами вопросу, т. е. отношению права к правде.

1. Общая этическая основа права и правды.

"Всякая человеческая деятельность должна иметь в виду добро, но это бывает только тогда, когда деятельностью осуществляется существенная для вполне человеческой жизни. В этом отношении правдивая и правая сторона необходимо совпадают. И правдивость и правда, как прекрасное и великое, суть только различные определения одного и того же добра, они выражаются только различным образом, форму его выполнения; никогда одна форму не может вытеснить идеальную и быть заменена другою. Но правды выражаются не то, что именно во всем этом отношении, но помыслим нашего времени, нашего народа, нашего языка и составная часть добра."

» За толькo какъ върно то, что невольные поступки
должны быть рассматриваемы только или по крайней
мнѣрѣ преимущественно съ той или другой точки зрѣнія, а
съ известной стороны, напр. съ юридической или праввен-
ней, такъ върно / съ другой стороны / и то, что ихъ да-
же рассматривать со всехъ сторонъ, т.е. възможно ихъ
всесторонне. А потому никогда не слѣдуетъ забывать, что
никакое дѣяніе не принадлежитъ вполне и исключитель-
но къ области права, а только почасти и оно имѣетъ
юридическую сторону, равно какъ ни какое дѣяніе не при-
надлежитъ только къ области цѣней и праввенности,
вовсе не принадлежа къ области права. Вообще дѣяніемъ
слѣдуетъ считать только проявленіе въ действительности
единого и цѣльного я, опредѣляющаго волю, а различ-
ныя дѣянія — только такое дѣяніе, которое не ставитъ
дѣянія въ противорѣчіе съ самимъ собою, т.е. съ своимъ
разумомъ. Все, что нарушаетъ такое внутреннее, разумное
единство дѣянія, есть зло и всякое научное рассматрива-
ніе дѣянія съ юридической или праввенной стороны, ко-
торое съ самаго начала отрягается отъ этого единства,
противостоитъ приговору само надъ собой. Такъ какъ наука
имѣетъ лишь бы требованія со стороны цѣней и прав-
венности и со стороны цѣней о правѣ могутъ быть
даже бравадены между собой и признавать одно другое,
что первая имѣетъ дѣло только съ внутреннимъ не-
вольнымъ и волею, а послѣдняя съ внешнимъ невольнымъ
и дѣятельностью, или первая только съ душою, а послѣд-
няя только съ теломъ, или наконецъ первая только
съ индивидуальнымъ, а послѣдняя только съ общественнымъ, какъ
опредѣленная правымъ общественное праввенность,
какъ общий законъ; напротивъ и право и праввен-
ность равно существуютъ простираются и на все
невольное и на все невольное общество. Справедливо
только то, что въ праввенныхъ вопросахъ слово
каждого индивида есть его высшее судище; что по-
тому онъ долженъ подчиняться праву не слѣпо,
а съ сознаниемъ, т.е. долженъ обдумать въ своей со-
вестности, подчиняться или не подчиняться праву
тому возрѣнію всего времени и того всего или
нѣ широкаго или цѣлаго дѣятельнаго общества, какъ
тому онъ принадлежитъ. Въ отношеніи же пра-
ва проистекаетъ судище общества, а исполненіе
этого судища должно быть объективно вытекающимъ

средствами, потому что здесь вопрос идет о совершенной необходимости, основанной на строгой необходимости человеческой жизни во всем своем порядке."

2. Различие права от ответственности.

а, "Исходная точка правительственного закона состоит в том, что человек имеет определенную и внутреннюю себя, вносить независимо от внешнего, при всяком виде обстоятельств ответственность. А потому этот закон обращается прежде всего и внутренне к индивиду с требованиями, чтобы он безусловно держался существующей истины и благо жизни, как только может, поправляясь во всем к тому все свое сознание и все свои деятельности, наполняясь во всем все свое существо и жизнь; - другими словами, ответственность преследует самопредвешения со стороны человека для добра и это и единственно, потому что это добро, т. е. добровольно и безкорыстно, следовательно из совершенно чистых мотивов, а не из принуждений и не из наказания. Хотя безусловно принуждения не исключают ответственности, но они обыкновенно исключают вину не все признаки вины; например если кто добровольно делает то, что предписано под страхом наказания. Такое строгое требование, из которого нечего было вторгаться, поставившись ответственности в отношении всего Добра, а следовательно и в отношении справедливого как части добра. То, что само по себе есть добро и правильное, т. е. развивающееся по своему внутреннему влиянию на истинно-человеческую жизнь, если оно не было сделано и сделано ради самого себя, а следовательно не из чистого побуждения, не есть вина и нравственное деяние, например подписание мнимости или благотворительное возведение, исполнение только из ответственности и т. д., если же, исполнение приданной обязанности или выполнение судебного издержания или исполнения судебного приговора. Следовательно, это только отчасти Добро, вносить доброту было бы оно только тогда, когда было бы делано доброго и справедливого душевного наказания и наименее ответственности."

„Наоборот хотыне и действительность, направленные ко кому-либо Дурному самому по себе, не могут считаться хорошими, или никогда не могут иметь преимущества на похвалу истинно-правительств, только потому, что они по крайней мере по своему и по намерению Дурным представляются почти Добра и правдоподобие. Даже, хотыне и действительность, направленные действительно ко доброй цели, не могут быть хороши, если избранное для достижения цели средство Дурно, будет ли то сознательно или несознательно Дурным, потому что цель не освещает средство. В самом суровом случае, если Дурное ошибочно считает цель или средство, или даже то и другое, добрым и правдоподобным, то Дурному возмещается в его пользу, такъ какъ часть или вполне не возмещается ему в силу его Дурности, по крайней мере по отношению ко его воле считавшейся в правительственной отношении; но и в этом отношении воля никогда не может считаться за цель т. е. не может избивать его.“

„При несовершенстве всего земного, хотя никогда нельзя ожидать, чтобы все хотыне и действительности только Добра, и при том вносили добро; однако во всяком случае и то есть эти несовершенства образцов прогресса в смысле, что добро осуществляется хотя отчасти, именно или только в высших образцах, хотя и в противоположном смысле, или только внутренне по отношению ко намерению.“

„Напротив, закон юридический очень далек от того, чтобы рассматривать человека в высшей точке зрелищ-вогодной, безусловной самостоятельности; он всегда берет человека лишь и во внимание его цели в связи, только какъ часть целого, и в вытекающей отсюда взаимной определенности, зависимости или уловности. Он не считает преимущественно на то, что каждый человек и должен действовать сам по себе, а на внешних условиях, при помощи которых он в действительности это делает. Он обращается ко людям преимущественно потому, потому что они находятся в состоянии между собой в постоянном взаимодвижении, и требуют от них непременно такого отношения друг ко другу, осуществлений

такого внешнего порядка жизни, который есть юриди-
ческий порядок или правосудие и который со-
единенными силами и во всяком случае при упо-
треблении всякой необходимости. Действительно принудитель-
ные предельные - это во всяком случае было бы, как и индиви-
дуально, так и обществу, достигнуть совершенства
жизни или выполнить предназначение, если бы то,
что каждый наивно, сколько бы угодно в со-
стоянии вводить бы как бы право, все что
необходимо тогда предполагается."

"Целью же в виду эту всемерною, посредством
понятия о праве выраженной условностью одной
сущности и урегулирования, юридический закон по-
ставляет, чтобы люди поставили друг друга
в благоприятный или неблагоприятный условия об-
стоятельств, и устранить по возможности все
препятствующие тому отношения и различные
личностные положения, как например, урегулирование
общества, как постоянное ~~существование~~ в преступ-
лениях; это исходит из той мысли, что люди
будут жить радостно, как скоро все в том
будет устроено, т. е. когда иль дана будет в то-
му возможность посредством приемной внешней
помощи, что напротив, пока скоро это не по-
лучается, т. е. как скоро иль невозможна сдерживаю-
щая сила, вообще говоря, вовсе нельзя и пытаться
о жизни, второй своей предназначению, а индиви-
дуально и о правдивой жизни людей; с другой
стороны такая жизнь непременно останется
во власти *primus desiderium*, даже и при са-
мой лучшей воле индивидуальности, если она будет пре-
доставлена только иль собственными слабыми си-
лами, и если относительно того, чего они сами
не в состоянии сделать, будут они зависеть
от произвола других людей."

"Когда таким образом будет обеспечено, по-
средством права, прочное основание, на котором
можно быть безопасно устраивать личную
жизнь индивидуальности и общества, то тогда уже
дело правды, т. е. самостоятельности ин-
дивидуальности, и внутренне дело развиться сфере об-
щественной жизни, например церкви, чтобы дан-
ная возможность добра стала бы действительно-

ство чрез надлежащее поощрение этой возможности. Существа, определяемые разумными самопредложениями, не могут быть направляемы, как струны, педалью сами только в пассивном ответствии. Одни внешние побуждения — принуждение и страх наказания и надежда на награду, оказывают недостаточности. Несомненно, чтобы кто-либо был внешним образом воспитан, обучен, исправлен; можно только дать ему условия к тому, и потому ожидать, воспользуется ли он ими собственными действиями, надлежающим образом и в надлежающей мере, т. е. исправит ли он себя и т. д. Следовательно, возмозжние при этом влияние всегда остается только условным; ценить его болыше как бы будет зависить от того, были ли правильно определены данные условия, т. е. соответствены ли естественной природе вообще и индивидуальности этого именно человека в особенности."

в. "Преобладающая вынужденность права и юридического порядка"

"Право есть власть и даже преимущественно внешний порядок вещей и по крайнему случаю как таковой, как внешний юридический порядок, сь совершенно независимый для разумного мира — есть мировой закон, fiat justitia, ne recedat mundus! — А именно только тогда, когда всякий будет действовать объективно-правосудно, по крайнему случаю внешним образом, — когда бы предшествовать кистью мотивов или же не из советных кистью, напущить, из страха, самоуверения, честолюбия и проч. т. е. не будет противобидствовать своему Духу, а опостышествовать ей, — могут все существовать и процветать. Желе и такой правосудный действительность очень важна, когда она, не пропущенная из кистью мотивов, и не есть еще правительственная деятельность. Но отъ того только, что некоторые, даже елики елики поступают безправственно, и являются еще прямо невольными, свободные жить разумно и мудрое сознание; малое было бы для этой жизни, если бы человек был кем-нибудь достигнуть в ней до того пор, пока все люди не превратятся в Ангелов?"

„Должно, право должно быть осуществлено даже
 высшими преимущественными средствами, а именно, — по-
 ставив на вид награду или наказание, — именно
 в той мере, в какой само право и воздавшие
 за него есть нечто высшее. Напротив, всякое тлет-
 ельное и дурное принуждение и всякий другой нечесто-
 добрый мотив, очевидно, унизительно вносить в
 осуществление закона.”

„2. Связь права и правственности со
 стороны внутренней правды.”

„Но чтобы могло существовать право в чистоте,
 еще недостаточно осуществление права только внеш-
 него, со внешней его стороны; напротив, столь же су-
 щественно необходима и его другая, внутренняя поло-
 вина, т. е. во внешней правоте, во повиновении
 закону, должна присоединиться и внутренняя правда,
 праведное душевное настроение, т. е. вообще юридический
 смысл, или, как это слово и двусмысленно, чувство
 права; без этого правды и юридическому порядку не
 будет достоять как бы души. Если внешнее исполнение
 права не будет исполнено и в этой внутренней прав-
 ды, то не должно быть и речи о внесении право-
 сурности, и в том смысле, собственном смысле пра-
 вды, справедливости и т. д. В требовании тако-
 го настроения, которое должно быть признаваемо обя-
 занностью не только вообще, но и в каждом част-
 ном случае; право и сурность совпадают; только
 чрез исполнение их вместе должно стать внут-
 ренний юридический порядок истинно-ошибочный, ошибочный
 права, архаичный права.”

„Как несомненно то, что есть существенные
 различия между правом и правственностью; так
 будет предельность, упускает из виду и в себя,
 даже далее до того, как начал Кант, а на-
 чина и другие, что будто совершенно и государство, со-
 стоящее из него и т. д.”

„Хотел бы пожелать, что мир немецкий
 должен существовать и по малому преимуществу
 в своей жизни, если люди с безразличными
 и неправотными душевными настроениями даже
 будет много, быть или меньше, или бы по крайней
 мере большинство людей воздавало каждому себе

право должно быть рассмотрено только как внешнее, социальное, и будто внешние условия и внутренние условия разницы жизни принадлежат только не области правдивости и не уясню в правдивости, требуют точнейшей проверки, чтобы было, что это были почти общие. Такие ошибочные воззрения можно избежать и избежать большей частью тем, что во обществе и законодательстве привокли считать только правдивый, совершено чуждым области права, все то, что не только не подпадает под действие внешнего закона или закона внутреннего правительства, но что, касается только самого индивида, имеет быть решено лишь самим по воле.

„ Но это имеет место не только во внешней правдивости, а и во внешней внутренней индивидуальной и индивидуальной области, или правосудия распоряжений; во эту область имеет, не давая государства и его правительственной власти, не давая внешнего вмешательства. Как здесь, так и там, для внешнего права все равно, не имея сам индивид самоопределяется, а следовательно он во этом смысле имеет право или не имеет по своему правдиво-свободному желанию, т.е. это ему дозволено.“

„ Как само можно пойти в одной только компетенции или компетенции внешнего судебного решения, достаточного отличительного признака, по которому можно было бы провести границу между правом и правдивостью, что является целью и того несомнительного обязательства что и верховный суд может неправо за право, следовательно искорбят истинное право, которое через это не представляет никакого вреда правдивости, хотя этому не имея цели и провести право так как законный путь права.“

„Равным образом верно и то, что и часто внутренне правные отношения между людьми, именно касающиеся или неправосильных актов, познания и признания, хотя еще и не существуют для внешнего мира — ибо невозможно или утратить непосредственно, т.е. прежде или обнаружения, — и хотя, следовательно, они вообще еще не относятся до внешнего суда — cogitationis penam non patitur; однако же последние бывают / т.е. они поднимаются судебному признанию, когда и посылку чрез то произведут внешние последствия, о которых, например при преступлении, можно составить себе понятие законное только посредством раскрытия или внутреннего признания — in maleficiis voluntas spectatur, non exitus — или, по крайней мере, когда эти мысли и прочие стали положительными внешними фактами, например если кто-либо находится в заблуждении или обманут, или властью кем-либо подвергается; во таком случае новый законодательство смотрит, и совершенно основательно, на внутреннее состояние человека и на совершающуюся внутри его процесс, более как нечто принадлежащее в области права, а не как нечто, для него безразличное, потому что здесь все это имеет на внешний мир, например когда оно идет и добросовестности человека, от которого зависит быть или не быть в зависимости признания весьма важным юридическим вопросом. Также самое следует сказать и о любви, верности, благодарности — все это качества внутреннего человека, но таковы, которые являются предметами права, поскольку право не только оберегает или равняет и осуществляет на деле, но и не допускает внешней грубости, либо обнаруживающей противуположные качества."

„Наконец ясно, что в направлении и содержании воли, чрез обнаружение ее силами или людьми, вообще ничего существенного не извлекается; напротив, важные определенные воли, вообще ее следы, до окончательного заключения воля остается одной и той же. А потому, если бы можно утверждать, будто только с обнаружением воли она становится неправосильной, между тем как до того она была только внешне противной обязанности, т.е. только безразличной; напротив, воля

противна юридической обязанности уже прежде, в смысле своего содержания. Если внутреннее дело права не имеет никакого значения, то следовательно бы и при юридической оценке внешнего, рассматривать и оценивать его не как одностороннее внутреннее, а просто как внешний факт, состоящий под юридическим воздействием природы."

"А потому, все то, что индивиду дано уже влечет к себе для себя по отношению к условиям необходимым для существования своего существования, — все равно, совершится ли это внутри его, или же посредством его внешнего действительности, во внешнем отношении дано быт подведено, без всякого сомнения, под понятие права. Но только когда и по отношению и другие люди, и следовательно быт и весь, будут признаны существенно участвующими в этом, т. е. когда по отношению деятельности или деятельности индивида участвуют и те, с кем и до чего касается, — она/эта действительность или деятельность/вступает, в этой именно мере, в область внешнего права; нарушить, изменить, по отношению эти условия — это опасность там, кто или страдает, или же и других; попытка улучшить самим себя, неумеренность, расточительность."

"По вопросу об отношении к семье, обществу, как юридическим единицам, между собой и к обществу вообще, хотя эти отношения и суть внешние, однако безусловно они принадлежат к внутреннему праву эти обществ — семейства, общины, церкви, государства и т. д., которые правильно противопоставить или внешнему праву, но очевидно эти отношения не только нравственные, но и юридические. Впрочем во внутреннем мире семейства, даже по отношению они являлись юридическую сторону, поэтому внешнему праву и государству, сколько возможно равны, а это это внешнее поведение каждого, — безусловно от природы!"

е. "Право ради нравственности"

"С нравственностью, означающей ее своей сущности и внутренними условиями юридического порядка, соединяет в себе, без сомнения, право и потому, что и дело нравственности, как и дело всякой другой задачи общественной жизни, должно быть требовать от понятия о нравственности всего, что человек способен и охраняет нравственности, т. е. человек обращать внешние условия, сущность и условия. Эти внешние условия общественной жизни должны быть доставлены правотой и государством не только вообще, т. е. всем, но и в обязанности там, где как по отношению к множеству и без того необходимо для их здоровья развить по возможности руководство всем или жизнью, или там, где фактически не существует предположений во всем совершенно-абсолютно зрелости и способности разумного самоопределения, где потому именно должны быть даны

особенный, импозитив в виду возбуждения и укрощения иль, сущ-
ства, дабы человек было поддается на укрощение существующе-
щего, ввиду исключений, исключительного, противоправного качества иль:
» Во этом отношении есть сдвиг и совокупная целостность прав
ради правдивости, как и совокупная целостность прав ради науки,
религии, искусства и прот. Только во этом смысле юридический союз
или государства и сдвигать быть правая укрощения для общес-
твенности человека. Но даже и при этом ограничении, задача государства,
во отношении к правдивости одно иль труднейшим и деликат-
нейшим; ее решение требует осторожнейшей позиции, всякой цене
существующей ответственности самоопределения человека, а сдвигать иль
сдвигать всякого внимания человека во то, что есть существование иль
свободной воли и личности индивидуальности, и как таковых, и в общес-
твенности. Ибо в будущем сдвигать индивидуальности и общес-твенности
иль пользоваться своей разумной самоопределяемостью, безразлично
внимание человека во то, что преимущественно касается иль сдвигать, твиль
даже поспрашивает иль правдивости, как иль видный, напр.,
на Китай, иль почти всегда выходящий побуждений наступатель-
ных внутренних и иль всякой сдвигать проступков иль поспрашивает
се ударам валидуха."

» Вообще, во случае сомнения, сдвигать твильковать во посп-
ну индивидуальности свобода, как это только и зна-
чит иль принцип: что не запрещено, то дозволено."

» Посредством всего этого опыта точного определения
различия между философией права и философией
морали и доказано, что первая не есть только
но сдвигать поспрашивает, подтверждающий ель общес-твен-
ности обязанности, обязательный принуждения, а
совершенно самостоятельная наука. Только во
одной, именно во субъективной стороне, философия
философия права обращается к душевному на-
строению /Gesinnung/ всякого индивидуальности, она есть
во такие время и почти философия морали." —

00070396

ЮФ СПбГУ